

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

4 • 2021

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miuskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2021

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Ph.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan
- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- T.I. Khorkhordina*, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П.Н. Лебедев*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Секин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

- Д.М. Абрамов*
Князь Александр Невский:
становление полководца и дипломата 12
- П.П. Тихонов*
Международные связи партии кадетов 24
- Е.М. Мишина*
«Тяжело умирать с незаслуженным клеймом
“контрреволюционер”»: отражение репрессий
в жалобах заключенных и их родственников
о пересмотре дел, 1938–1939 гг. 30

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

- М.В. Батшев, С.А. Трифонова*
История бытования одного источника:
«Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского»
в фонде Архива РАН 46

История культуры в документальном наследии

- Н.В. Лукьянова, В.И. Готов*
Библиотека А.А. Зимина
в Центральном государственном архиве
Московской области: история формирования
и обзор составных частей 56

Персональная история

- М.В. Мишуровская*
Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева –
архивные документы и публикации. *Часть 3* 69

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

- Н.И. Химица*
Основные проблемы собирания документального наследия
и создания ГАФ СССР в 1917–1930-е гг. 82

Л.Б. Манджикова

Создание и организация работы партийного архива обкома КПСС Калмыцкой АССР: 1920–1991	100
--	-----

В фондах отечественных и зарубежных архивов

В.В. Никонов

Гжельская керамическая школа в 1918–1925 гг. в архивных документах РГАЛИ и ЦГАМО	115
---	-----

С.В. Чирков

К проблеме частных собраний документов по истории Отечественной войны 1941–1945 гг.: архив И.С. Стрельбицкого	134
---	-----

У книжной полки

С.Ю. Кондратенко

«Работа в госпитале быстро сделала нас взрослыми...». Рецензия на кн.: Астрахань прифронтовая: Госпитали. Астрахань, 2021	141
---	-----

Т.С. Волкова, А.В. Крушельницкий

О морально-этических проблемах некоторых современных авторов: Об учебных пособиях С.И. Цеменковой «История архивов России с древнейших времен до начала XX века» (Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015); «История архивов России: XX – начало XXI в.» (Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019); «Архивоведение: История архивов России с древнейших времен до начала XX в.» (М.: Юрайт, 2021)	150
---	-----

CONTENTS

Russian History

- D. Abramov*
Prince Alexander Nevsky.
Becoming a commander and a diplomat 12
- P. Tikhonov*
International relations of the Cadet Party 24
- E. Mishina*
“It is hard to die with the undeserved ‘counter-revolutionary’ stigma”.
The reflection of repressions in the complaints of prisoners
and their relatives about retrial, 1938–1939 30

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

---

- M. Batshev, S. Trifonova*
The history of the existence of one source. “The Diary
of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky” in the Archive Fund
of the Russian Academy of Sciences 46

History of culture in documentary heritage

- N. Lukyanova, V. Glotov*
A.A. Zimin’s library in the Central State Archives
of the Moscow Region. Acquisition history and an overview
of the components 56

Personal histories

- M. Mishurovskaya*
Editor of the “Russia” magazine.
Biography of I.G. Lezhnev – archival documents
and publications. *Part 3* 69

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

---

- N. Khimina*
The main problems of collecting the documentary heritage
and creating the State Archival Fund of the USSR
in 1917–1930s 82

L. Mandzhikova

Creation and operation of the Party Archives
of the CPSU regional committee of the Kalmyk ASSR. 1920–1991 100

In the funds of Russian and foreign archives

V. Nikonov

Gzhel ceramic school in 1918–1925 in the archival documents
of the Russian State Archive of Literature and Arts
and Central State Archive of the Moscow Region 115

S. Chirkov

The issue of private collections of the documents on the history
of the Great Patriotic War 1941–1945.
The archive of I.S. Strelbitsky 134

Book Reviews

S. Kondratenko

“Working in the hospital has quickly made us adults ...”
Book Review: Front-line Astrakhan. Hospitals. Astrakhan, 2021 141

T. Volkova, A. Krushelnitskii

Concerning the moral and ethical problems of some
contemporary authors. About the textbooks of S.I. Tsemenkova
“History of Russian archives from ancient times to the beginning
of the 20th century” (Yekaterinburg: Publishing House
of the Ural University, 2015); “History of Russian archives:
the 20th – the beginning of the 21st centuries” (Yekaterinburg:
Publishing House of the Ural University, 2019); “Archival science.
History of Russian archives from ancient times to the beginning
of the 20th century” (Moscow: Yurait, 2021) 150

Отечественная история

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-12-23

Князь Александр Невский: становление полководца и дипломата

Дмитрий М. Абрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, abramov_dmitriy@mail.ru*

Аннотация. Годы отрочества, юности и ранней молодости князя Александра Невского практически неизвестны или известны только узкому кругу историков. Тема эта представляет немалый интерес и стала предметом обсуждения на очередных XXIX Международных образовательных Рождественских чтениях: «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа».

Князь Александр являлся представителем второго поколения птенцов «Большого Гнезда» – Великого князя Владимиро-Суздальского Юрия Всеволодовича. В отроческие годы он прошел трудную школу правления в Великом Новгороде. Вместе со старшим братом Феодором пережил тяжелое время голода, мора, болезней и помог новгородцам справиться с последствиями этих невзгод. После преждевременной смерти князя Феодора с июня 1233 г. юный 15-летний князь Александр стал единолично править в Новгороде Великом, проводя политику великокняжеской Владимиро-Суздальской династии на Северо-Западе Русской земли. В 1234 г. в возрасте 16 лет князь Александр принял первое боевое крещение. В ходе монголо-татарского похода в Европу 1237–1242 гг. и крестоносной агрессии на земли Пскова и Новгорода он проводил политический курс, принятый его отцом Великим князем Ярославом Всеволодовичем.

Ключевые слова: князь Александр, Новгород Великий, Ливонский орден, монголо-татары, хан Батый, латинская агрессия

Для цитирования: Абрамов Д.М. Князь Александр Невский: становление полководца и дипломата // История и архивы. 2021. № 4. С. 12–23. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-12-23

Prince Alexander Nevsky. Becoming a commander and a diplomat

Dmitriy M. Abramov

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, abramov_dmitriy@mail.ru*

Abstract. The years of adolescence, youth and early youth of Prince Alexander Nevsky are practically unknown or known only to a narrow circle of historians. This topic is of considerable interest and has become the subject of discussion at the regular XXIXth International Educational Christmas Readings: “Alexander Nevsky: West and East, the historical memory of the people.”

Prince Alexander was a representative of the second generation of the “Big Nest” baby birds – of Yuri Vsevolodovich, the Grand Duke of Vladimir-Suzdal. In his adolescence, Prince Alexander went through a difficult school of government in Veliky Novgorod. Together with his elder brother Theodor, he went through a difficult time of hunger, pestilence, disease and helped the Novgorodians cope with the consequences of these hardships. After the untimely death of Prince Theodore in June 1233, the young 15-year-old Prince began to rule alone in Novgorod the Great, pursuing the policy of the Grand-Ducal Vladimir-Suzdal dynasty in the North-West of the Russian land. In 1234, at the age of 16, Prince Alexander received his first baptism of fire. During the Mongol-Tatar campaign to Europe in 1237 – 1242 and the crusading encroachment on the lands of Pskov and Novgorod, he pursued the political course adopted by his father Yaroslav Vsevolodovich, the Grand Duke.

Keywords: Prince Alexander, Novgorod the Great, Livonian Order, Mongol-Tatars, Batu Khan, Latin aggression

For citation: Abramov, D.M. (2021), “Prince Alexander Nevsky. Becoming a commander and a diplomat”, *History and Archives*, no. 4, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-12-23

Прославленный победами над внешними врагами, известный политик и дипломат русского средневековья Великий князь Владимиро-Суздальский Александр Ярославович Невский известен всем россиянам. Однако годы отрочества, юности и ранней молодости князя практически неизвестны или известны только узкому кругу историков. И потому тема эта представляет большой интерес. Персона и личность Великого князя стали предметом обсуждения и прославления на очередных XXIX Международных образовательных Рождественских чтениях: «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». Автор настоящей статьи

имел возможность выступить с озвученной темой о ранних годах и молодости Великого князя на пленарном заседании 8 декабря 2020 г. в городе Костроме, где было проведено слушание чтений при участии представителей местной церковной иерархии и областной администрации.

Относительно даты рождения Александра Ярославича, второго сына князя Ярослава Всеволодовича, правившего Переславль-Залесским уделом, предположения историков значительно расходятся. Автор придерживается мнения наиболее авторитетного историка XVIII в. В.Н. Татищева, который пользовался в свое время не сохранившимися до нашего времени летописными источниками и определенно указал, что княжич Александр Ярославич родился 30 мая 1219 г.¹ По традиции, взрослым и способным править наследник княжеского стола считался только с 12 лет. Как сообщает Новгородская 4-я летопись, княжич Александр был поставлен отцом и дядей Юрием II Всеволодовичем на княжение в Новгород Великий совместно со старшим братом Феодором осенью 1228 г.² Княжичу Феодору уже исполнилось тогда 12 лет. Следовательно, княжич Александр не должен был сильно отставать в возрасте от Феодора. Факт вокняжения старших сыновей князя Ярослава в Новгороде в 1228 г. заставляет отдать предпочтение версии В.Н. Татищева о рождении Александра в мае 1219 г. Княжичу Александру шел десятый год, но он был оставлен соправителем при брате Феодоре в целях взросления и получения опыта. Итак, *княжеское служение Александра Ярославича* началась на десятом году его жизни. Княжеское правление в Новгородской республике, учитывая новгородские порядки и вольности, являлось *лучшей школой дипломатического и политического воспитания того времени*. Позже в Новгороде началась усобица, и князь Ярослав отозвал сыновей в Переславль-Залесский.

Уместно и необходимо сказать несколько слов о наиболее интересных исторических персонажах – старших представителях «Большого Гнезда», князьях: Константине, Юрии, Ярославе, Святославе, Владимире, Иоанне – сыновьях Великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Юрьевича. Отцом молодого Новгородского князя Александра являлся Ярослав Всеволодович (в крещении Василий), т. е. христианское отчество князя Александра – *Васильевич*.

Но сначала надо вспомнить про деда – Великого князя Всеволода «Большое Гнездо» (сына князя Юрия Долгорукого). Мало

---

¹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 3. Ч. 2. М.; Л.: Наука, 1964. С. 432.

² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 206–207.

кому известно даже из историков, что князь Всеволод, скорее всего, воспитывался в Фессалонике. По материнской линии он был греком. Его мать Ольга была принцессой из династии византийских императоров Комнинов. В этом плане очень любопытна статья известного отечественного исследователя Г.Я. Мокеева «Мистика Большого Гнезда» [Мокеев 1998, с. 39–43]. Естественно, князь Всеволод прекрасно был осведомлен о делах в Империи Ромеев. В частности, знал о захвате западными крестоносцами Константинополя в 1204 г. (в ходе IV Крестового похода 1202–1204 гг.), о войне православных государств и народов с западными латинскими завоевателями в Юго-Восточной Европе³. Эти знания и свои эмоции

---

³ Осенью 1204 г. войска западных рыцарей переправились в Малую Азию для завоевания Никейского царства (сложившегося в восточных провинциях Ромейской империи). Поначалу им сопутствовала удача. Но затем ополчение Бруссы разгромило их и отбросило от своего родного города. Это был первый успех ромеев в войне с захватчиками-латинянами. Весной 1205 г. латинский император Бодуэн начал подготовку своих главных сил для завоевания восточных греческих провинций. Но в это время началось восстание греков во Фракии. Следом болгары вторглись на территорию Романии и разгромили западных рыцарей под Адрианополем. Погиб и сам Бодуэн. Новый император латинян Генрих отозвал свои войска из Азии.

К этому времени на Балканах укрепилось Эпирское царство. Его правителем стал энергичный и воинственный Феодор Ангел (1215–1230). Он сплотил вокруг себя феодальные круги Эпира и создал сильное войско. В 1216 г. умер латинский император Генрих. Власть латинян в Константинополе зашаталась. Из Франции в 1217 г. на помощь им был послан с войском граф Пьер де Куртене. Но Эпирское войско окружило французских рыцарей в горных проходах и перебило его. Сам Куртене попал в плен и погиб в темнице. После этого Феодор Ангел направил свой главный удар против королевства Фессалоник, где также пустовал королевский престол. Осенью 1224 г. Фессалоника пала. Большая часть Македонии оказалась в руках Эпира.

В 1225 г. никейский император Иоанн Ватац (1222–1254) начал наступление на латинян с востока и решительно погнал их из Малой Азии. Войско никейцев разгромило рыцарей при Пиманионе. Флот никейцев господствовал на севере Эгейского моря и на Геллеспонте. Никейские войска высадились во Фракии и совершали походы до Адрианополя.

С 1205 г. до конца 1230-х гг. полыхала феодальная усобица, и разворачивалось латинское вторжение на Карпатах и на Волыни. В 1214 г. венгерский король Андраш II и польский князь Лешко Белый заключили союз и поделили Юго-Западную Русь. Венгерский королевич Кальман был венчан как король Галича. Большая часть Волыни досталась Польше. Однако V крестовый поход отвлек силы венгров от событий в Русской земле.

Всеволод «Большое Гнездо» передал сыновьям. Немаловажно, что женат он был на осетинской княжне («ясыне») Марии. Осетины же приняли православие еще в IX в. от самого славянского просветителя Кирилла (Константина). В жилах Всеволодовичей текла горячая греческая и осетинская кровь. Особенно это было заметно по характеру пассионарных: Юрия, Ярослава и Владимира Всеволодовичей. Менее пассионарными, видимо, были: Константин, Святослав, Иоанн. Итак, все они, особенно старшие, прекрасно знали, что творится в Малой Азии, на Балканах, в Прикарпатье, а тем более в Балтии. Возможно, здесь кроется одна из главных причин *бескомпромиссного противостояния Всеволодовичей латинским завоевателям на западных рубежах Русской земли*. Эти знания и эти эмоции унаследовали и многие представители второго поколения птенцов «Большого Гнезда», к числу которых принадлежал князь Александр. Что же касается материнской линии, то очень важно отметить, что дедом князя Александра по линии матери был известнейший русский полководец первой четверти XIII в. – князь Мстислав Удалой.

* * *

На Новгородском столе князь Ярослав в очередной раз оставил уже повзрослевших сыновей Феодора и Александра в начале 1231 г. Страшными и тяжелыми были та голодная зима и весна для Новгорода. Дороговизна и голод свирепствовали. Люди стали употреблять в пищу: конину, собак, кошек, мох, сосновую и липовую кору, «кто, что како замыслить». Дошло до того, что иные стали есть мертвечину, срезая плоть с трупов. Среди простонародья появились случаи преднамеренного убийства людей и каннибализма. Начались массовые отравления и болезни. «А инии осочивше тако творяще, ово ихъ огнемъ жгоша, а другихъ осекоша», – свидетельствовал новгородский летописец⁴. В городе начались грабежи и поджоги.

Княжеская власть, одной из главных задач которой были суд и наведение порядка, должна была функционировать безотказно.

В период с 1218 по 1222 г. князь Мстислав Удалой с помощью половцев изгнал венгерских и польских рыцарей из Галиции и Подолии. Вторжение венгров повторилось в 1226 г., но было отбито князем Мстиславом. Польские феодалы также не оставляли попыток овладеть Юго-Западной Русью.

Между тем на Балканах войска Эпира взяли Адрианополь и вышли к Черному морю. Воины Феодора Ангела готовились к осаде Константинополя. Латинская знать заперлась в городе и трепетала от страха. Казалось, дни Латинской империи – Романии были сочтены.

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская 4-я летопись. Пг., 1915. С. 210.

И надо думать, молодые князья (особенно старший князь Феодор) именно тогда проявили себя как справедливые и твердые правители. Мертвецов, что лежали «непогребенные по улицам, и по торгу, и по Великому мосту, изъедаемые псами», стали хоронить в скудельницах (в общих могилах). По приказу князей одну скудельницу отрыли в конце Чудинцевской улицы, другую – на Коломне (Колоне) за храмом Святого Рождества и обе наполнили покойниками, которых почти никто не считал. В ту же пору в Смоленске от голода и болезней умерло около 32 тысячи человек, которые были похоронены в 4-х братских могилах. Можно предположить, что за осень 1230 – весну 1231 гг. в Новгороде погибло более 20 тысяч человек. Положение стало поправляться уже поздней весной, так как появилась первая зелень, и люди начали делать отвары из нее.

Скорее всего, по подсказке новгородских сподвижников юные князья еще на исходе зимы отправили санным путем (заблаговременно до открытия навигации в Финском заливе, на Неве, Ладоге, Волхове) торговых агентов в крупные портовые города Северной и Западной Балтии. С началом навигации немецкие купцы из Ливонии и «изъ Заморья» (ганзейцы) подвезли в Новгород «жито и муку» на своих кораблях, сбили дороговизну, и продовольствие стало доступно простонародью. Вероятно, небольшие обозы с продовольствием пришли и из Низовских земель, так как князь Ярослав открыл все торговые пути в Новгород.

В июне 1233 г. нежданно ушел из жизни старший брат князя Александра. Гибель молодого 18-летнего князя отозвалась большим горем среди новгородцев. Вызвано оно было памятью о тяжелейших испытаниях, пережитых ими совместно с князем, его заботах о Новгороде. Тем же годом в память о добром, рано ушедшем правителе, над каменными, башенными воротами, ведущими из Детинца в Неревский конец города, новгородцы поставили храм с престолом святого Феодора Стратилата. Спустя века ворота были заложены, башня перестроена, но название Федоровской она хранит до сего дня. Что же касается семейных и кровных уз, что всегда было связано в княжеских гнездах русского и европейского средневековья с политикой, то итогом этой смерти стала для Ярослава Всеволодовича утрата самого опытного из сыновей – старшего наследника и помощника. В XIX столетии среди отечественных историков бытовало мнение, что ранняя смерть князя Феодора Ярославича была неким провидением, ибо этим избавила князя Александра от сильного соперника в борьбе за власть. Видится, что это мнение глубоко ошибочно. Старшие сыновья князя Ярослава росли, воспитывались в единомыслии и дружбе, иначе отец никогда бы не оставил их соправителями на новгородском столе в юном возрасте. Для второго сына Ярослава Всеволодовича – Александра, заступившего на

место Феодора, преждевременная смерть старшего брата со временем стала утратой потенциального единомышленника и сподвижника, каковыми на протяжении жизни являлись его дядя Юрий и отец Ярослав Всеволодовичи. Так с июня 1233 г. на первый план внутренней и внешней политики, проводимой великокняжеской Владимиро-Суздальской династией на русском Северо-Западе, все явственнее выдвигается фигура тогда еще юного князя Александра Ярославича, которому шел 15-й год.

* * *

В 1233 г. ливонцы обрушили очередной удар на Новгородские рубежи. Они захватили порубежную русскую крепость Тесово. Ими были взяты русские пленники. Затем произошло сражение с ливонцами у Изборска, где русские также взяли пленных. 1234 год оказался не менее горячим и насыщенным военными событиями, чем предшествующие, так как князь Ярослав Всеволодович предпринял ответный ход. Вероятно, он провел свои полки в Чудскую землю, форсировав реку Нарву близ ее истоков. Русское войско было в основном конным и мобильным (скорее всего 3–4 тысячи воинов). Молодой Новгородский князь Александр не мог не сопровождать отца и, вероятно, возглавлял конный новгородский полк. Во второй половине весны русские неожиданно появились близ стен города Дерпта. Местное ополчение, собранное из немцев и эстов на скорую руку, спешно переправилось на левый берег реки Эмбах. Дерптцы успели подать известие о вторжении русских в город Оденпе. Оттуда на помощь Дерпту выступил отряд. Однако, значительные силы ливонцев не успели вовремя переправиться через реку и подойти к месту решающих событий. Сеча развернулась восточнее Дерпта. Русская конница нанесла сокрушительный удар сторожевому ливонскому полку. «И князь Ярослав с Новгородци биша их (ливонцев) до рече, на Омовыже (Эмбахе) Немци обломишася, истопоша их много, а инии уязвени вбегоша въ Юрьев (Дерпт), а друзии в Медвежию Голову (Оденпе)», – свидетельствовал новгородский летописец⁵. По сути, русские полки прижали ливонцев к левому берегу реки, а те, отступая и спешно переходя реку, стали тонуть. Отступление и гибель ливонского авангарда переросло в общее бегство ливонского войска уже на правобережье реки. Причем, отряд из Оденпе не успел соединиться с ополчением из Дерпта. Дерптцы бежали и укрылись за стенами своего города. Оденпцы вынуждены были отступать. Русские конные полки не стали осаждать хорошо укрепленных немцами городов, но разорили их округу и взяли большой полон. Тогда «поклонишася Немци

---

⁵ Там же. С. 213–214.

князю; и, смирившись», что означало заключение мира или долгого перемирия. После чего русские полки «отъидоша» восвояси⁶.

Сражение, произошедшее на берегах Эмбаха весной 1234 г., стало началом важнейших перемен в судьбе Ордена меченосцев. Победа русских войск под рукой князя Ярослава Всеволодовича и события последовавших трех лет временно остановили германско-латинскую экспансию на земли русского Северо-Запада, привели орден к глубокому политическому кризису и реорганизации. Отдельные отечественные историки предполагают, что битва на Эмбахе близ Дерпта произошла в марте. Однако летописные свидетельства скорее противоречат этому, чем подтверждают данную точку зрения. Во-первых, переговоры с немцами в Оденпе, выкуп тесовских пленников по сообщениям Новгородской 4-й летописи продолжались «до Великого говения», т. е. до Великого поста, который в том году начался 4–5 марта (Пасху встречали 23 апреля). Начать военные действия сразу после переговоров, выкупа пленников и установления пусть ненадежного перемирия вряд ли входило в планы русских князей и новгородского правительства. Во-вторых, для сбора войск необходимо было время. Одновременно было бы неразумно начинать поход в Чудскую землю в условиях приближавшейся весны и распутицы на дорогах. Слова же летописи о разгроме ливонцев «на реце, на Омовыже» и о том, что, «истопоша их много...», никоим образом не подтверждают, что на Эмбахе стоял мартовский лед. Стремление отдельных отечественных историков сравнить битву на Эмбахе с Ледовым побоищем и преподнести ее как некую репетицию грядущих событий выглядит достаточно тенденциозно. Скорее всего, события на Эмбахе произошли уже после Пасхи 1234 г., когда весна завершалась, когда подсохли дороги Северной Балтии и немецкая угроза русским рубежам вновь вполне определилась. В данных условиях поход князя Ярослава Всеволодовича в земли Ордена носил характер упреждающего удара. Свидетельства новгородских летописей означали, что сопротивление немецких войск было сломлено полностью лишь на берегу реки и на прибрежном мелководье, а далее последовали бегство и избитие отступавших. Для шестнадцатилетнего князя Александра это было первое боевое крещение!

Уже после победы над шведами на Неве в июле 1240 г., князь Александр вновь оставил Новгород Великий. Сравнительный анализ летописных материалов позволяет расставить многие события того времени по местам. Летом 1241 г. новгородцы отправили посольство к Великому князю Ярославу во главе с самой владыкой (архиепископом) Спиридоном. Главная просьба новгородцев – дать

---

⁶ Там же.

им сына на княжение. По сути, это означало признание вассальной зависимости Новгородской республики от власти Великого князя и оказание военной помощи новгородцам. Посольство, возглавляемое самим архиепископом, свидетельствовало о его особой важности. Выслушав просьбу новгородцев, Ярослав Всеволодович пошел навстречу и первоначально хотел направить в Новгород одного из младших сыновей – Андрея. Но посольство однозначно просило на княжение Александра. «Яко же не правы, – рече, – сотворив крамолу велию и размолвише с сыном твоим, с великим князем Александром, и в том бы еси нелюбие Великому Новгороду отдал во славу Божию, а сына своего князя Александра опять дал княжити», – свидетельствует Никоновская летопись⁷. Ярослав Всеволодович внял просьбе владыки и новгородцев. О возвращении князя Александра новгородскими летописцами было сказано довольно кратко. Новгородская 1-я летопись отмечает лишь то, что новгородцы были рады этому. Но слухи о казнях в Новгороде дошли до Залесской Руси. И один из авторов оригинала будущей Никоновской летописи спустя время записал, что князь Александр, вернувшись в Новгород, «многих крамольников перевешал»⁸. Так, впервые, молодой Александр показал свой крутой нрав новгородским вольнице. Новгородский владыка не препятствовал казням. И новгородцы приняли их и смирились. Князю Александру совместно с новгородскими полками предстояло отбивать крепость Копорье у ливонцев. И Копорье действительно было успешно отбито и возвращено Новгороду.

* * *

Особо ярко дипломатические способности были явлены у дяди Александра – у князя Юрия II (Георгия) Всеволодовича. Но и отец Александра в труднейших условиях монголо-татарского нашествия также проявил их. Во время осенне-зимней кампании 1237–1238 гг., когда монголо-татары обрушили первый удар на Русские земли в битве на реке Сить, погиб Великий князь Юрий II, а немногим ранее в осажденном и взятом монголами Владимире погибла вся его семья. Великим князем по праву наследования стал Ярослав Всеволодович, что значительно изменило политическую ситуацию. Можно обвинять князя Ярослава в том, что он не торопился прийти на Сить и оказать помощь старшему брату. Но, во-первых, была суровая и снежная зима, а от Киева до Сити прямой дорогой – более тысячи верст пути. Во-вторых, Ярослав повел свои полки из Киева не кратчайшим путем, а в обход еще не тронутых войной

⁷ ПСРЛ. Т. 10. Ч. 2: Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 124.

⁸ Там же. С. 124–125.

земель, враждебных ему Черниговских князей. Наверное, он двинулся вверх по Днепру до Смоленска, а уже из Смоленска пошел на Можайск – Москву – Владимир. В-третьих, мы не знаем, когда известия о вторжении монголо-татар достигли Киева и насколько серьезно эти известия были восприняты там. Князь Ярослав действительно не успел на Сить, а пришел уже в разоренный Батыем Владимир. Он был хорошим военачальником, но пришлось стать и дипломатом. Ярослав слышал о призывах Батыя, приглашавшего русских князей к себе на службу. В глазах современников это означало признание вассалитета. Тем более в глазах русских хан Батый являлся «царем». Царь в системе феодальной иерархии и по представлениям правящей элиты той эпохи был выше князя. Кесарями (царями) тогда именовали только германских и византийских императоров. Князь Ярослав очень быстро и реально оценил обстановку, понял, что необходимо немедленно дипломатическим путем спасти Новгород, где княжил его сын Александр. Там же находилась вся семья Ярослава, бежавшая от монголов из Переславля-Залесского на запад.

Что Ярослав мог предложить Батыю? В первую очередь свою службу, покорность и дань. Видится, что монголо-татарская рать, не дошедшая 100 верст до Новгорода Великого, остановилась «у Игнача креста» не из-за «ранней распутицы». Остановили ее огромные потери в войсках и дипломатические переговоры, начатые между князем Ярославом и Батыем. В итоге Батый ушел на юго-восток, не тронув Новгорода Великого. Он обрушил всю силу своих войск на земли Чернигово-Северского княжества, враждебного Ярославу и Владимиро-Суздальскому княжеству. Первым на пути монголов в этом отступлении на юго-восток и стал Козельск, принадлежавший Черниговским князьям. Но с этого времени земли Русского Северо-Востока и Северо-Запада признали вассальную зависимость от Орды Батыя. Так было положено начало вассалитета и союза Великих князей Владимирских (затем Московских) с Ордой против латинской агрессии. Этого курса уверенно придерживался и наследник Великого князя Ярослава – Александр Ярославович. Отметим, что политическая позиция князя Александра в отношениях с Батыем и в дальнейшем с Золотой Ордой неоднократно подвергалась критическому переосмыслению отечественных историков либерального направления. К числу их можно отнести бывшего ректора РГГУ, доктора исторических наук Ю.Н. Афанасьева⁹. Однако осмысление итогов государственного становления и исторической миссии

---

⁹ *Афанасьев Ю.Н.* Вздрыбленная Россия // *Общая газета.* 1998. № 37 (267). 17–23 сент.

России, сам ход событий, военных побед и дипломатических успехов князя Александра оправдывают его позицию.

Первый этап войны 1240–1242 гг. против Ливонско-Тевтонского ордена связан с освобождением Копорья князем Александром Невским (победителем шведов на Неве в 1240 г.). Новгородская 4-я летопись однозначно утверждает, что после взятия Копорья и изгнания ливонцев из Водской земли на исходе 1241 г. князь Александр оставил Новгород. Он уехал в стольный Владимир к отцу – князю Ярославу. Великий князь Ярослав и его старший сын в тесном кругу единомышленников приняли важное решение. «В лето 6749 иде Александр к Батыю царю», – засвидетельствовано новгородским летописцем¹⁰. Это сообщение рядом отечественных исследователей воспринимается критически. Ряд исследователей скептически заявляют, что нельзя исключить поездки князя в ставку Батые на Волгу осенью 1241 – зимой 1242 г. Отметим, что князь Александр Ярославич действительно не мог оказаться тогда на берегах Волги. Но он явно встречался с Батыем и заручился поддержкой хана. Возможно, встреча с Батыем произошла где-то в Юго-Западной Руси, но еще вероятнее – за Карпатами у Дуная – на территории Венгерского королевства. Если основные силы монголо-татар воевали тогда в Центральной Европе, где мог быть тогда их полководец?

Но могло ли успеть русское посольство сделать столь дальний марш-бросок? От Владимира-на-Клязьме до Киева около 1000 верст пути. Такое же расстояние от Киева до Эстергома – средневековой столицы Венгрии. Зимним, санным путем, налегке, без обоза и пеших войск этот путь можно преодолеть за месяц (60–70 верст в сутки). Столько же потребовалось для возвращения. Князь Александр возвратился во Владимир к исходу января 1242 г. Видимо, после этих переговоров брат хана монгольский темник Хорду вторгся в южные земли Тевтонского Ордена. Так, благодаря первому дипломатическому ходу и успеху князя Александра, был скоординирован русско-монгольский удар по владениям ордена в Прибалтике [Абрамов 2007, с. 274–275]. В этой войне на стороне русских оказались литовцы, пруссы, западные славяне Балтийского Поморья и Полабья. От берегов Эгейского и Адриатического морей до восточных берегов Балтики складывался единый фронт борьбы с западными латинскими завоевателями. Новгородская земля и Балтия стали правым флангом этого фронта.

---

¹⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Новгородская 4-я летопись. М., 2000. С. 228.

Литература

- Абрамов 2007 – *Абрамов Д.М.* Тысячелетие вокруг Черного моря. М.: Алгоритм, 2007. 320 с.
- Мокеев 1998 – *Мокеев Г.Я.* Мистика Большого Гнезда // Новая деловая книга. 1998. № 6. С. 39–43.

References

- Abramov, D.M. (2007), *Tysiacheletie vokryg Chornogo moria* [Millennium around the Black Sea], Algoritm, Moscow, Russia.
- Mokeyev, G.Ya. (1998), “The mystic of the Big Nest”, *Novaya delovaya kniga*, no. 6, pp. 39–43.

Информация об авторе

Дмитрий М. Абрамов, кандидат культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; abramov_dmitriy@mail.ru

Information about the author

Dmitriy M. Abramov, Cand. of Sci (Cultural Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; abramov_dmitriy@mail.ru

Международные связи партии кадетов

Петр П. Тихонов

*Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия, tihonov.petr.2.0@gmail.com*

Аннотация. В данной статье поднимается проблема международной деятельности партии кадетов с 1906 по 1917 г. В указанный период кадеты оказались во главе внешнеполитической деятельности Государственной Думы начиная с первого и заканчивая четвертым созывами. Это было связано с тем, что, во-первых, кадеты имели развитую сеть личных и профессиональных контактов с западными политиками и журналистами, сформулировали собственное видение внешней политики, а также были идеологически близки к политической элите Англии и Франции. Свой международный авторитет партия кадетов использовала в двух направлениях: с одной стороны, таким образом, повышался авторитет партии в российском обществе, с другой стороны, происходило сближение России с союзницами по Антанте. В этом сближении важен не столько геополитический аспект, сколько налаживание горизонтальных связей между обществами этих стран, что позволяет строить долговременные дружественные отношения. В этом состояла главная особенность деятельности кадетов – они не обладали правительственными полномочиями, их деятельность не приводила к заключению договоров, однако она оказывала воздействие на общественное мнение как в России, так и за ее пределами.

Ключевые слова: партия кадетов, межпарламентская дипломатия, Государственная Дума

Для цитирования: Тихонов П.П. Международные связи партии кадетов // История и архивы. 2021. № 4. С. 24–29. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-24-29

International relations of the Cadet Party

Petr P. Tikhonov

*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, tihonov.petr.2.0@gmail.com*

Abstract. This article raises the problem of the international activities of the Cadet Party from 1906 to 1917. During this period, the Cadets were at the head of the foreign policy activities of the State Duma from the first to the fourth convocations. Firstly, the reason is that the cadets had a developed network of personal and professional contacts with Western politicians and journalists; secondly, they formulated their own vision of foreign policy, and were also ideologically close to the political elite of England and France. The Cadet Party used its international authority in two directions: on the one hand, this increased the party's authority within the Russian society; on the other hand, Russia was drawing closer to its allies in the Entente. In this rapprochement, it is not so much the geopolitical aspect that is important as the establishment of horizontal ties between the societies of these countries, which allows building long-term friendly relations. This was the main feature of the activities of the Cadets – they did not have government powers, their activities did not lead to the conclusion of agreements, but it influenced public opinion both in Russia and abroad.

Keywords: Cadet Party, inter-parliamentary diplomacy, Russian State Duma

For citation: Tikhonov, P.P. (2021), "International relations of the Cadet Party", *History and Archives*, no. 4, pp. 24–29, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-24-29

Представители партии кадетов в России начала XX в. уже были вписаны в международный контекст. Их публицистические статьи публиковала западная пресса, научные работы печатались в журналах и выходили в качестве отдельных монографий. Неудивительно, что после формирования партии они оказались лицом российского общества в Англии и Франции. Именно поэтому изучение их международных связей приобретает большое значение.

Внешнеполитическая деятельность партии кадетов затрагивалась в работах советских и российских историков [Алексеева 1990; Кустов 2009], однако предметом самостоятельного исследования она не становилась.

Для кадетов активное международное взаимодействие было само собой разумеющимся элементом публичной деятельности. Во-первых, кадеты с самого начала существования своей органи-

зации стремились к использованию опыта некоторых европейских стран, в первую очередь Англии и в несколько меньшей степени Франции. Это проявляется в их речах на межпарламентских конференциях¹, выступлениях в прессе², личной переписке³. Контакты с представителями этих стран уже были налажены, ведь многие представители партии кадетов были публицистами, печатающимися в иностранных журналах, учеными, которых приглашали читать лекции в ведущие университеты.

Партия использовала все возможные инструменты международного взаимодействия. Самыми эффективными из них стали межпарламентские визиты. Конечно, помимо кадетов, в них принимали участие октябристы, левые и даже крайне правые, однако, ведущую роль в формировании повестки играли именно П.Н. Милоков и В.А. Маклаков. В ходе таких визитов кадеты представляли или по крайней мере стремились представить не только какую-то одну политическую силу, а все российское общество в целом.

Было бы неверно считать, что кадеты лишь занимались таким образом политической борьбой в России. У Партии Народной Свободы была, пожалуй, наиболее конкретно сформулированная внешнеполитическая доктрина. В первую очередь, это нацеленность на союз с Великобританией и Францией. Такое сближение, по мнению кадетов, наилучшим образом соответствовало интересам России, поскольку ни с Францией, ни с Великобританией у нас не было неразрешимых внешнеполитических противоречий. Напротив, интересы России находились на Балканах и Черном море [Шелохаев 2019, с. 215].

Союз с Англией и Францией нечто большее, чем геополитический блок. Россия в 1905 г. выбрала свой путь развития, и это путь конституционных свобод. Моделью внутривнутриполитического развития России являлась Англия, где сильная власть парламента сочеталась с институтом монархии. Кадеты видели свою задачу в сближении обществ разных стран. Главная цель такого сближения – предотвращение международных конфликтов, которые куда чаще являлись столкновениями правительств, чем народов. Поэтому особый интерес у партии кадетов вызывали международные органы – межпарламентский союз, международный суд и т. д.

В то же время в европейских странах легко заметить встречное движение. Вероятно, оно не носило такого массового характера, как в России, однако для представителей общественности Англии

---

¹ Речь. 1909. 11 (24) июня. № 157. С. 1.

² Le Temps. 1909. 30 juin. № 17520. P. 2; Русские ведомости. 1908. 29 февр. № 50. С. 2.

³ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3732. Д. 3745.

и Франции контакты с русским обществом через представителей партии кадетов приобретают значение. Особенно это заметно в случае Великобритании. Особая заслуга здесь принадлежит Бернарду Парсу, взаимодействие которого с партией кадетов широко отражено в его мемуарах⁴. Будучи известным публицистом, он смог создать журнал «Russian review»⁵, который внес огромный вклад в информирование английского общества о том, что такое Россия. Не менее важна его издательская деятельность, благодаря которой были переведены на английский язык и изданы десятки книг виднейших российских ученых. В один ряд с ним можно поставить Мориса Бэринга и Уильяма Уоллеса – британских корреспондентов в России, теснейшим образом связанных с представителями партии кадетов.

Связи кадетов с французским обществом менее персонифицированы. Чаще они вступали в контакты скорее с изданиями, чем с представителями общественности. Внес свой вклад в менее оживленные контакты и французский посол в России Морис Палеолог, который, в отличие от посла Великобритании Джорджа Бьюкенена, меньше интересовался российской политической жизнью.

Британский посол Джордж Бьюкенен же находился с кадетами в постоянном контакте: он принимал участие в организации визита британских парламентариев в Россию, регулярно встречался с лидерами партии на званых ужинах в посольстве⁶. В особо сложные периоды политической истории России он практически еженедельно встречался с П.Н. Милюковым. Позже в Великобритании его даже обвиняли в потворстве революции в России, впрочем, безосновательно. Французское общество в целом относилось к российской власти с большей лояльностью. Неудачи объяснялись «пагубными советами»⁷, которые давало Николаю II его окружение, но даже в парламенте от критики воздерживались⁸. Французская пресса характеризовала установившиеся между Россией и Францией отношения не просто как союзнические, но как родственные⁹.

Безусловно, представители Великобритании преследовали интересы своего государства: необходимо было, насколько это возможно, смягчить русско-британские отношения, добиться от России стабильного сотрудничества. Однако такая мотивация их

---

⁴ *Pares B.* My Russian memoirs. London: J. Cape, 1931.

⁵ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

⁶ *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 92–93.

⁷ *Le Temps.* 1906. 7 juillet. № 16449. P. 1.

⁸ *Le Figaro.* 1906. 17 juillet. № 198. P. 2.

⁹ *Ibid.* 1909. 10 juillet. № 191. P. 4.

деятельности все же представляется вторичной. Россия в начале XX в. фактически впервые по-настоящему открылась для обществ западных стран: волна интереса к России не обуславливалась внешнеполитическими обстоятельствами. Морис Бэринг описывал свою мотивацию по установлению тесных англо-русских отношений следующим образом: «Во всем, что касается России, я всегда имел в виду только одно: стимулировать в других тот интерес, который я сам испытывал. Я знаю – хотя и не могу объяснить, почему так, – между русским и английским народами есть любопытная возможность для сближения, любопытные схожести и еще более любопытные отличия, которые дополняют друг друга»¹⁰. Что же касается нацеленности европейских обществ на контакт с представителями именно партии кадетов – он объясняется очень просто: кадеты представляли наиболее близкие им политические взгляды и уже были прочно интегрированы в международное сообщество.

В исторической литературе, особенно не самой современной, можно встретить мнение, что деятельность политических партий в Российской империи носила декоративный характер и не оказала никакого существенного влияния. Если говорить о характере взаимодействия представителей партии кадетов с международными коллегами, то это не так. Кадеты не стремились принять какие-либо конкретные международные решения, поскольку попросту не имели подобных полномочий. Однако они добились заметного успеха в деле сближения российского общества с обществами Англии и Франции, что продемонстрировал всплеск интереса к России, в частности, в ведущих периодических изданиях западных стран. В то же время партии кадетов удалось укрепить через международное взаимодействие свой престиж несмотря на то, что в Государственных Думах III и IV созывов кадеты были в значительном меньшинстве, вся международная повестка лежала на них, и Государственная Дума отдавала им явное предпочтение при формировании делегаций. Неслучайно, что уже после февральской революции два выдающихся представителя партии кадетов займутся международной деятельностью уже со стороны государства: П.Н. Милюков стал министром иностранных дел Временного правительства, а М.А. Маклаков – российским послом во Франции.

Благодарности

Эта работа была бы невозможна без советов и поддержки со стороны моего научного руководителя Кирилла Андреевича Соловьева, выражаю ему глубокую признательность.

---

¹⁰ *Baring M.* The mainspring of Russia. L.: T. Nelson. 1914. P. 5.

Acknowledgements

This work would have been impossible without advice and support from my scientific advisor Kirill Andreevich Solovyov, I express my deepest gratitude to him.

Литература

- Алексеева 1990 – *Алексеева И.В.* Агония Сердечного согласия. Л.: Лениздат, 1990. 317 с.
- Кустов 2009 – *Кустов В.А.* Думская дипломатия: визит русской парламентской делегации в страны Антанты (апрель – июнь 1916) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4. С. 129–133.
- Шелохаев 2019 – *Шелохаев В.В.* Либерализм в России. М.: РОССПЭН, 2019. 502 с.
- Pares 1931 – *Pares B.* My Russian Memoirs. London: J. Cape, 1931.

References

- Alekseeva, I. (1990), *Agoniya Serdechnogo soglasiya* [Agony of Heart's consent], Lenizdat, Leningrad, URSS.
- Kustov, V. (2010), “Duma diplomacy. Visit of the Russian parliamentary delegation to the Entente countries (April – June 1916)”, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 129–133.
- Pares, B. (1931), *My Russian Memoirs*, J. Cape, London, UK.
- Shelohaev, V. (2019), *Liberalizm v Rossii* [Liberalism in Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Петр П. Тихонов, аспирант, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; tihonov.petr.2.0@gmail.com

Information about the author

Petr P. Tikhonov, postgraduate student, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 19, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia; tihonov.petr.2.0@gmail.com

«Тяжело умирать
с незаслуженным клеймом “контрреволюционер”»:
отражение репрессий в жалобах заключенных
и их родственников о пересмотре дел,
1938–1939 гг.

Екатерина М. Мишина

*Благотворительный фонд «Протяни руку»,
Москва, Россия, zuu@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются тексты жалоб заключенных и их родственников, поданные ими в органы власти в 1938–1939 гг., на несправедливое осуждение в рамках «кулацкой» операции НКВД. Источником выступают тексты прошений о помиловании, отложившиеся в следственных делах по Москве и Московской области в Государственном архиве РФ. Жалобы, описывающие истории разных людей, схожи по своей сути и цели и имеют схожую трехчастную структуру, где выделяются «истинные» (по мнению жалобщиков) мотивы осуждения (оговоры, действия следователя), причины арестов и их взаимосвязи друг с другом и аргументы, доказывающие невиновность человека и необходимость скорейшего пересмотра дела. На основе сравнения текстов жалоб заключенных и их родственников выделяются различия в понимании ими причин и сущности репрессий в целом. Автор приходит к выводу, что заключенные улавливали четкую связь между социальным происхождением и фактом ареста, их родственники же не считали такую причину весомой и считали, что трудовые заслуги были важнее происхождения. Их прошения более биографичны, сами заключенные уделяли значительное внимание разъяснению каждого предъявленного официального обвинения. Родственники чаще верили в «ошибки» органов и случайность ареста, заключенные же объясняли репрессию местью коллег или соседей по квартире. Масовость террора осознавалась жалобщиками лишь интуитивно, ответственность за него они переносили на рядовых граждан – «доносчиков» и следователей, фабрикующих дела.

Ключевые слова: эго-документы, жалобы, причины репрессий, заключенные, родственники, следователи, доносы

Для цитирования: Мишина Е.М. «Тяжело умирать с незаслуженным клеймом “контрреволюционер”»: отражение репрессий в жалобах заключенных и их родственников о пересмотре дел, 1938–1939 гг. // История и архивы. 2021. № 4. С. 30–45. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-30-45

“It is hard to die
with the undeserved ‘counter-revolutionary’ stigma”.
The reflection of repressions in the complaints
of prisoners and their relatives about retrial,
1938–1939

Ekaterina M. Mishina

*The charity foundation “Give the Hand”,
Moscow, Russia, zyu@inbox.ru*

Abstract. The article is dedicated to the texts of the complaints of prisoners and their relatives about an unfair conviction during the NKVD “kulak” operation. They are stored in the investigative cases of the repressed Muscovites in the State Archives of the Russian Federation. The complaints have a three-part structure with the “true” (according to the complainants) motives of conviction (slander, actions of the investigator), arrest reasons and their relationship with each other, and the arguments proving human innocence. The author analyses the differences in the understanding of the reasons of repressions in the texts of the prisoners and their relatives. The convicts realized a clear connection between the social origin and the fact of arrest, their relatives did not consider that reason to be significant and believed that labor merits were more important than the origin. Their petitions are more biographical, the convicts themselves paid considerable attention to the explanation of each official charge. The relatives more often believed in the “mistakes” of the NKVD while conducting arrests, the prisoners explained the repression as a revenge of the colleagues or neighbors. The mass terror was only intuitively recognized by the complainants; they transferred the responsibility for it onto ordinary citizens – the “snitches” and investigators who fabricated the cases.

Keywords: ego-documents, causes of repressions, complaints, prisoners, relatives, investigators, snitches

For citation: Mishina, E.M. (2021), “It is hard to die with the undeserved ‘counter-revolutionary’ stigma. The reflection of repressions in the complaints of prisoners and their relatives about retrial, 1938–1939”, *History and Archives*, no. 4, pp. 30–45, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-30-45

Одним из последствий «архивной революции» в России стало введение в научный оборот комплекса архивно-следственных дел репрессированных. Во многих из них хранятся составленные самими арестованными заявления, жалобы и прошения о пересмотре приговора, направленные в высшие органы власти. В отличие от добровольных «писем во власть», ходатайства о помиловании – это особый источник личного происхождения, созданный в экстремальных условиях тюрьмы и по вынужденным обстоятельствам с целью любой ценой добиться освобождения. Этим письмам вторят их копии «с воли» – ходатайства и заявления оставшихся на свободе родственников заключенных¹.

Прощения о помиловании, безусловно, являются эго-документом. Они не только экспонируют мир одной личности (Я), но и показывают социально-обусловленные «параметры» (МЫ), позволяя изучать как индивидуальные, так и статистические явления [Суржикова 2014, с. 6, 11]. Особый акцент ставится на изучении субъективной составляющей: отражении личности и личногоного восприятия окружавшей авторов действительности, передаваемой в созданных ими текстах [Кодан 2017; Троицкий 2014, с. 14]. В историографии есть немало примеров обращения к жалобам лишенных избирательных прав в контексте рассмотрения проблемы восстановления в правах [Москаленская 2013, с. 134–138; Килин 2018, с. 70–77; Валувев 2012], однако другой массив подобных документов – периода «восстановления социалистической законности» 1939 г. – еще ждет своего исследователя. За исключением публикаций отдельных документов² их потенциал как эго-источника остается нераскрытым.

В период Большого террора в СССР количество жалоб и прошений, поданных в органы власти, выросло до невероятных размеров. Проверка Прокуратурой Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1939 г. выявила 160 тыс. заявлений, оставленных без рассмотрения³. Часто жалобы, поданные заключенными, не доходили до высокопоставленного адресата, а оседали в следственных делах и становились причиной пересмотра дела [Уйманов 2012, с. 43]. Их подробное изучение позволяет дать ответ на следующие вопросы: понимали ли заключенные массовый характер террора, или вери-

---

¹ Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 185.

² Письма во власть: 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002; Эхо Большого террора. Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности»: Эго-документы 1938–1941 гг. М., 2018. С. 171–299.

³ Письма во власть... С. 7.

ли в неосведомленность о нем власти? Осознавали минимальную вероятность получения ответа или верили, что именно их заявление будет рассмотрено? Как различалось понимание причин ареста и сущности дела и репрессий в целом у самих заключенных и их родственников? Об этом пойдет речь в данной статье.

Источником исследования являются прошения о помиловании, отложившиеся в следственных делах по Москве и Московской области, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ф. 10035), изученные нами в рамках совместной работы ГА РФ и проекта «Открытый список» по составлению Книги памяти репрессированных москвичей. Это дела, заведенные в 1937–1938 гг. на осужденных «тройкой» при УНКВД по Московской обл. в рамках «кулацкой» операции по оперативному приказу НКВД № 00447, пересмотренные на основании жалоб на несправедливое осуждение, поданных в органы власти самими осужденными из лагерей или их родственниками. За четыре года работы проекта просмотрено 17500 дел первой описи указанного фонда (дела выдаются в порядке нумерации), из которых более полутора тысяч дел периода Большого террора. Из них более трехсот содержат прошения о помиловании, 5-процентная выборка из которых является источником исследования. В рамках данной работы мы не будем останавливаться на механизме пересмотра дел [Уйманов 2012, с. 43–44], а рассмотрим именно социальную составляющую жалоб и заявлений.

Жалоба – рукописный документ, имеющий адресата (наркомы внутренних дел – Н.И. Ежов и Л.П. Берия, Прокурор СССР Вышинский, областной и районные прокуроры, реже – отдельные высокопоставленные лица: И.В. Сталин, М.И. Калинин, Л.М. Каганович и т. д.) и отправителя: самого осужденного или его родственника (жены, дети). В среднем текст состоит из 4–5 страниц, реже он многостраничный и по жанру похож скорее на личное письмо, большую часть в нем занимают рефлексии и переживания просителя, а затем уже сущность дела. Жалобы такого рода ярко свидетельствуют о вере во власть как единственного заступника против несправедливости, что проявляется в обращении к адресату (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены): «Тов. Каганович <...> отец у меня был пьяница <...> я обращаюсь к вам как к более родному и любимому отцу, который возможно поймет меня и мою мирскую жизнь, так как мне больше не с кем поделить оскорбленное и тяжелое переживание <...>. Вся надежда только на вас, с нетерпением жду вашей помощи и скорого ответа, в чем моя вся жизнь будет заключаться»⁴. Из текстов известно, что подобных прошений

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4481. Л. 23–24.

в разные инстанции могло быть несколько: они либо отсылались одновременно, либо, не увидев сдвигов в деле, проситель писал в следующую, а также несколько раз (до 4–5) повторял жалобы на имя одного и того же лица. Язык таких текстов достаточно прост, хотя и содержит большое количество оборотов речи, широко тиражируемых советской печатью.

Несмотря на то что каждая жалоба не похожа на другую, описывает историю каждого конкретного человека, они схожи по своей цели (добиться пересмотра дела и доказать невиновность). Эта схожесть проявляется и в форме текста, имеющего как бы трехчастную структуру. В первой части жалобщик сообщал сведения о том, кто арестован, когда и где произошел арест, к какому сроку приговорен и где содержится (родственники узнавали данные по последним двум пунктам из писем осужденных). Здесь также упоминалась официальная причина осуждения (указанная в протоколе «тройки») – чаще всего это антисоветская агитация: «с 28 августа 1937 года я был забран Молотовского р-на НКВД и до сих пор времени нахожусь в заключении по обвинению в преступлениях, которых НИКОГДА НЕ СОВЕРШАЛ!!! Меня обвинили в агитации»⁵. Тексты жалоб показывают, что заключенные не верили в реальность официальных обвинений, стараясь разглядеть «настоящую» причину ареста, раскрывающуюся во второй части текста.

В тех случаях, когда не была выделена красной строкой, первая часть жалобы перетекала во вторую – самую обширную, – которая освещала два вопроса. Первый – мотив, по которому «на самом деле» (по мнению осужденного или его родственников) было заведено дело. Анализ текстов жалоб позволяет выделить два самых распространенных мотива – оговор и действия следователя.

Оговор. Сами заключенные чаще, чем их родственники, выказывали уверенность в том, что заведенное на них дело стало результатом оговора со стороны сослуживцев, соседей по квартире или даже родственников. Атмосфера тотального недоверия в советском обществе и поощрение доноительства [Фицпатрик 2008, с. 246] играли свою роль в перекладывании вины с настоящих инициаторов арестов на мелких «исполнителей» – рядовых граждан. «Я убежден, что в основу вмененного мне в вину преступления был положен ложный донос со стороны лиц, враждебно ко мне относившихся на почве служебных обязанностей»⁶.

Действия следователя. Известно, что именно произвол сотрудников НКВД считался среди современников главной причиной

⁵ Там же. Д. П-2541. Л. 19.

⁶ Там же. Д. П-4221. Л. 39 об.

репрессий [Быкова 2011, с. 404]. Тексты желоб в значительной степени подтверждают этот тезис. Часть заключенных была уверена, что их дело – продукт вымысла конкретного следователя. Приводя такой довод, все они описывали схожую процедуру следствия, которое было единственной возможностью защитить себя (так как приговор выносился заочно и объявлялся вместе с обвинением уже в лагере), но арестант лишен ее, поскольку следствие формально. «Никаких моих объяснений не принималось, и запись объяснений на заданные вопросы производилась самим следователем его личным ответом, пропускались свободные места в протоколе допроса – подписи постранично сделаны благодаря вынуждения следователя»⁷; «В тюрьме сидела 21 день со дня ареста, и потом прямо на этап, на допрос ни разу не вызывали, очной ставки не было. Плохо разбираясь, но подписывала все, где предложил следователь»⁸. Супруга Матвея Пашутина, узнав от мужа возможные причины осуждения, добилась от свидетеля подписки о том, что он не давал отраженных в деле показаний: «Свидетель по делу мужа т. Ениватов в своем заявлении говорит, он подписывал протокол, не читая, т. к. русский язык знает плохо <...> в подтверждении этого я прилагаю справку, данную мне т. Ениватовым»⁹.

Тексты желоб не показывают рефлексии заключенных на тему причин фабрикации дел следователями: очевидно, она не способствовала решению задачи жалобщика. Встречаются лишь единичные ее примеры, впрочем, не учитываемые при пересмотре дела и не относимые напрямую к НКВД. Заключенный Иван Распопов писал: «По моему предположению единственной причиной моего ареста явилась какая-то клевета перед органами НКВД либо ради личных недовольств мною, либо ради численности ареста по проявлению бдительности администрации завода»¹⁰ (где работал осужденный. – *Е. М.*).

Здесь необходимо сделать замечание о том, как ощущали термор современники событий. Безусловно, о проведении крупных кампаний разоблачения «врагов народа», таких, как показательные процессы, знал каждый гражданин СССР. Народ, разделяя себя и элиты на «мы» и «они», поддерживал репрессии бывших высокопоставленных чиновников как «мечь» за их прошлую хорошую жизнь (для любого рабочего таким «они» было, например, руководство предприятия, где он работал, а для колхозника – председатель колхоза). Террор против тысяч ленинградцев, высланных

⁷ Там же. Д. П-4370. Л. 31.

⁸ Там же. Д. П-4421. Л. 22 об.

⁹ Там же. Д. П-4315. Л. 46 об.

¹⁰ Там же. Д. П-4495. Л. 20.

в начале 1935 г. после убийства С.М. Кирова, встречал даже больше сочувствия. Широко освещались поиски «врагов» накануне выборов в Верховный совет, по народному мнению, их искали среди «чуждых» элементов. По мнению С. Дэвис, большая часть известных материалов указывает на равнодушное и одобрителное отношение к террору [Дэвис 2011, с. 115–118]. Как указывает Ш. Фицпатрик, молодежь не придавала террору значения, пока он не касался непосредственно их семей и не менял привычный уклад жизни [Фицпатрик 2008, с. 254]. Тексты рассмотренных нами жалоб написаны в основном людьми в возрасте старше 30 лет. Повсеместное использование ими термина «враг народа» показывает, что они, будучи в курсе идеологической повестки и проводимых громких репрессивных кампаний, вольно или невольно переносили этот опыт на себя. «Из всего вышесказанного видно, так как это подтвердилось на процессе бандитов Ягоды и компании, что враги народа старались терроризировать верных преданных Сов. власти людей и делать их жертвами своих преступлений, что он одна из жертв происков врагов народа»¹¹, – писала в своей жалобе о пересмотре дела мужа Х. Рымар. Любопытно, что, относясь к власти имущим с недоверием как к людям, не интересующимся мнением масс [Дэвис 2011, с. 122], именно в них рядовые граждане начинали искать заступника в экстремальной ситуации, при этом не осознавая, что именно по вине власти как главного инициатора террора они в этой ситуации и оказались.

По критерию мотива в отдельную группу можно выделить жалобы родственников, которым мотивы ареста были неизвестны. «Арест моего мужа явился для меня полной неожиданностью и совершенно для меня непонятным до сих пор»¹². В жалобах такого типа авторы строили предположения о причинах ареста и предъявляли свои оправдательные доводы, исходя лишь из своих мыслей, однако по возможности подкрепляя их справками и всевозможными свидетельствами. В таких текстах присутствуют подробные биографии заключенных в пересказе их родственников с акцентом либо на безупречное пролетарское происхождение, либо на исправленные ошибки прошлого: «...о той справки которая была прислана из сель/совета где было указано <...> что он как будто бы был замечен в краже колхозных каров, замечен в хулиганстве и пьянки <...> за кражу он не судим и запянку и хулиганство он исправился что за проживаемый срок с ним я магу подтвердить...»¹³. «Что случилось и за что его причислили к врагам народа, я не знаю, личных ставок

¹¹ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

¹² Там же. Д. П-4394. Л. 18.

¹³ Там же. Д. П-4282. Л. 35.

ни с кем не было, его вину «укрывательство прошлого» объявили в момент прибытия этапом в г. Куйбышев»¹⁴. Примечательно, что, говоря о «пятнах» в биографии осужденного, родственники не связывали их напрямую с арестом, как бы считая такой мотив недостаточно веским. В своем повествовании они явно отрицают эту очевидную (для сегодняшних историков) причину осуждения как неважную, преодолимую, исправляемую «перевоспитывающим действием советской обстановки»¹⁵: «Может быть он наказан за то, что он является сыном отставного поручика, но ведь теперь мой муж имеет от роду 60 лет и с малых лет не имел никаких связей с отцом»¹⁶.

Незнание мотива ареста иногда объяснялось ошибкой органов. Жена 60-летнего колхозника Сергея Сытова в жалобе на имя Берии назвала арест мужа «тяжелым недоразумением»¹⁷, а супруга Мирона Фридлянда писала: «Я уверена, что в результате роковых стечений обстоятельств мой муж явился жертвой оговора и клеветы»¹⁸. Несмотря на присутствие здесь мотива оговора, для нее причина ареста все же заключается в случайности произошедшего.

Конечно, мотивы осуждения, высказанные в жалобах, были бы не раскрыты без установления «истинных» причин ареста (по мнению заключенных и родственников) – второго вопроса, освещаемого во второй части структуры каждой жалобы. Очевидно, что жанр прошения о помиловании не способствовал размышлениям на тему причин репрессий в общем, хотя документы свидетельствуют, что этот вопрос занимал современников событий. Массовый характер репрессий становился очевидным для любого, кто принимал участие в собраниях и митингах, одобрявших приговоры «врагам народа», и кто был свидетелем арестов родственников, соседей и коллег [Быкова 2011, с. 400, 403]. В жалобах понимание того, что террор в стране повсеместен, проявлялось лишь на интуитивном уровне (между строк) и нивелировалось попыткой распознать причины каждого конкретного ареста.

Приведем список наиболее часто встречающихся причин осуждения, по мнению жалобщиков.

Указание на чужие преступления. Эта причина наиболее тесно связана с мотивом «оговор»: сами заключенные связывали доносы и заявления, якобы или действительно поданные на них в НКВД, со своей честной трудовой деятельностью и социалистическим долгом

¹⁴ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

¹⁵ Там же. Д. П-4411. Л. 42.

¹⁶ Там же. Д. П-2532. Л. 36 об.

¹⁷ Там же. Д. П-4822. Л. 23 об.

¹⁸ Там же. Д. П-5761. Л. 54.

разоблачения криминала. «Я повел энергичную борьбу с упущениями и злоупотреблениями Макарова <...> поэтому Осипов и Макаров совместными усилиями постарались всячески отделаться от меня как от опасного для них человека»¹⁹; «все предъявленные мне обвинения были согласно поданного на меня ложного заявления со стороны начхоза Галомштока и вещкаптера, за то что я им пресек использование черных вещей на сторону, о которых дело было передано в Мособлсуд <...> эти два нахальные ложные заявителя открыто угрожали мне отомстить, чем и воспользовались»²⁰. Родственники, как правило, подобную причину оговора не рассматривали и повторяли ее лишь со слов самих заключенных: «Органы НКВД были введены в заблуждение как извещает об этом мой муж, ложными показаниями трех лиц»²¹. В их текстах при раскрытии причин оговора они апеллировали к фактам биографии, честной трудовой деятельности родственника и его личным положительным качествам.

Социальное происхождение и политическое прошлое. Предмет самой часто встречающейся фальсификации в делах по «кулацкой» операции [Разгон 2009, с. 83–102], социальное происхождение в том или ином виде фигурирует почти во всех жалобах и заключенных, и их родственников: в одних в качестве довода о невозможности быть виноватым «по происхождению», в других – как оправдание уже предъявленного обвинения. Прошлое в текстах жалоб могло выступать как самостоятельным аргументом («Комиссией по чистке я был исключен из членов ВКП (б) как баласт, на самом деле это была месть со стороны партийной организации б. Самарского трубочного завода за то, что я был против рабочей оппозиции»²²), так и являться припиской следователя, основанной, например, на данных ложных справок («Была затребована справка из сельсовета, который из-за личных счетов с моим братом выдал справку о том, что я дочь кулака. Я видела эту справку у следователя, между тем справка эта ложная и ранее опровергнута другой инстанцией...»²³; «Предъявленное мне обвинение что я бывший жандарм довавший сведения охранки фактически ничем не обоснованы обвинениями в 1905 году мне было 18 лет жандармом я не был»²⁴). В отличие от своих родственников, сами заключенные видели связь между своим социальным происхождением и арестом, однако не считали ее несо-

¹⁹ Там же. Д. П-4221. Л. 40–41.

²⁰ Там же. Д. П-4480. Л. 23 об.

²¹ Там же. Д. П-4326. Л. 22.

²² Там же. Д. П-4241. Л. 26–26 об.

²³ Там же. Д. П-4481. Л. 25.

²⁴ Там же. Д. П-4873. Л. 36.

мым основанием для осуждения. В реальности даже если дополнительной проверкой устанавливалось, что осужденный не вел антисоветской агитации, социальное происхождение было основанием для отказа в пересмотре дела [Гридунова 2009, с. 657].

Бытовые склоки. Тексты жалоб на осуждения, произошедшие, по мнению их авторов, на почве бытовых проблем, пожалуй, в наиболее ярких красках рисуют жилищный кризис большого города, который становился причиной заявлений на соседей в НКВД и позже, о чем свидетельствуют следственные дела 1941–1942 г. «С первого же дня моего вселения гр. Рутковские, Осьминины-Кулешевы, Ефимовы и др. занимались систематическим выживанием меня из квартиры, называя агентом ОГПУ, жидом, выбрасывали вещи из мест общего пользования, не давая пользоваться кухней, ванной...»²⁵; «я имел личное знакомство с гр. Арсентьевым, который жил в одном доме со мной, даже родственник шурина моему брату, который решил занять мою жилую площадь»²⁶. Интересны акценты, расставленные в текстах жалоб об арестах на бытовой почве: если сами заключенные считали оговор возможностью решить «квартирный вопрос», их родственники апеллировали только к неприязни во взаимоотношениях с соседями. Дочь Анны Чухманенко писала Берии: «Фразы в подобном роде – угрозы не раз произносились и раньше и мне лично. «Я тебя выявлю!» и т. д. Ивановская вообще всех «выявляла» и преследовала в квартире и других жителей, называла всех буржуями – врагами народа, а в результате сама и ее муж оказались троцкистами»²⁷. В подобной ситуации оказалась и супруга Сергея Седова: «Гр-ка Волобуева не соблюдала правил общежития, что нами ей и указывалось. У гр-ки Волобуевой ненависть по отношению к нам, в частности, к моему мужу, выросла до таких пределов, что она начала распространять лживые сведения о том, что мой муж настроен антисоветски»²⁸.

Третью, завершающую часть структуры каждой жалобы можно назвать результативной. В ней заключенный или его родственник еще раз указывал на причину неверного осуждения и того, почему его дело должно быть пересмотрено. В определенном смысле приводимые аргументы – это выбор поведенческой роли, описанный Ш. Фицпатрик на примере авторов добровольных «писем во власть» [Фицпатрик 2011, с. 199–202]: представление себя как угнетенного, как патриота, имеющего достижения перед лицом советской власти, или просто «жены» (по аналогии с моделью «матери» – с заботой

²⁵ Там же. Д. П-2577. Л. 43.

²⁶ Там же. Д. П-2576. Л. 19.

²⁷ Там же. Д. П-4833. Л. 20–20 об.

²⁸ Там же. Д. П-4884. Л. 31.

о муже). Среди аргументов, которые обычно встречались вкупе друг с другом, выделяются следующие.

Честный советский труженик. Наиболее распространенный аргумент, которым заканчивалось более половины поданных жалоб. «В лагерь врагов советской власти я не попадал и не мог попасть, поскольку врагом не являюсь. Я работал честно и с полным правом ощущаю себя преданным Советской власти человеком»²⁹.

Вера в советские законы. Часто этот аргумент соседствовал с фактами биографии «настоящего советского человека»: с бедняцким происхождением, терпящего на протяжении жизни притеснения и лишения, при этом всего добывающегося честным трудом. Сами заключенные апеллировали к силе советского правосудия чаще, чем их родственники: «До сего времени я задумывался, как можно осудить невинного человека, тем более в Советской республике <...> я не теряю надежды в незыблемость и правоту советских законов»³⁰. Родственники же немного чаще обращались к мотиву долга перед советской властью. В их текстах чувствуется некоторая дихотомия, вероятно, вызванная действием советской пропаганды о важности бдительности: зная, что осужденный невиновен, родственники все же допускают, что при условных других обстоятельствах осуждение могло быть справедливым: жена Григория Щечкина, заверяя Вышинского в невинности мужа («Мой муж не был и не мог быть врагом советской власти, ведь только при советской власти мы начали настоящую жизнь»³¹), в конце своей жалобы писала: «В невинности моего мужа уверена, если в этом у меня была хоть тень сомнения, я не стала и не посмела бы подать эту жалобу»³². Дети Егора Бельмесова подали заявление Сталину о пересмотре дела их отца, при этом указав: «Мы бы хотели знать что наш отец действительно враг нашей родины и отказаться от него или же человек который осужден по ошибке или по доказательству каких-нибудь негодяев»³³. Документ своего времени – напоминание о «подвиге» Павлика Морозова, свидетельство того, что главные причины арестов, по мнению рядовых граждан, – ошибка и недоразумение или же донос. Тема долга перед советской властью двояко развернулась в прошении осужденной Елизаветы Якубович: «Я признаю себя виновной в том, что я как женщина-пролетарий теперь везде вперед, на производстве и общестственности, я же увлеклась только своей личной жизнью, т. е. своим

²⁹ Там же. Д. П-4411. Л. 43..

³⁰ Там же. Д. П-2434. Л. 24.

³¹ Там же. Д. П-4326. Л. 22 об.

³² Там же. Л. 26.

³³ Там же. Д. П-4441. Л. 24 об.

огородом и хозяйством»³⁴ (после ареста мужа жила на средства от сдачи комнаты и продавала молоко своей коровы).

«*Дети не в ответе за родителей*». Это аргумент также связан с верой в советские законы и апеллирует к сказанной Сталиным в декабре 1935 г. знаменитой фразе, которая шла вразрез с практикой реальных осуждений, особенно по приказу 00447, где «кулацкое» происхождение было главным основанием для ареста. «Нести же наказание только за то, что родился в кулацкой семье, это тяжело да и неверно, так как вождь пролетариата и всех трудящихся т. Сталин сказал “Сын за отца не ответчик”»³⁵; «Я действительно дочь дворянина, но во-первых по-моему совершенно этого недостаточно для обвинения в контрреволюционной деятельности, во-вторых согласно нашей сталинской конституции дети за своих родителей не отвечают»³⁶.

Нарушения в ходе следствия. Заключенные, уличившие следователей в недобросовестном ведении дела, приводили в своих жалобах объяснения по пунктам каждого предъявленного им обвинения. Они старались указать на незаконность тех или иных действий следователя (приписки в анкете, отсутствие очных ставок и т. д.). «Уполномоченным НКВД Слепневым мне было предъявлено обвинение, якобы я говорил колхозникам, что скоро будет война, будем давить коммунистов, мне ли говорить эти слова как бывшему красногвардейцу, стоя за советскую власть, каждый колхозник наплюет мне в глаза»³⁷. Нередко подоплеку для нарушений в ходе дела осужденные видели в материалах доносов, и тогда «разоблачали» не только следователя, но и доносчика: «...он мне неоднократно обещал отомстить, что и выполнил, дав против меня ложные сведения <...> он имел обширные знакомства, причем следователь кто вел мое дело его личный друг и товарищ»³⁸.

Физическое состояние. Одной из веских причин для пересмотра дела, по мнению жалобщиков, было состояние здоровья осужденного. Жены указывали на преклонный возраст и болезни, которыми их мужья страдали еще до ареста («Мой муж очень больной человек, на почве раннего склероза мозга у него развилась шизофрения...»³⁹), апеллировали к своему самочувствию и самочувствию детей («Семья моя, состоящая из трех человек, осталась совершенно беспризорной, так как я совершенно к труду неспособная, меня

³⁴ Там же. Д. П-4421. Л. 22 об.

³⁵ Там же. Д. П-4495. Л. 28.

³⁶ Там же. Д. П-4134. Л. 58.

³⁷ Там же. Д. П-4252. Л. 25.

³⁸ Там же. Д. П-4305. Л. 33.

³⁹ Там же. Д. П-4272. Л. 20.

разбило параличом, а дети несовершеннолетние»⁴⁰; «В настоящее время осталась с тремя детьми и дети у меня очень больные...»⁴¹). Сами же заключенные чаще повествовали о состоянии своего здоровья, которое они теряли в лагерях, хотя и в тяжелых условиях заключения старались заботиться о семье: «До сих пор в лечебнице находится душевно больная дочь, спасение которой было вполне возможным, если бы возле нее был близкий человек – отец. Семья моя разбита, я даже не знаю, что с ними. Сам я, все время работая в лагерных условиях, в 49 лет превратился в старика-инвалида»⁴².

Плохие материальные условия. Помимо состояния здоровья, родственники апеллировали к тяжелым бытовым условиям: «Живу я в чулане который мы сами с мужем обмазали глиной но он весь светится на улицу и стены то промерзают то отходят, крыша течет при всяком мелком дожде, дети страшно страдают рахитом»⁴³. О необходимости поддерживать семью нередко писали и сами заключенные.

Подводя итог, отметим, что жалобы заключенных и их родственников – это ценный источник, оживляющий следственное дело, раскрывающий сухие формулировки официальных обвинений и дающий возможность заглянуть в истинную суть каждого конкретного дела. Его можно определить как особый тип эго-документа, создаваемый вынуждено под действием обстоятельств, отражающий субъективную реальность репрессивных механизмов с целью добиться пересмотра дела. Структура документа имеет трехчастную форму, в которой последовательно в представлении автора отражаются мотивы, причины ареста и доводы в пользу пересмотра принятого решения. В жалобах раскрывается не только личность автора (а в жалобах родственников два «Я» – собственное и заключенного), но и восприятие и осознание террора в коллективном «МЫ» рядовых советских граждан, которые почти никогда не прописывались в жалобах прямым текстом, однако читаются между строк. «МЫ» – согласно идеологии, сущность советского народа, в котором коллективное обязано было преобладать над индивидуальным, всегда отходило на второй план перед «Я» в случае каждого конкретного ареста, когда вопрос о собственном спасении решался персонально в неравном диалоге человека и системы.

Тексты прошений о помиловании построены на идеалистических представлениях заключенных и их родственников о «реальной» причине осуждения, а не той, которая объявлялась новоиспеченным

---

⁴⁰ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

⁴¹ Там же. Д. П-4334. Л. 16.

⁴² Там же. Д. П-2577. Л. 44.

⁴³ Там же. Д. П-4282. Л. 36 об.

заклученным по прибытии в лагерь. Объяснения этих причин различаются в письмах из заключения и с воли: родственники осужденных, для которых мотив ареста зачастую был неизвестен даже отдаленно, апеллировали к фактам их биографий и к своему положению после потери кормильца; сами же заключенные «разоблачали» доносчиков и следователей, уделяя особое внимание своей добросовестной трудовой деятельности, а краткие факты из своей биографии приводили как доказательство своей солидарности с советским политическим курсом. У них было более четкое представление о связи ареста и предъявленного обвинения с социальным происхождением, что в действительности и лежало в основании проводимых массовых арестов, однако даже при этом понимании они не считали такое «пятно» в биографии весомым основанием для осуждения. Их родственники улавливали такую связь гораздо реже и не воспринимали ее всерьез. Основанием и для одной, и для второй линии рассуждений была вера в честность советского правосудия и советские законы, внушаемая каждому гражданину. Логично, что «нарушителей» этих законов и виновников арестов видели в таких же гражданах – сослуживцах, соседях, следователях, – и не могли задуматься о том, что в них может быть виновата сама власть.

Литература

- Быкова 2011 – *Быкова С.И.* «Время-тать»: представления жителей Уральского региона о масштабах и причинах террора в 1930-е годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 400–407.
- Валуев 2012 – *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений, 1918–1936 гг.: на материалах Смоленской губернии и Западной области. Смоленск, 2012. 155 с.
- Гридунова 2009 – *Гридунова И.А.* Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 647–662.
- Дэвис 2011 – *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.
- Килин 2018 – *Килин А.П.* Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбудившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 70–77.

- Кодан 2017 – *Кодан С.В.* Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования [Электронный ресурс] // *Universum Juris*. 2017. № 1. URL: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения 02.02.2021).
- Москаленская 2013 – *Москаленская Д.Н.* Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах: середина 1920 – середина 1930-х годов // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 134–138.
- Разгон 2009 – *Разгон В.Н.* Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 г. // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938: Массовые операции на основе приказа № 00447*. М., 2009. С. 83–102.
- Суржикова 2014 – *Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // *История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН*. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 6–13.
- Троицкий 2014 – *Троицкий Ю.Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // *История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН*. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 14–31.
- Уйманов 2012 – *Уйманов В.Н.* Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 358. С. 39–45.
- Фицпатрик 2008 – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008. 336 с.
- Фицпатрик 2011 – *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.

References

- Bykova, S. (2011), “‘Time-Thief’. The idea of the inhabitants of the Ural region about the scope and causes of terror in the 1930s”, in *Istoriia stalinizma: repressirovannaia rossiiskaia provintsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Smolensk, 9–11 oktiabria 2009 g.* [History of Stalinism. A repressed Russian province. Materials of the international scientific conference. Smolensk, October 9–11, 2009], Moscow, Russia, 2011, pp. 400–407.
- Gridunova, I. (2009), “The role of the prosecutor’s office in the rehabilitation activities of 1939–1941 on the materials of the Altai and Novosibirsk Region”, in *Stalinizm v sovetskoj provintsi: 1937–1938 gg. Massovaja operatsiia na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet province. 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El’tsin”, Moscow, Russia, pp. 647–662.

- Devis S. (2011), *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii: Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.
- Kodan, S. (2017), “Sources of personal origin in the study of the history of the Soviet state and law. Theoretical and methodological foundations of research” [Online], available at: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32#> (Accessed 2 Feb 2021).
- Surzhikova, N. (2014), “Ego-documents. An intellectual fashion or a conscious need? (Instead of having a preface)”, in *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents. Research and sources], AsPUR, Ekaterinburg, Russia, pp. 6–13.
- Troitskii, Yu. (2014), “Analytics of ego-documents: an instrumental resource of a historian”, in *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents. Research and sources], AsPUR, Ekaterinburg, Russia, pp. 14–31.
- Uimanov, V. (2012), “Was there a ‘Beria thaw’ in the USSR? (On the issue of rehabilitation of repression victims)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 358, pp. 39–45.
- Fitzpatrick, Sh. (2008), *Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod* [The social history of Soviet Russia in the 30s. A city], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2011), *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in 20th century Russia], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина М. Мишина, кандидат исторических наук, Благотворительный фонд «Протяни руку», Москва, Россия; Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, корп. 3; zyu@inbox.ru

Information about the author

Ekaterina M. Mishina, Cand. of Sci. (History), Charity foundation “Give the hand”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 11, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009; zyu@inbox.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 343.158

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-46-55

История бытования одного источника: «Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского» в фонде Архива РАН

Максим В. Батшев

*РНИИ Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
Москва, Россия, bmv@list.ru*

Светлана А. Трифонова

*Архив Российской академии наук, Москва, Россия,
trifonova_s@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории бытования уникального исторического источника личного происхождения – «Дневника князя Д.М. Волконского», создававшегося на протяжении более тридцати лет представителем тульской ветви князей Волконских. Поденные записи позволяют проследить повседневную жизнь русского аристократа, субъективную реакцию автора на современные ему события, а также являются ценным источником для изучения первой трети XIX в. Изначально насчитывавший 42 тетради, «Дневник» сохранился не полностью. На сегодняшний день, разделенный на части, он хранится в трех архивах – Архиве Российской академии наук, Российском государственном архиве литературы и искусства и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В предлагаемой статье рассматривается та часть источника, которая отложилась в Архиве РАН в фонде 646 «Редакции журнала “Голос минувшего”» и охватывает период с 1812 по 1834 гг. с временными пробелами. Несмотря на то что к тексту данного документа обращались С.П. Мельгунов и А.Г. Тартаковский, в научный оборот введен только военный период 1812–1814 гг., самой известной частью которого стала публикация «Русские под Данцигом». Использование его в последующих исследованиях позволяет дополнить существующие источники официального происхождения и источники мемуарного характера.

© Батшев М.В., Трифонова С.А., 2021

Ключевые слова: исторический источник, Д.М. Волконский, история России, источники личного происхождения

Для цитирования: Батшев М.В., Трифонова С.А. История бытования одного источника: «Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского» в фонде Архива РАН // История и архивы. 2021. № 4. С. 46–55. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-46-55

The history of the existence of one source.
“The Diary
of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky”
in the Archive Fund
of the Russian Academy of Sciences

Maxim V. Batshev

*D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russia, bmv@list.ru*

Svetlana A. Trifonova

*Archives of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, trifonova_s@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the existence of a unique historical source of personal origin – the “Diary of Prince D.M. Volkonsky”, created for more than thirty years by a representative of the Tula branch of the Volkonsky princes. The daily records allow us to trace the everyday life of a Russian aristocrat, the author’s subjective reaction to contemporary events, and are also a valuable source for studying the first third of the 19th century. Originally consisting of 42 notebooks, the “Diary” has not been fully preserved. Today, divided into parts, it is stored in three archives – the Archives of the Russian Academy of Sciences, the Russian State Archives of Literature and Art, and the Department of Manuscripts of the Russian National Library. The article deals with the part of the source that was deposited in the Archives of the Russian Academy of Sciences in Fund 646 of the “Editorial Board of the journal ‘The Voice of the Past’” and covers the period from 1812 to 1834, with time gaps. Despite the fact that the text of the document was referred to by S.P. Melgunov and A.G. Tartakovsky, only the war period of 1812–1814 was introduced into scientific circulation, the most famous part of which was the publication: “The Russians at Danzig”. Its use in subsequent research makes it possible to supplement the existing sources of official origin and the sources of a memoir nature.

Keywords: historical source, D.M. Volkonsky, history of Russia, sources of personal origin

For citation: Batshev, M.V. and Trifonova, S.A. (2021), "The history of the existence of one source. 'The Diary of Prince Dmitry Mikhailovich Volkonsky' in the Archive Fund of the Russian Academy of Sciences", *History and Archives*, no. 4, pp. 46–55, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-46-55

«Дневник князя Дмитрия Михайловича Волконского» создавался с начала 1800-х по 1834 г. Объемный исторический памятник более века не был введен в научный оборот, а долгое время хранился в семьях его потомков – сначала сына Михаила, от которого перешел потом к его внучке, княгине Елизавете Михайловне Куракиной¹.

Целью статьи является введение в научный оборот уникального источника личного происхождения. Уникальность дневника прежде всего в том, что он велся на протяжении длительного периода времени. «Дневник» позволяет проследить повседневную жизнь русского аристократа, а также позволяет судить об общественной жизни, политической ситуации и субъективной реакции автора на современные ему события. Это становится особо актуально при малом количестве дневниковых источников первой половины XIX в., которые дают возможность увидеть непосредственную реакцию современников на происходящие события без последующего осмысления, влияния окружения, официальных версий и др.

Автор этого эго-документа – князь Дмитрий Михайлович Волконский – происходит из тульской ветви князей Волконских. Более половины своей жизни он провел на военной службе, а после выхода в отставку стал сенатором. За время долгой службы князь Д.М. Волконский участвовал во всех наполеоновских войнах, был командующим русскими войсками и гражданским губернатором в Грузии. Современник А.В. Суворова, А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского, А.И. Мусина-Пушкина и многих других, он был знаком с ними лично, со многими был «приятелем». В связи с этим его поденные записи представляют собой редкий и ценный исторический источник первой трети XIX в.

На сегодняшний день рукопись «Дневника» отложилась в фондах трех архивов – Российского государственного архива литературы и искусства², Отдела рукописей Российской национальной

¹ Род князей Волконских. Материалы, собранные и переработанные княгиней Е.Г. Волконской. СПб., 1900. С. 718.

² *Волконский Д.М.* Дневник // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337: Коллекция воспоминаний и дневников. Оп. 2. Д. 9.

библиотеки³ и Архива Российской Академии наук⁴. В предлагаемой статье рассматривается та часть «Дневника», которая хранится в Архиве РАН в фонде 646 «Редакция журнала “Голос минувшего”» и состоит из четырех дел – одиннадцати тетрадей и охватывает период с 1812 по 1834 гг. с временными пробелами. Текст написан черными чернилами с двух сторон листа тетрадей двух форматов. 1810-е гг. – малоформатные тетради размером 128×181; 1820–1830-е гг. – формат тетрадей чуть больше чем современного – 175×215. Чернила автографа хорошо сохранились, текст не выгорел. Сохранность бумаги, кроме последней тетради, хорошая. Из более поздних пометок на рукописи – печати Библиотеки социалистической академии на каждом листе всех одиннадцати тетрадей и пометки простым синим и красным карандашами неустановленных лиц. Рукопись дневника в Архиве РАН сгруппирована в дела по десятилетиям, за исключением периода Наполеоновских войн, выделенных в отдельное дело № 348 – 56 листов.

Послевоенный период дневниковых записей начинается делом № 346 за 1815–1817 гг., состоит из двух тетрадей общим количеством 58 листов. Одной из особенностей дневника является продолжающейся характер записей, зачастую записи, начинаясь с середины года, также и заканчиваются любым месяцем текущего или следующего года. Так, например, первая тетрадь дела 346 охватывает период с октября 1815 г. по август 1816 г.

Двадцатые годы объединены в дело № 349, состоящее из четырех тетрадей, крайними датами которого являются 1 ноября 1821 и 31 декабря 1827 гг. Несмотря на такой большой временной, объем дела состоит всего из 140 листов. Полные годы с января по декабрь – это 1822, 1823 и 1827-й, 1826 год пропущен. Объем дела 138 листов.

Тридцатые годы объединены в дело № 350, состоящее из трех тетрадей. 1831, 1833 и 1834 гг. сохранились полностью, 1830-й представлен только с июня по декабрь, а 1832 год пропущен. Объем дела 134 листа.

Наряду с записями ежедневного характера дневник использовался автором и как записная книжка. На полях тетрадей и на обороте тетрадных листов встречаются записи, непосредственно не относящиеся к поденным записям, а представляющие собой выписки из прочитанных автором книг или медицинские рецепты.

---

³ Волконский Д.М. Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 775: Собрание А.А. Титова. Оп. 1. Д. 4860.

⁴ Дневник князя Д.М. Волконского: 1812–1834 // Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 646: Редакция журнала «Голос минувшего». Оп. 1. Д. 346, 348–350.

Как уже было отмечено, рукопись Д.М. Волконского находилась во владении его внучки Е.М. Куракиной и впоследствии предположительно оказалась в собрании коллекционера А.А. Титова. С уверенностью можно говорить только о том, что в 10-х годах XX в. дневник князя попадает к историку В.И. Семевскому, который входил в состав редакции журнала «Голос минувшего», и был передан главному редактору этого журнала С.П. Мельгунову. После прекращения издания журнала в Советской России его архив, «пропутешествуя» по нескольким хранилищам, оказался в Архиве Академии наук.

Первая работа, посвященная обзору части фонда «Редакции журнала “Голос минувшего”», а именно четырем делам «Дневника князя Д.М. Волконского», была опубликована С.И. Волковым в 1957 г. В ней автор пишет, что рукопись «Дневника» находилась в фонде В.И. Семевского (Ф. 489. Д. 189). В этой же статье он утверждает, что текст документа написан рукою секретаря князя Т. Соколова [Волков 1957, с. 235–236], однако данное предположение автор статьи не подтверждает ссылками на источники, тем более весь дневник написан от первого лица, т. е. данное утверждение можно отнести к неподтвержденным гипотезам. Волков упоминает наличие номеров на тетрадах, которые в настоящее время присутствуют не на всех документах (например, на тетради 1812 г. номер отсутствует), но там, где они присутствуют, можно уверенно говорить о том, что они поставлены рукой автора. Именно на основе этой нумерации делается вывод, что «Дневник» насчитывал 42 тетради. По сути дела, на сегодняшний день статья С. Волкова является единственным обзором части данного фонда, в котором хранился ранее рассматриваемый документальный памятник. Еще одно обращение к этому фонду в 1990-х гг. было сделано А.Г. Тартаковским. Не делая палеографических наблюдений, автор рассматривает исключительно фактологическую часть рукописи и значение «монументального... свода поденных записей», по его мнению, состоит в том, что в нем содержатся ценнейшие сведения, зачастую нигде более не закрепленные, о внутренней жизни русского общества, войнах, скрытых сторонах правительственной политики и придворного быта на протяжении целой трети века [Тартаковский 1990, с. 115].

Нельзя сказать, что исследователи не обращались к этому источнику. На основании дневника князя Сергей Петрович Мельгунов написал статью об осаде Данцига⁵. Продолжая в эмиграции издание журнала, он по снятой им копии дневника опубликовал

---

⁵ Мельгунов С.П. Русские под Данцигом: Из дневников Д.М. Волконского // Голос Минувшего. 1916. № 5, 6.

в нем избранные фрагменты. В 1924 г. он опубликовал фрагменты из дневника о любви императора Александра I к шагистике, о фельдмаршале Суворове и записанный князем рассказ о временах Петра Великого⁶. Еще в одном выпуске издания опубликован фрагмент «Дневника» о событиях 1812 г. в Москве⁷. В другом томе напечатаны выдержки из дневника за 1834 г. об устроенной императором Николаем I в 1834 г. реформе придворной одежды и о происшествии в 1809 г. в одном из гвардейских полков⁸. В следующем году в этом же издании Мельгунов напечатал статью «Исторические образы героев “Войны и мира”»⁹, где акцент делается на истории жизни Марьи Николаевны Волконской, матери Льва Николаевича Толстого.

Тартаковский опубликовал часть дневника, где князь Дмитрий Михайлович рассказывает о событиях 1812–1814 гг. Также можно предположить, что и другие исследователи обращались к этим материалам. В тексте памятника большое количество пометок и подчеркиваний простым, синим и красным карандашами. Однако ссылок на использование данного источника нами не выявлено.

Обращаясь непосредственно к содержательной части рассматриваемого источника, необходимо отметить, что в нем ярче всего выразилась личность автора с его вкусами, привычками и пристрастиями. Например, С.Г. Волконский писал: «Князь Дмитрий Михайлович, человек не без достоинств, но мнительный в жизни и видевший все в черном оттенке»¹⁰. Также в «Дневнике» и Д.М. Волконский не обходится без характеристик окружающих его людей, выражает свое отношение к ним. Например, передавая слухи о женитьбе П.А. Александрова, он пишет: «Слышно, что Александров побочный сын покойного Константина Павловича помолвил жениться на Княжне Щербатовой. Говорят, что сей Александров очень богат, но совершенно ничтожен во всех отношениях»¹¹. Он не только передает слухи, но и подмечает

---

⁶ Мелочи: Генералиссимус Суворов: из дневника кн. Д.М. Волконского, май 1833 // На чужой стороне. Т. 6. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1924. С. 100, 156.

⁷ Французы в Москве: 1812 год: из дневника кн. Д.М. Волконского // На чужой стороне. Т. 5. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1924. С. 180–184.

⁸ Мелочи: Реформа Николая I. Либерализм Александра I // На чужой стороне. Т. 8. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1924. С. 294.

⁹ Исторические прообразы героев «Войны и мира» // На чужой стороне. Т. 10. Берлин, 1925. С. 29–33.

¹⁰ Записки С.Г. Волконского. СПб., 1902. С. 37.

¹¹ Архив РАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 350. Л. 63.

настроение и характеры людей: «Виделся я с Князем Репниным, он, кажется, сильно скучает своим генерал-губернаторством»¹², иногда резко высказывает свое мнение об их поступках: «Дмитр. Петр. Светчин, читал свое дерзкое и ироническое письмо Княжне и ее ответ, я ему выговаривал и дал чувствовать непристойность его поступка»¹³, или «Грустно знать в таких мерзких историях дочь покойного моего друга и дяди Князя Николая Сергеевича, и от живущих у нее мамзелей, по их интригам»¹⁴.

На основании дневника князя можно выделить годовой календарь русского аристократа. Составной частью этого календаря является поездка из имения в Москву. К этим поездкам долго готовились – в Москву отправлялся обоз с провизией, он выезжал за несколько дней до выезда барина и случалось, что в дороге князь его обгонял. Так, например, запись от ноября 1815 г.: «30-го, поутру отправил я Петра с обозом и мебелью в Москву, всего 6 возов, 2 Кареты и Коляска, всех 14 лошадей, а сам начал собираться ехать в кибитке»¹⁵. «В 9-ть часов 3-го поехал на вольных до Москвы. Первые станы по 30 к., а прочие все по 25 к. на тройку на версту. Обоз свой объехал на половине между Угличем и Троиц Сергия, а я отдохнув немного у Троицы приехал в Москву 4-го числа»¹⁶.

В дневнике встречаются отголоски прошедшей войны с Наполеоном. Дмитрий Михайлович записывает в дневнике свои впечатления о прочитанных им воспоминаниях французских участников войны – «Читал я также разные Книги о истреблении Москвы французами, где много пустого, а есть и справедливого, в Замечании ошибок, особливо в поведении Ростопчина <...> Читал я также многие сочинения о последних временах Наполеона, примечательно сочинение M-lle Le Normand “ La sibylle au congrès d’Aix-la-Chapelle”, она чудные делает предсказания Государствам. России же обещает величие и просвещение скорое, соединение вер и истребление магометанства в Константинополе»¹⁷.

Присутствует в дневнике тема восстановления повседневной жизни Москвы после пожара 1812 г. В 1816 г. восстановление города было в самом разгаре: «Был я у Торماسова, он мне сказал, что вал против нашего дому завалят и нам раздадут против домов земли, а посередине сделают улицу; нам же поделать периллы

---

¹² Там же. Д. 349. Л. 109.

¹³ Там же. Л. 13 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 346. Л. 6 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 349. Л. 52.

и засадить деревьями»¹⁸. Князь рассказывает о своих работах по восстановлению московского дома. На первых порах он с семьей поселился во флигеле собственного дома и продолжал работы по подготовке основного дома: «Взял я нового Архитектора Николай Ипатович Кузмин и с ним расположился отделывать флигель и штукатурить внутри дома»¹⁹. Расходы на различные приспособления для домашнего комфорта фиксируются автором – ванна обошлась ему в 50 рублей, а оштукатуривание всего дома и протирка войлоком – 900 рублей. Через несколько дней сообщает, что «подрядил» плотника за 1750 р. отделать флигель и побелить дом под штукатурку.

Из дневниковых записей можно узнать о многих загородных владениях семьи автора, но самым любимым и самым посещаемым было имение в Ярославской губернии – Андреевское, где он живет по соседству с Мусиными-Пушкиными. В летние месяцы, проживая в загородном имении, он не ведет замкнутой образ жизни, а активно участвует в уездной общественной жизни – ездит в гости, принимает у себя соседей, устраивает праздники, активно общается с чиновниками Ярославской губернии – «обедали у меня Глебовы и был небольшой дождик уборка же сену очень хорошая»²⁰, «Писал я к Ярославскому Губернатору Александру Михайловичу Безобразову о Крылове»²¹.

Частью повседневной жизни были финансовые операции. Читая его дневник, создается впечатление, что Дмитрий Михайлович постоянно кому-то дает деньги в долг, или же напротив, выплачивает свои долги или проценты по ним. Выдача денег в долг производилась князем с надлежащим оформлением всех необходимых документов. Эти события он кропотливо фиксировал в дневнике. В ноябре 1816 г. в один день он записывает в дневнике, что выдал купцу Артемьеву под вексель 16 250 рублей. В следующий день он записывает: «Поехал Артемьев в Мышкин, где и засвидетельствовал вексель»²². В эти же даты он старается получить долг с одного из своих должников.

По содержанию некоторых записей видно, что они заносились в дневник не день в день, а после событий того дня, о которых идет речь в записи. Обычным делом в дневниковых записях является начало рассказа о каком-то событии датированными одним днем, а окончание этой записи уже датируется следующим.

---

¹⁸ Там же. Д. 346. Л. 22.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Там же. Д. 349. Л. 21 об.

²¹ Там же. Л. 20 об.

²² Там же. Д. 346. Л. 34 об.

Дмитрий Михайлович Волконский в своем дневнике довольно вольно обходился с правилами орфографии – одно и то же слово, даже на одной странице дневниковой тетради, может быть написано по-разному. Еще одной особенностью дневника является использование автором прописных букв. С прописной буквы автор пишет все чины, звания, указывает сословную принадлежность упоминаемых в дневнике лиц. Это правило распространяется у Волконского даже на представителей непривилегированных сословий. С большой буквы пишутся автором и названия видов документов, которые имеют к нему отношение, будь то служебные документы, которые он рассматривает по службе в Сенате, или полученные им деловые письма. Интересно написание дат в дневнике. Они выполнены комбинированным цифрово-буквенным способом. Даты у князя Дмитрия Михайловича оканчиваются на «-го». В записях часто отсутствуют точки между законченными по смыслу событиями.

Особенностью дневниковых записей князя является использование в них большого количества устаревших уже ко времени записи выражений и слов, например, «ознакомился», говоря о знакомстве с кем-либо, «подрядил» используется как договорился или нанял, «уведомился я» – узнал, «время было хорошее», говоря о хорошей погоде. Перечень можно продолжать, но только при прочтении полного текста эти слова и выражения передают колорит эпохи и индивидуальность автора. Использование его в последующих исследованиях позволяет дополнить существующие источники официального происхождения и источники мемуарного характера редким и до конца не введенным в научный оборот документом, отражающим непосредственные впечатления и реакции современников на события первой трети XIX в.

Литература

- Волков 1957 – Волков С.И. Дневник князя Д.М. Волконского: 1812–1834 // Исторический архив. 1957. № 3. С. 235–236.
Тартаковский 1990 – Тартаковский А.Г. Д.М. Волконский // 1812 год...: Военные дневники. М.: Советская Россия, 1990. С. 115–185.

References

- Volkov, S.I. (1957), “Diary of Prince D.M. Volkonsky, 1812–1834”, *Istoricheskii Arhiv*, no. 3, pp. 235–236.
Tartakovskii, A.G. (1990), “D.M. Volkonsky”, in *1812 god... Voennye dnevniki* [1812... Military diaries], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 115–185.

Информация об авторах

Максим В. Батшев, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва, Россия; Россия, 129301, Москва, ул. Космонавтов, д. 2; bmv@list.ru

Светлана А. Трифонова, Архив Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34; trifonova_s@mail.ru

Information about the authors

Maxim V. Batshev, D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia; bld. 2, Kosmonavtov St., Moscow, Russia, 129301; bmv@list.ru

Svetlana A. Trifonova, Archives of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 34, Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117218; trifonova_s@mail.ru

История культуры в документальном наследии

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-56-68

Библиотека А.А. Зимина
в Центральном государственном архиве
Московской области:
история формирования и обзор составных частей

Наталья В. Лукьянова

*Центральный государственный архив Московской области,
Москва, Россия, lncsgamo@yandex.ru*

Владислав И. Глотов

*Центральный государственный архив Московской области,
Москва, Россия, viglotov@yandex.ru*

Аннотация. В статье кратко показана история формирования и дается обзор поступившей в последние годы в Центральный государственный архив Московской области библиотеки известного ученого, одного из крупнейших специалистов по истории России в средние века А.А. Зимина. Библиотека собиралась им на протяжении нескольких десятилетий и в конечном итоге отразила широкий диапазон его научных интересов, а также увлечений. В ней отложились труды многих видных отечественных историков, содержится уникальное собрание русских летописей и других документальных публикаций, являющих собой ценные источники для изучения различных аспектов истории России. Имеется большое число работ, посвященных известнейшему памятнику отечественной литературы – «Слову о полку Игореве», исследованием происхождения которого А.А. Зимин занимался длительное время и сформулировал свою точку зрения по этой проблеме. Есть немало изданий библиографического характера, трудов по источниковедению, исторической географии, фалеристике, дипломатике, другим вспомогательным историческим дисциплинам. Среди книг, связанных с личными увлечениями ученого, немало работ по истории отечественного и зарубежного киноискусства. Немалый интерес представляют дарственные надписи на книгах, экслибрисы. По завершении архивной обработки поступившего собрания исследователи, обратившись к нему, смогут найти ответы на многие интересующие их вопросы.

© Лукьянова Н.В., Глотов В.И., 2021

Ключевые слова: архив, библиотека, документальные публикации, исторический источник, А.А. Зимин, книги, летописи

Для цитирования: Лукьянова Н.В., Готов В.И. Библиотека А.А. Зимина в Центральном государственном архиве Московской области: история формирования и обзор составных частей // История и архивы. 2021. № 4. С. 56–68. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-56-68

A.A. Zimin's library
in the Central State Archives of the Moscow Region.
Acquisition history
and an overview of the components

Natalya V. Lukyanova

*The Central State Archives of the Moscow Region,
Moscow, Russia, lncgamo@yandex.ru*

Vladislav I. Glotov

*The Central State Archives of the Moscow Region,
Moscow, Russia, viglotov@yandex.ru*

Abstract. The article briefly shows the formation history and provides an overview of the library of A.A. Zimin, who was the famous scientist, one of the largest experts in the history of Russia in the Middle Ages. The library has been received recently by the Central State Archives of the Moscow Region. The library has been collected by A.A. Zimin for several decades eventually reflecting a wide range of his scientific interests, as well as hobbies. It accumulates the works of many prominent Russian historians, contains a unique collection of Russian chronicles and other documentary publications, which are valuable sources for studying various aspects of the history of Russia. There is a large number of works devoted to the most famous monument of Russian literature – “The Word about Igor’s Regiment”, in the study of the origin of which A.A. Zimin has been engaged for a long time formulating his point of view on this problem. There are also many publications of a bibliographic nature, works on source studies, historical geography, faleristics, diplomatics, and other auxiliary historical disciplines. Among the books related to the scientist’s personal hobbies, there are many works on the history of domestic and foreign cinema. The inscriptions on the books and the ex-libris are of considerable interest. Upon completion of the archival processing of the received collection, the researchers, when they turn to it, will be able to find answers to many questions that interest them.

Keywords: archive, library, documentary publications, historical source, A.A. Zimin, books, chronicles

For citation: Lukyanova, N.V. and Glotov, V.I. (2021), “A.A. Zimin’s library in the Central State Archives of the Moscow region. Acquisition history and an overview of the components”, *History and Archives*, no. 4, pp. 56–68, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-56-68

Известный отечественный историк А.А. Зимин (1920–1980) собирал свою библиотеку всю жизнь. Она была настолько интересна и велика, что впечатления о ней сохранились в памяти его современников. Коллега А.А. Зимины по историческому цеху Н.И. Павленко вспоминал о «наличии у него любовно укомплектованной библиотеки, на полках которой стояли книги с опубликованными источниками и монографиями, относящимися ко времени, исследованием которого он занимался». Н.И. Павленко особенно подчеркивал, что это было одним из важных обстоятельств, поддерживавших высокую работоспособность ученого [Павленко 2012, с. 28–29].

Сам А.А. Зимин оставил воспоминания о формировании и отчасти составе своей библиотеки. Из них мы узнаем, что историческую книгу он начал собирать «с первых же месяцев учебы» на истфаке МГУ. Живя в достаточно обеспеченной семье врача-стоматолога, он мог позволить себе систематические приобретения книг в московских букинистических магазинах, а став доктором исторических наук, уже не жалел личных средств на книжные покупки. Другими источниками комплектования библиотеки стали дарения коллег А.А. Зимины, а также приобретения частей их библиотек. Так, по свидетельству самого ученого, в 1978 г. сектор истории СССР периода феодализма Института истории СССР АН СССР, где он работал, приобрел вскладчину библиотеку сотрудницы сектора Н.А. Баклановой. Книги затем по жребью были разыграны, в результате чего А.А. Зимину досталось многотомное собрание сочинений А.Д. Градовского – экземпляр из библиотеки историка М.М. Богословского¹.

Размышляя о судьбе своего книжного собрания, А.А. Зимин высказался о ней нетривиально. «Обычно, – писал он, – все коллекционеры пекутся о том, чтобы сохранить в целостности собранное ими. Но я решительный противник этого... Мне кажется, что книги надо раздавать или продавать в магазины. Они не должны быть данью посмертному тщеславию, а нести живую радость собирателям и специалистам следующих поколений»². Однако с этой точкой зрения оказались не согласны наследники ученого. Его вдова в тече-

---

¹ *Зимин А.А.* В книжном царстве // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М., 2000. С. 139–140.

² Там же. С. 141.

ние 33 лет бережно сохраняла библиотеку в домашних условиях вплоть до своей смерти в 2013 г., а через 4 года дочь А.А. Зимина – Н.А. Козлова после первичного разбора и передачи архива ученого в Архив Российской академии наук окончательно распорядилась и библиотекой.

В 2017 г. и в последующий период библиотека А.А. Зимина начала поступать в Центральный государственный архив Московской области. Она насчитывает около 5 тысяч единиц (изданий) без учета авторефератов, отдельных оттисков и россыпи. Некоторые книги были изданы уже после смерти ученого и собраны его семьей. Основная часть изданий представляет собой научную и научно-популярную литературу, среди которой более 450 изданий дореволюционного периода. В настоящее время сотрудниками архива ведется обработка поступившей литературы, сведения об изданиях вносятся в его электронные информационные ресурсы. Уже сейчас есть возможность поделиться некоторыми предварительными результатами ознакомления с библиотекой, сделать определенные обобщения.

Вполне естественно, что наибольшее число книг посвящено проблемам отечественной истории и особенно периоду XV–XVII вв., которым А.А. Зимин занимался прежде всего. Среди них находятся работы историков дореволюционной поры – Р.Ю. Виппера, И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, других авторов, изданные как при их жизни, так и в последующие годы. Представлены важнейшие работы по интересовавшей А.А. Зимина проблематике, созданные в советское время. Это работы А.В. Арциховского, Б.Д. Грекова, Л.Н. Гумилева, Д.С. Лихачева, М.В. Нечкиной, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, В.Л. Янина и многих других ученых, при этом значительное число работ – с дарственными надписями их авторов А.А. Зимину. В библиотеке, естественно, находятся и работы самого А.А. Зимина.

Но ценность полученного собрания заключается не только и не столько в наличии большого числа работ выдающихся отечественных историков и представителей других областей науки. Одно из главных достоинств библиотеки и в значительной мере – один из мотивов, побудивших архив принять ее, заключается в том, что она содержит большое число изданий документов – ценнейших источников по отечественной истории на протяжении нескольких столетий. Есть основания считать, что столь представительное собрание документальных публикаций является большой редкостью, а может быть, носит и уникальный характер.

Прежде всего следует отметить стремление А.А. Зимина аккумулировать в своей библиотеке как можно большее число изданий

русских летописей. Известно, что самым масштабным изданием такого плана является «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), которое начало издаваться в середине XIX в. и продолжается с перерывами до настоящего времени. Из 35 томов, которые вышли в свет ко времени ухода А.А. Зимина из жизни, в его библиотеке насчитывается 28, в том числе тома, изданные еще в XIX в. Кроме того в библиотеке имеется немалое число отдельно изданных летописей. Среди них представляющие ныне большую редкость изданные Императорской археографической комиссией в 1879 г. «Новгородская вторая» и «Новгородская третья» летописи, а также изданные этой же комиссией в 1907 г. «Сибирские летописи». Например, из библиотеки известного специалиста по «Русской Правде» В.П. Любимова у А.А. Зимина оказался IV том ПСРЛ с его пометами. Стоит назвать и издания, вышедшие уже в советское время, – «Новгородскую первую летопись старшего и младшего изводов», «Троицкую летопись», два выпуска «Псковских летописей», «Устюжский летописный свод» и некоторые другие. Названные публикации издавались Академией наук СССР в 1940–1950-е гг. и также стали библиографической редкостью. Имеется ряд работ с анализом русских летописей, в том числе изданная в 1947 г. работа Д.С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение».

Библиотека располагает изданиями и многих других документальных источников по отечественной истории. В ней, например, насчитывается около трех десятков книг дореволюционного серийного издания «Памятники древней письменности», которые, по свидетельству ученого, он «вывез» из Ленинграда. Причем, когда дело касается наиболее известных и значимых документальных памятников, просматривается стремление А.А. Зимина собрать как можно большее число изданий таких памятников и как можно большее число работ, посвященных им, особенно тогда, когда эти памятники являлись объектами его научных интересов. Например, готовя монографию о «Русской Правде», он собрал почти все ее публикации. Среди хранящихся ее изданий – издание, вышедшее в 1918 г. в Симферополе в типографии Е.К. Брешко-Брешковской; издание, вышедшее в 1928 г. по Академическому, Троицкому и Византийскому спискам; издание на основе 7 списков и 5 редакций, подготовленное Украинской академией наук, изданное в Киеве в 1935 г. и считающееся первым советским научным изданием «Русской Правды». А среди книг, посвященных «Русской Правде», – изданная в 1880 г. работа Н. Калачева «Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды», работа М.Н. Тихомирова «Исследование о «Русской Правде». Происхождение текстов», изданная в 1941 г.

В библиотеке можно найти и издания многих других документов, позволяющих раскрыть различные страницы истории России в древности и в средние века. Это, в частности, монастырские хозяйственные книги. Значительная часть их относится к Иосифо-Волоколамскому монастырю, к деятельности которого А.А. Зимин проявлял особый интерес. Есть также издания писцовых книг, уставных грамот, вотчинных хозяйственных книг, поместных актов, родословных книг. Привлекают внимание ротапринтные издания документов, осуществленные в конце 1970 – начале 1980-х гг. Институтом истории СССР АН СССР. Они издавались очень небольшими тиражами – не более 200–300 экземпляров, и сейчас, конечно же, относятся к числу раритетов. Среди них – два выпуска издания «Редкие источники по истории России». В одном из них напечатан хранящийся в настоящее время в РГАДА «Древнерусский лечебник», в другом – родословные книги XVI в., хранящиеся в этом же архиве. Примечательна дарственная надпись на этом издании – «Дорогому Александру Александровичу с благодарностью издание, им организованное и вдохновленное», сделанная одним из составителей, М.Е. Бычковой. Надпись, как видим, свидетельствует о том, что А.А. Зимин выступал инициатором издания документальных источников по истории страны. Его имя как члена редколлегии можно видеть и на многих других сборниках документов.

Можно, таким образом, констатировать, что непосредственно под рукой у А.А. Зимины имелся большой массив документальных материалов, опираясь на которые он готовил свои монографии по проблемам политической и хозяйственной жизни Русского государства в XV–XVII вв. Нам, работникам архива, конечно же, предстоит подумать над тем, как помочь будущим пользователям ориентироваться в этом большом массиве документальных источников.

Особого внимания заслуживают собранные в библиотеке издания, посвященные самому знаменитому памятнику культурного наследия Древней Руси – «Слову о полку Игореве». Известно, что А.А. Зимин имел по поводу датировки создания «Слова» мнение, которое кардинально отличалось от устоявшейся точки зрения по данному вопросу. Безусловно, дело специалистов представлять ту или иную позицию по вопросу, когда же было создано «Слово». Собирать книги по «Слову» ученый целенаправленно начал с 1963 г. Основу коллекции составили книги из библиотеки известного слововеда В.Ф. Ржиги, коллекционера С.Ф. Лисенкова, сотрудника ЦГАДА А.В. Маштафарова. В результате А.А. Зимин собрал обширнейшую литературу, включающую и несколько десятков выполненных на протяжении более чем полутора столетий изданий самого «Слова», и большое число посвященных ему исследований. Имеется, в частности, список с первого издания «Слова»,

осуществленного в 1800 г., с приложением статьи М.Н. Сперанского. Этот список был выполнен в Москве в 1920 г. А самое раннее из оригинальных изданий «Слова», хранящихся в библиотеке, относится к 1844 г. Оно вышло в серии «Русские достопамятности, издаваемые Императорским обществом истории и древностей российских, учрежденным при Императорском Московском университете» и содержит посвящение министру народного просвещения графу С.Н. Уварову с просьбой «принять наше усердное приношение труда, подъяшаго в пользу Русского Слова».

Среди изданий «Слова о полку Игореве», осуществленных в дореволюционный период и имеющихся в библиотеке, можно назвать издание на польском языке, которое вышло в Санкт-Петербурге в 1856 г., издание на украинском языке, выполненное во Львове в 1876 г. Имеется ряд изданий, подготовленных уже в XX в. представителями российской эмиграции за рубежом. К их числу относятся, в частности, 4 выпуска, подготовленные издателем ряда сочинений по древнерусской истории Сергеем Лесным, вышедшие в Париже в начале 1950-х гг. и приуроченные к 150-летию со времени выхода первого выпуска «Слова».

Есть в библиотеке и немало работ, в которых «Слово» всесторонне исследуется. Многие из них изданы еще в XIX в., в том числе библиографическое издание «Литература «Слова о полку Игореве»», вышедшее в свет в Киеве в 1880 г. Наряду с исследованиями российских авторов можно найти посвященные «Слову» статьи польских, болгарских, чешских авторов. Например, бывший секретарь Л.Н. Толстого Н.Н. Гусев подарил А.А. Зимину запретную в СССР книгу французского исследователя «Слова» А. Мазона. Есть, разумеется, и книга самого А.А. Зимины, в которой излагается его позиция по вопросу о датировке создания «Слова», и работы отстаивавших иную точку зрения известных ученых Д.С. Лихачева, Б.А. Рыбакова и некоторых других авторов. Можно, таким образом, констатировать, что А.А. Зиминым было собрано исключительное по своей ценности собрание литературы, посвященной «Слову о полку Игореве», и это собрание в очень большой мере обуславливает ценность самой библиотеки в целом.

К факторам, определяющим ценность библиотеки А.А. Зимины, можно отнести наличие большого числа изданий библиографического характера. Среди них есть издания общего плана, например, подготовленный в 1950-е гг. Фундаментальной библиотекой Академии наук СССР по общественным наукам (предшественницей ИНИОН РАН) двухтомник «История СССР. Указатель советской литературы за 1917–1952 гг.». Есть библиографические издания по определенным направлениям, среди которых можно назвать указатель «Советская археологическая литература. 1941–1957», выпу-

щенный издательством Академии наук СССР в 1958 г., а также подготовленную Институтом русской литературы (Пушкинским домом) АН СССР «Библиографию русского летописания», изданную в 1962 г.

Значительный интерес при этом представляют библиографические указатели, изданные в дореволюционный период. Они связаны по преимуществу со сферой научных интересов А.А. Зими́на. Это, например, составленный Б.И. Сыромятниковым «Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти в России», вышедший в 1913 г., «Каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1893 год» (издан в Санкт-Петербурге в 1893 г.), фундаментальный труд – описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 гг. в библиотеку Императорского общества истории и древностей российских (содержит описание 3800 рукописей).

Многие составляющие библиотеку А.А. Зими́на работы, изданные как в дореволюционный, так и в советский период, посвящены истории регионов нашей страны. Можно найти работы по истории Москвы, Пскова, Новгорода, Урала, Сибири, Поволжья, Севера.

Характеризуя библиотеку А.А. Зими́на, следует также отметить наличие в ней большого числа изданий по вспомогательным историческим дисциплинам. Можно найти книги по источниковедению, палеографии, хронологии, исторической географии, фалеристике, сфрагистике, геральдике, нумизматике, топонимике, генеалогии, дипломатике. Привлекает внимание дарственная надпись автора одной из таких книг – члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. Его книга «Русская дипломатика» вышла в свет в 1988 г., т. е. спустя несколько лет после смерти А.А. Зими́на. В дарственной надписи, адресованной вдове А.А. Зими́на Валентине Григорьевне, А.А. Зимин упоминается как человек, «наставивший» автора на путь дипломатики. Среди книг по вспомогательным историческим дисциплинам опять же много работ, вышедших в дореволюционный период и относящихся к числу библиографических редкостей.

Большой подборкой в библиотеке А.А. Зими́на представлены книги по истории философии и собственно философские сочинения. По имеющимся свидетельствам, от соседки друга его детства и юности, крупнейшего отечественного специалиста по творчеству Ч. Диккенса И.М. Катарского он приобрел собрания сочинений В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева.

Важной составной частью библиотеки А.А. Зими́на является подборка книг, посвященная истории киноискусства в разных странах, жизни и творчеству мастеров мирового кино. Наличие этой подборки связано уже с личным интересом, с личными увлече-

ниями А.А. Зимины. Таких книг насчитывается, по предварительным подсчетам, около ста. Книги посвящены истории советского, французского, итальянского, японского, индийского, польского киноискусства, творчеству таких мастеров, как С.М. Эйзенштейн, А.С. Довженко, И.В. Ильинский, С.А. Герасимов, А.А. Тарковский, Г. Гарбо, А. Маньяни, М. Антониони, Ч. Чаплин, Ж. Маре и ряда других. Автором многих хранящихся в библиотеке книг по вопросам киноискусства был известный кинокритик и педагог Ростислав Николаевич Юренев, с которым А.А. Зимины и его супругу на протяжении длительного времени связывали дружеские отношения. Об этом свидетельствуют дарственные надписи на книгах. В книге Р.Н. Юренева «Александр Довженко», вышедшей в 1959 г., имеется надпись «Дорогому Александру Александровичу Зимину в ознаменование блистательно защищенной им докторской диссертации – с нескрываемой завистью и с искренней дружбой». А вышедшая уже после смерти А.А. Зимины, в 1983 г., книга Р.Н. Юренева «Чудесное окно. Краткая история мирового кино» содержит надпись: «Дорогому другу Вале Зиминной – скромные попытки тоже стать историком».

Библиотеку А.А. Зимины отличает наличие в ней большого количества серийных изданий. В частности, она содержит свыше 200 книг серии «Жизнь замечательных людей», в том числе ряд относящихся к этой серии книг, изданных еще в дореволюционный период. Есть несколько десятков издававшихся с начала 1950-х гг. книг серии «Литературные памятники», содержащих наиболее значительные произведения отечественной и мировой художественной литературы. Можно найти большое число выпусков издания «Записки отдела рукописей Библиотеки имени В.И. Ленина», первый из которых издан в 1938 г., а последний из числа имеющихся в собрании – в 2000 г. Собраны также «Труды отдела древнерусской литературы», издаваемые Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук. Самый ранний выпуск относится к 1934 г., самый поздний – к 2004 г. Есть многие тома «Археографического ежегодника», издаваемого Археографической комиссией Академии наук, ряд других изданий.

Следовало бы еще отметить наличие в составе библиотеки А.А. Зимины большого массива иностранных изданий – их насчитывается свыше 250. В основном, они относятся к сфере научных интересов А.А. Зимины. Ученый выделял из них книги, которые были для него «особенно дороги» – трехтомное парижское юбилейное издание «Очерков по истории русской культуры» П.Н. Миллюкова, полный комплект «Истории России» В.И. Вернадского. Среди них опять же встречаются раритетные издания. В качестве примера можно привести редчайшую книгу И. Денисова о Максиме Греке,

почти весь тираж которой погиб в Лувене под немецкими бомбами (подарок А.А. Зимину от А. Мазона), книгу, посвященную «Русской Правде» и изданную в 1913 г. в Штутгарте на немецком языке, или же изданную в 1955 г. Кембриджским университетом на английском языке переписку Ивана Грозного с Курбским с дарственной надписью Б.А. Рыбакова, сделанной, скорее всего, уже немного позднее, в качестве поздравления с защитой А.А. Зиминим докторской диссертации. Есть также немало вышедших за рубежом работ, посвященных кино. Это книги, изданные в США, Канаде, Венгрии, Италии, Польше, ряде других стран. Часть изданных в иностранных государствах книг представляет собой труды зарубежных друзей А.А. Зимина, например, английского ученого Дж. Фенелла и западногерманского слависта Л. Мюллера.

Вызывает немалый интерес изучение дарственных надписей на книгах из собрания А.А. Зимина. Число людей, сделавших такие надписи, превышает 200. Среди них прежде всего стоит назвать крупнейших отечественных историков и представителей смежных отраслей науки – Д.С. Лихачева, А.Л. Монгайта, М.В. Нечкину, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, С.О. Шмидта, С.В. Юшкова, В.Л. Янина, многих других ученых. В одних случаях эти надписи можно оценивать просто как дань уважения А.А. Зимину, что тоже немаловажно. В других случаях надписи раскрывают отдельные стороны деятельности А.А. Зимина, его научных интересов, те или иные моменты человеческих отношений, о чем частично уже шла речь.

Так, в вышедшей в 1961 г. книге Р. Пересветова «По следам находок и утрат» есть надпись «Уважаемому Александру Александровичу Зимину – участнику векового спора о библиотеке Ивана Грозного». Я.Н. Щапов – автор вышедшей в издательстве «Наука» в 1972 г. книги «Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI–XIV вв.» презентовал свою книгу А.А. Зимину с надписью «Дорогому Александру Александровичу с благодарностью и на память о годах работы над княжескими уставами».

Интересны две надписи, связанные с особой позицией А.А. Зимина по вопросу о датировке «Слова о полку Игореве». В 1979 г. Д.С. Лихачев, не разделявший точку зрения А.А. Зимина по данному вопросу, подарил ему вышедшую третьим изданием книгу «Поэтика древнерусской литературы» с надписью «Дорогому Александру Александровичу Зимину от уважающего его оппонента». А один из авторов вышедшего в 1970 г. фундаментального издания «Русская литература и фольклор XI–XVIII вв.» С. Азбелев написал: «Дорогому Александру Александровичу Зимину от написавшего главы I и III, но отказавшегося писать главу II в разделе «Древнерусская литература»». Именно вторая глава этого издания

была посвящена «Слову о полку Игореве» и написана в традиционной трактовке, с которой А.А. Зимин не соглашался.

Среди имен авторов, подаривших свои труды А.А. Зимину, можно встретить имя известного в середине прошлого века астронома Б.А. Воронцова-Вельяминова. Как оказалось, он увлекался генеалогическими исследованиями, и А.А. Зимин, судя по дарственным надписям, оказывал ему консультативную поддержку. Также среди тех, кто подарил А.А. Зимину свои книги, – известный адвокат К.Н. Апраксин, историк литературы Д.Д. Благой, философ А.В. Гулыга, литературовед М.О. Чудакова. Большое число книг с дарственными надписями получено от благодарных учеников А.А. Зимина. А многие книги были подарены уже после смерти А.А. Зимина его вдове Валентине Григорьевне с надписями, содержащими немало добрых слов в память о А.А. Зимине и его научных заслугах.

Некоторый интерес представляют дарственные надписи, имеющиеся на дореволюционных изданиях. Естественно, они не могли относиться непосредственно к А.А. Зимину, но они подчас связаны с именами людей, оставивших заметный след в науке. Имеется, в частности, экземпляр изданной в 1910 г. книги А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», подаренной философу Н.О. Лосскому с надписью: «Многоуважаемому Николаю Онуфриевичу Лосскому от автора». В другой книге можно найти автограф крупного историка начала прошлого века А.А. Кизеветтера – дарственная надпись носит сугубо личный характер, и установить, кому она предназначена, пока не удалось. Есть несколько книг, подаренных разными людьми филологу и историку В.Ф. Ржиге.

Из библиотеки В.Ф. Ржиги немало книг оказалось впоследствии в библиотеке А.А. Зимина, на что указывают соответствующие экслибрисы. Всего же в книгах, относящихся к библиотеке А.А. Зимина, удалось найти свыше 20 различных образцов экслибрисов, некоторые из них встречаются по несколько раз. Они свидетельствуют о том, что эти книги (преимущественно – дореволюционные издания) ранее находились как в частных коллекциях, так и в библиотеках образовательных учреждений и иных организаций. Упоминаются, в частности, библиотека Владимирской ученой архивной комиссии, фундаментальная библиотека Московской гимназии, библиотека Императорской Казанской духовной академии, семинар по истории Восточной Европы Венского университета (в последнем случае экслибрис выполнен на немецком языке).

Характеризуя состояние книг своей библиотеки, А.А. Зимин писал: «Книги приобретались в разном состоянии. Многие из них без переплетов. Чтобы спасти их от гибели, многие из них пришлось

переплести»³. Ученым были переплетены также подборки статей разных авторов и авторефераты диссертаций.

Подытоживая, можно констатировать, что поступившее в архив книжное собрание в перспективе может послужить ценным источником как для изучения научной деятельности самого А.А. Зими́на, явившейся безусловно заметным событием в истории исторической науки в нашей стране, так и для поиска ответов на многие вопросы, связанные с историей России в средние века. Мы, со своей стороны, будем думать над тем, как сделать так, чтобы библиотека А.А. Зими́на использовалась как можно более эффективно.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность члену-корреспонденту РАН В.П. Козлову за консультативную помощь при подготовке статьи.

Acknowledgements

The authors express their deep gratitude to the corresponding member of the Russian Academy of Sciences V. P. Kozlov for his consulting assistance in the preparation of the article.

Литература

- Зимин 2000 – *Зимин А.А.* В книжном царстве // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М.: РГГУ, 2000. 192 с. в примечание
- Павленко 2012 – *Павленко Н.И.* Памяти А.А. Зими́на // Историк в России: Между прошлым и будущим: статьи и воспоминания. М.: РГГУ, 2012. С. 27–33.

References

- Zimin, A.A. (2000), “In the Book Kingdom”, *Alexandr Alexandrovich Zimin : Biobibliograficheskij ukazatel* [Alexander Alexandrovich Zimin: Biobibliographic Index], Moscow, 2000.
- Pavlenko, N.I. (2012), “In memory of A.A. Zimin”, in *Istorik v Rossii. Mezhdru proshly`m i buduschim : stat`i i vospominaniya* [Historian in Russia. Between the past and the future. Articles and memoirs], RGGU, Moscow, Russia, pp. 27–33.

---

³ Там же. С. 140.

Информация об авторах

Наталья В. Лукьянова, Центральный государственный архив Московской области, Москва, Россия; Россия, 117452, Москва, ул. Азовская, д. 17; lnvcgamo@yandex.ru;

Владислав И. Готов, кандидат исторических наук, Центральный государственный архив Московской области, Москва, Россия; Россия, 117452, Москва, ул. Азовская, д. 17; viglotov@yandex.ru

Information about the authors

Natalya V. Lukyanova, The Central State Archives of the Moscow Region, Moscow, Russia; bld. 17, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117452; lnvcgamo@yandex.ru

Vladislav I. Glotov, Cand. of Sci. (History), The Central State Archives of the Moscow Region, Moscow, Russia; bld. 17, Azovskaya St., Moscow, Russia; viglotov@yandex.ru

Персональная история

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-69-81

Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации *Часть 3*

Мария В. Мишуровская

*Российская государственная библиотека искусств,
Москва, Россия, onb@liart.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются архивные материалы и печатные источники, связанные с основными вехами творческой биографии литератора, редактора журнала «Россия» И.Г. Лежнева (1891–1955). Об идеологической работе И.Г. Лежнева в первой половине 1920-х гг., связанной с выпуском журнала «Россия», бывшего частью «сменовеховского» идеологического проекта, дают представление его статьи, помещенные в этом журнале, его письма к Н.В. Устрялову, опубликованные М.С. Агурским, а также источники, хранящиеся в отечественных архивах. История закрытия «сменовеховского» журнала «Россия» и дело о высылке его редактора, И.Г. Лежнева, «за пределы СССР» отражены в документах, отложившихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации. На основании информации, почерпнутой в документальных источниках, отложившихся в фонде И.Г. Лежнева в Российском государственном архиве литературы и искусства, автором статьи представлен обзор профессиональных обязанностей И.Г. Лежнева – сотрудника Торгового представительства СССР в Берлине.

В статье приведен обзор источников, рассказывающих о возвращении И.Г. Лежнева из Германии в СССР, о важной роли его «расширенного заявления» о приеме в партию, автобиографических и покаянных «Записках современника», во многом определивших дальнейшую судьбу их автора, а также о работе в газете «Правда» и о других «вехах» его

© Мишуровская М.В., 2021

Окончание. Начало см.: История и архивы. 2020. № 3. С. 52–68; 2021. № 1. С. 87–104.

жизни. К рассмотрению впервые привлечены документы из частных собраний, касающиеся публикации в СССР книги И.Г. Лежнева «Записки современника».

Ключевые слова: И.Г. Лежнев, творческая биография, журнал «Россия», история литературы 1920–1940-х гг., архивные источники, идеологический проект

Для цитирования: Мишуровская М.В. Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации. Часть 3 // История и архивы. 2021. № 4. С. 69–81. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-69-81

Editor of the “Russia” magazine.
Biography of I.G. Lezhnev –
archival documents and publications

Part 3

Maria V. Mishurovskaya

Russian State Art Library, Moscow, Russia; e-mail: onb@liart.ru

Abstract. The article considers the archival materials and the printed resources related to the major milestones of the professional biography of I.G. Lezhnev, the writer and editor of the “Russia” magazine. The ideological work of I.G. Lezhnev in the first part of the 1920s connected with the issuing of “Russia”, the magazine which belonged to the “Smena Vekh” ideological project, can be understood through his publications in this magazine, his letters to N.V. Ustryalov published by M.S. Agurskiy as well as through the resources in the Russian archives. The sequence of events that has ended up in the closure of the “Russia” magazine and the case of deporting its editor I. G. Lezhnev “beyond the USSR” are revealed in the documents stored in the funds of the Russian State Archives of the Social and Political History and the Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Having researched the information in the documents of the I.G. Lezhnev fund in the Russian State Archives of Literature and Art, the author of the present article analyses the professional duties of I.G. Lezhnev – the staff member of the Trade Mission of the USSR in Berlin.

The article provides an overview of the resources connected with I.G. Lezhnev’s return from Germany to the USSR, and of the essential role of his “extended membership application” for joining the Party, of his autobiographical and repenting “The Notes of a Contemporary” which in many ways became life-defining for his author; attention was also drawn to his work in the “Pravda” newspaper and other milestones of his life. For the first time, the documents from private collections have been perused – those

detailed materials pertaining to the publication in the USSR of Lezhnev's book "The Notes of a Contemporary".

Keywords: I.G. Lezhnev, professional biography, "Russia" magazine, history of literature in the 1920s – 1940s, archival resources, ideological project

For citation: Mishurovskaya, M.V. (2021), "Editor of the 'Russia' magazine. Biography of I.G. Lezhnev – archival documents and publications. Part 3", *History and Archives*, no. 4, pp. 69–81, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-69-81

«Творческая работа».

Лежнев – биограф Шолохова

Весной 1935 г. Лежнев становится заведующим отделом критики и библиографии, а затем – отдела литературы и искусства газеты «Правда». В этом же году, 22 августа, Исай Григорьевич наносит визит Михаилу Булгакову. Жена писателя, Елена Сергеевна Булгакова, записывает в дневнике: «Сегодня появился у нас Исай Лежнев, тот самый, который печатал "Белую гвардию" в "России". Он был за границей в изгнании, несколько лет назад прощен и вернулся на родину. Несколько лет не видел М.А. Пришел уговаривать его ехать путешествовать по СССР. Нервен, возбужден, очень умен, странные вспухшие глаза. Начал разговор с того, что литературы у нас нет»¹.

Исай Григорьевич, видимо, тяготился постоянной работой в штате газеты «Правда»: одна из причин – ухудшение здоровья. В январе 1935 г. он перенес операцию на щитовидной железе, как он уточняет в записке редактору газеты Л.З. Мехлису, «по случаю Базедовой болезни»².

Пробыв в должности завотделом меньше года, он просит главного редактора «Правды» в связи с необходимостью «коренной перестройки всего режима жизни» освободить его от «аппаратной, штатной работы», ограничив его сотрудничество «авторским участием в газете (постоянным)»³.

Но несмотря на попытки оставить службу в главном печатном органе страны, Лежнев все же остается в штате газеты: бойкое перо Исаия Григорьевича еще несколько лет обслуживало идеологические потребности руководства СССР. Его амбиции, связанные с видением себя в роли бдительного критика недостатков советской

---

¹ Булгакова Е.С. Дневник: 1935 г. // Михаил и Елена Булгаковы: Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. С. 222.

² РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.

³ Там же.

литературы, если и сдерживались общим идеологическим курсом, то им же и подпитывались. Пользуясь положением литературного функционера, он часто бывал предвзят не только к «троцкистам».

Редакторскую работу Исая Григорьевич, если верить свидетельству К.И. Чуковского, выполнял не слишком организованно с точки зрения административной (однажды не прислал Чуковскому обещанную редакцией машину), но к редакции текста – в том числе идеологической – он подходил тщательно. Чуковский, в дневниковой записи от 29 сентября 1937 г. замечает:

Навалил на меня Лежнев корректуру моей статьи «Пушкин и Некрасов»⁴, куда он внес более сорока мелких (отчасти идеологических) поправок. Статья лежала у него с января, я и забыл о ней – и вот теперь сделай в два дня спешно всю перестройку текста⁵.

Работая в «Правде», Лежнев посвящает ряд статей недочетам в организации издательского дела и проблемам писательских организаций. На его публикации, докладывая И.В. Сталину об угрожающем неблагополучии в литературе, ссылается секретарь Союза советских писателей СССР (ССП СССР) А.С. Щербаков⁶.

Самая резонансная статья Лежнева – «Вакханалия переизданий»⁷, поднимающая тему писательских гонораров, получаемых от переиздания созданных ими произведений. Она, как отмечалось в спецсправке СПО НКВД о настроениях литераторов, была встре-

⁴ Статья К.И. Чуковского вышла на четвертой полосе «Правды» в № 10 от 10 января 1937 г. Редактура И.Г. Лежневым статьи Чуковского в сентябре 1937 г., возможно, могла быть связана с ее дальнейшей печатной судьбой. См.: *Чуковский К.И.* Пушкин и Некрасов. М.: Гослитиздат, 1949. 48 с. Но, скорее всего, при публикации текста дневника Чуковского за 1936–1937 гг. была допущена опечатка: запись от 29 сентября 1936 г. ошибочно датирована 1937 г. Об этом, в частности, свидетельствует переписка – в сентябре 1936 г. – И.Г. Лежнева с сотрудником отдела критики и библиографии газеты «Правда» А.Ш. Гурштейном, в которой упоминается подготовка к публикации в «Правде» статьи Чуковского «Пушкин и Некрасов».

⁵ *Чуковский К.И.* Дневник: В 3 т. Т. 3: 1936–1969. М.: ПРОЗАиК, 2012. С. 44.

⁶ Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 284–288.

⁷ *Лежнев И.Г.* Вакханалия переизданий // Правда. 1936. 10 дек. № 344. С. 3.

чена писателями, среди которых упомянутые в статье Л.М. Леонов и И.Л. Сельвинский, неприязненно. Спецсправка передает мнение П.Г. Антокольского о «Вакханалии переизданий»: «Статья Лежнева играет на руку врагам. И так все недовольны нашей литературой, а тут явная дискредитация. Лучшие писатели выставляются, как жулики и растратчики»⁸.

В апреле 1937 г. в статье «На новом этапе» Лежнев обрушивается с критикой на издателей, писателей и редакторов журналов. Он пишет:

Изучением истории советской художественной литературы у нас толком и по сей день не занимаются. Единственная итоговая книга по нашей поэзии написана чужой и враждебной рукой троцкиста Селивановского⁹. Над историей советской литературы работают только К. Зелинский и В. Перцов¹⁰.

По мнению Лежнева, ССП СССР вместо политико-воспитательной работы «погряз в мелочных материально-бытовых вопросах» и «крупных творческих вопросов не ставит»¹¹.

Упомянутый Исаем Григорьевичем «троцкист» Алексей Павлович Селивановский, рапповец и видный советский литературный критик, в сферу литературоведческих интересов которого, в частности, входило творчество Михаила Шолохова¹², в 1936 г. был исключен из ВКП(б) и в 1937 г. расстрелян. Ему принадлежит весьма негативный и тщательно продуманный отзыв на «Записки современника» (написанный в 1934 г., он был известен Лежневу). Селивановский подчеркивал:

Читатель найдет в книге немало интересных забытых или полузабытых цитат из «Новой России» и других органов сменовеховства, относящихся, в частности, к восприятию сменовеховцами нэпа как реставрации капитализма. И очень жаль, что Лежнев ограничивается только цитатами и не превращает свою книгу <...> в мемуары, где читатель получил бы факты, воссоздающие общую картину формирования сме-

---

⁸ Власть и художественная интеллигенция ... С. 348.

⁹ *Селивановский А.П.* Очерки по истории русской советской поэзии. М.: Гослитиздат, 1936. 453, [1] с.

¹⁰ *Лежнев И.Г.* На новом этапе // Правда. 1937. 2 апр. № 91. С. 3.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Селивановский А.П.* Михаил Шолохов // Шолохов М.А. Лазоревая степь. Донские рассказы. [М., 1931] С. 3–12; Шолохов М.А. Тихий Дон. 3-е изд. Кн. 1 / авт. предисл. А.П. Селивановский. М.; Л.: ОГИЗ – Худож. лит., 1931. 397 с.

новеховской идеологии. <...> Общеизвестны далее колебания советских литературных попутчиков. Но нельзя – ибо это противоречит фактам – писать о попутчиках так, как это пишет Лежнев: «Р-р-революционность “попутнической” литературы была сплошным блефом... <...>». <...> Разве когда-либо коммунистическая критика говорила о том, что революционность «Бронепоезда» Вс. Иванова, или «Враги» Н. Тихонова, или «Барсуки» Леонова есть «сплошной блеф»?¹³

Летом 1937 г. Лежнев готовит для Л.З. Мехлиса доклад «О руководстве Союза советских писателей»¹⁴. Этот текст отчасти объясняет ситуацию, которая в августе 1939 г. привела к освобождению Исаи Григорьевича от должности заведующего отделом литературы и искусства газеты «Правда». По сути, доклад является доносом на руководство ССП СССР, по мнению Лежнева, не ведущего политико-воспитательной работы с беспартийными литераторами и не мобилизованного на выявление в писательских организациях врагов – «троцкистских собак, достойных одной участи: расстрела»¹⁵.

Перечислив основные недоработки руководства ССП СССР, он переходит к детализации – личным «грехам» его генерального секретаря В.П. Ставского, который, по мнению автора доклада, решил несправедливо «очернить» его в глазах редактора «Правды».

Личные счёты и взаимные обиды в писательской среде делали положение Лежнева не таким уж прочным, каким оно может показаться современным исследователям литературы советского времени. Исай Григорьевич пришел в «Правду» в середине 1930-х гг. – в период радикального изменения института критики, ставшей в то время частью «политико-идеологического проекта» [Добренко 2011, с. 22]. От советского рецензента художественного текста, выступающего в роли инструктора, направляющего писателя (не читателя) и для писателя пишущего, в 1930-х требуется владеть арифметикой «однозначных и безошибочных суждений и оценок» [Добренко 2011, с. 22].

Освоив эту арифметику (точнее, уже владея ею), Исай Григорьевич, не принадлежавший ни к пролетарским литераторам, ни к тем, кто составил костяк редакции журнала «Литературный критик»¹⁶,

¹³ Селивановский А.П. Политическая исповедь: [отзыв на кн. И. Лежнева «Записки современника», 1934; машинопись, 11 с.]. С. 9–10. Из архива М.В. Мишуровской.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 250. Л. 11–42.

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ На страницах журнала «Литературный критик» спорили (Е.Ф. Усевич и др.) с «вульгарным социологизмом» бывших рапповцев – В.Ф. Переверзева, В.В. Ермилова и А.А. Фадеева.

принял на себя роль критика сверху. Некоторое время он вполне успешно ее исполнял. Но такая позиция, вне группировок и течений, была в те годы довольно шаткой, небезопасной даже для тех, кто был принят в ВКП(б) по рекомендации И.В. Сталина. В первую очередь потому, что литературная критика, являясь в советских реалиях политическим инструментом, сама по себе, конечно, не существовала, играя «важную роль в актуальной политической борьбе на вершине власти – единственном поле, где политика могла реально присутствовать» [Добренко 2011, с. 10].

В 1939 г. – на фоне начавшейся перестройки аппарата ЦК ВКП(б) – будущий куратор управления агитации и пропаганды ЦК А.С. Щербаков (имевший в глазах И.В. Сталина почти безупречную репутацию), в то время занимавший должность заведующего сектором управления кадров ЦК ВКП(б), просит ЦК освободить Лежнева от работы в газете «Правда», характеризуя Исаю Григорьевича как человека, который не пользуется авторитетом среди писателей и литературных критиков.

С августа 1939 г. Лежнев, оставив должность заведующего отделом «Правды», переходит на творческую работу. Выпустив к 50-летию со дня смерти Н.Г. Чернышевского книгу «Вождь революционной демократии – Н.Г. Чернышевский»¹⁷, в 1940 г. он становится «литературным зеркалом» Михаила Шолохова.

Само собой, не единственным. К тому времени классик советской литературы был фигурой популярной не только в дебрях литературно-идеологической полемики – роман «Тихий Дон» завоевал советского читателя. Исай Григорьевич примыкает к толкователям романа-эпопеи. В одной из автобиографий он называет 1940 год – годом начала своей работы над обширной монографией о творчестве Шолохова¹⁸.

В 1940 г., после появления в «Новом мире», заключительной части романа «Тихий Дон»¹⁹, в журнале «Молодая гвардия» выходит статья Лежнева «Две души (О «Тихом Доне» М. Шолохова)»²⁰. Она появляется вскоре после обсуждения произведения Шолохова в Московском клубе писателей, состоявшемся 19 мая 1940 г. Исай

---

¹⁷ *Лежнев И.Г.* Вождь революционной демократии – Н.Г. Чернышевский: (к 50-летию со дня смерти). М.: Правда, 1939. 96 с. (Б-ка «Огонек»)

¹⁸ *Лежнев И.Г.* Михаил Шолохов: Критико-библиографический очерк. М.: Гослитиздат, 1941. 80 с.; Лежнев И.Г. Михаил Шолохов. [М.]: Советский писатель, 1948. 519 с.

¹⁹ *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 4, ч. 8 // Новый мир. 1940. № 2/3. С. 3–102.

²⁰ *Лежнев И.Г.* Две души: (о «Тихом Доне» М. Шолохова) // Молодая гвардия. М., 1940. № 10. С. 112–149.

Григорьевич встает на защиту романа и одного из его главных героев – Григория Мелехова. В образе главного героя «Тихого Дона» он отмечает трагедию раздвоенности. Рыцарь и злодей, по мнению Лежнева, «соединились в одном лице». «Некоторые люди, – замечает Исай Григорьевич, – никак не могут это “переварить”»²¹. Отвечая тем, кто надеялся, что в конце романа Шолохов приведет своего героя в колхоз, он объясняет: ошибочны «домыслы критики» (в первую очередь он полемизирует с А.А. Беком, выступившим на обсуждении романа в Московском клубе писателей), а не роман. Лежнев утверждает: конец «Тихого Дона» – это «конец мелеховщины в казачьем народе, конец судьбы самого Мелехова, а стало быть, и конец всей эпопеи – одновременное завершение и исторического и художественного цикла. Тут рубеж. Дальше начинается уже действительно советское казачество, ходом революции приведенное к колхозному строю. На смену Григорию Мелехову идет Кондрат Майдаников, на смену “Тихому Дону” – “Поднятая целина”»²².

Перед Лежневым стояла задача – вывести автора «Тихого Дона» из шатких рядов писателей-попутчиков в социалистические писатели, оставив клевету «подвизавшихся в литературе врагов народа» и «критические писания рапповских времен» за пределами серьезного – «не глупого», как уточняет Лежнев, – разговора о «психологическом реализме», коего достоин советский человек и «великое дело социализма»: «Герой художественного произведения вообще не может и не должен быть ходячим воплощением целого класса», – подчеркивает, разоблачая «вульгаристов», Исай Григорьевич²³. Витиеватый и при этом блестящий стиль Лежнева, подводит роман советского писателя Шолохова к «великой шекспировской традиции, как она была понята Пушкиным»²⁴.

В 1942 г. Исай Григорьевич, находясь в эвакуации в Ташкенте, возглавляет узбекское отделение ССП СССР. О своей ташкентской работе он рассказывает в автобиографии 1948 г.²⁵, приложенной к заявлению в ССП СССР, написанному в 1949 г. – в связи с просьбой шолоховеда Лежнева допустить его к секретным архивным материалам, связанным с «контрреволюцией на Дону»:

В годы Великой Отечественной войны я интенсивно занимался публицистикой, используя свое знание Германии. В первые же месяцы войны по договору с Госполитиздатом написал книгу «Правда

²¹ Там же. С. 128.

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 125.

²⁴ Там же. С. 128.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43 с. Д. 62. Л. 8–11.

о Гитлере»²⁶. Она тогда не могла выйти в Москве из-за эвакуации и была издана мною в сокращенном виде в Ташкенте и Узбекском Госиздате на русском и узбекском языках. Постановлением ЦК КП(б)Уз я был назначен секретарем узбекского Союза писателей. В 1942 году мною был собран и отредактирован «Ташкентский альманах»²⁷ в 40 печатных листов, при моем участии подготовлена к печати книга «В боях за Родину (Рассказы участников Великой Отечественной войны)»²⁸, отредактирован ряд изданий в филиале издательства «Советский писатель», редсовет которого возглавлял Ал. Н. Толстой. <...> Приехав в феврале 1943 года в командировку в Москву для согласования и доработки моей книги в Госполитиздате, я с разрешения отдела кадров больше не возвращался в Ташкент.

В Москве в 1943 году мною был подготовлен сборник портретов и памфлетов «Палачи Европы», который вышел в свет только весной 1945 года²⁹. <...>

В 1946 году с разрешения ЦК партии я ездил в творческую командировку от Союза советских писателей в Германию, где пробыл около полугода, изучая новейшую немецкую философию, подготовил несколько творческих этюдов. В настоящее время в издательстве «Советский писатель» вышла в свет обширная монография «Михаил Шолохов», над которой я работал с перерывами с 1940 года³⁰.

Сведений о том, чем помимо изучения новейшей немецкой философии и подготовки творческих этюдов занимался в Германии Лежнев, в просмотренных нами источниках найти не удалось. Вернувшись из Германии, Исай Григорьевич продолжает сотрудничать с издательством «Советский писатель» в качестве редактора. В этом же качестве (попеременно с В.Я. Виленкиным) он участвует в подготовке «Ежегодников Московского Художественного театра».

---

²⁶ *Лежнев И.Г.* Правда о Гитлере. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 182, [2] с.

²⁷ Ташкентский альманах / Под ред. Х. Алимжана, Вс. Иванова, И. Лежнева; Союз советских писателей Узбекистана. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 260 с.

²⁸ *Сербров А.* В боях за Родину: рассказы участников Великой Отечественной войны / Сост. А.Н. Тихонов; под ред. Е.А. Болтина, И.Г. Лежнева, Абр. Эфроса; Союз сов. писателей Узбекистана. Ташкент: Советский писатель, 1942. 267 с.

²⁹ *Блок Ж.-Р., Верфель Р., Лежнев И. и др.* Палачи Европы: Портреты и памфлеты / Ред.-сост. И.Г. Лежнев. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1945. 284 с.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43 с. Д. 62. Л. 10–11.

Книга Лежнева о Шолохове, о которой он упоминает в автобиографии, вышла в 1948 г. В 1949 г. Исай Григорьевич, задумав переиздание книги, решает переработать текст. Именно поэтому он обращается в Правление ССП СССР с заявлением, в котором просит допустить его к секретным материалам, связанным с «делом о контрреволюции на Дону» и хранящимся в двух архивах: в Центральном государственном архиве Красной армии³¹ и в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (ЦГАОР)³².

Напомним, из-за якобы антибольшевистского описания Шолоховым Вёшенского белоказачьего восстания шестая часть «Тихого Дона» с трудом пробивалась к читателю: только после вмешательства М. Горького, ускорившего печатание третьей книги романа, она в 1932–1933 гг. увидела свет.

Главным аргументом в заявлении Лежнева, решившего ознакомиться с материалами о контрреволюции на Дону, выступает «первые опубликованное высказывание тов. Сталина о Шолохове»: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок и неверных сведений насчет Сырцова, Подтёлкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что “Тихий Дон” никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи? (т. 12, с. 112)»³³. Исай Григорьевич поясняет: «Это высказывание непреложно обязывает исследователя тщательно проверить правильность обрисовки в “Тихом Доне” отдельных фактов истории»³⁴.

Правление ССП СССР передает заявление в четвертый отдел пятого управления МГБ, сопровождая его просьбой – разрешить Лежневу допуск к означенным секретным материалам³⁵. Допуск к секретным материалам, хранящимся в ЦГАОР, исследователь творчества Шолохова получил³⁶. Перед этим – он побывал на Дону: двухмесячная командировка Лежнева, организованная ССП, была, по его словам, использована им «для собирания дополнительных материалов о Шолохове», для той же проверки «правильности обрисовки в “Тихом Доне” отдельных фактов истории»³⁷.

³¹ С 1996 г. – Российский государственный военный архив (РГВА).

³² С августа 1992 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

³³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43с. Д. 62. Л. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 25.

³⁷ Там же. Л. 12.

Новая монография Лежнева о Шолохове под заглавием «Путь Шолохова. Творческая биография» выйдет в издательстве «Советский писатель» в 1958 г.³⁸, спустя три года после смерти ее автора.

Историк литературы и его наследие

После смерти Исаея Григорьевича Лежнева в 1955 г. его жена Лидия Павловна Лежнева и его сестра Екатерина Григорьевна Лежнева готовят к изданию сборник избранных статей. Предисловие к нему пишет Александр Львович Дымшиц, известный советский литературовед, функционер от науки и давний знакомый Исаея Григорьевича. О его неудачной защите в 1941 г. докторской диссертации, посвященной творчеству В.В. Маяковского («Основные этапы идейно-творческой эволюции В.В. Маяковского»), сохранились свидетельства очевидцев и архивные документы, собранные П.А. Дружининым в статье «"Одна абсолютно обглоданная кость": история защиты А.Л. Дымшицем докторской диссертации» [Дружинин 2012]. На титульном листе экземпляра сборника, переданного нам в 2016 г. коллекционером С.Д. Бобровым, присутствует дарственная надпись: «Дорогому Александру Львовичу Дымшицу с любовью и сердечной благодарностью! Л. Лежнева. 15/II – 61 г.».

А.Л. Дымшиц в своих статьях о новейшей советской литературе придерживался партийно-ортодоксальной линии, он был ценим за это постоянно партийным руководством, но защитить докторскую диссертацию смог только в 1966 г., на этот раз посвященную не Маяковскому, а «некоторым проблемам развития немецкой поэзии и эстетической мысли середины XIX века» [Дружинин 2012]. Он, как и Исаея Григорьевич Лежнев, претерпев зигзаги судьбы (из обеспеченной семьи – в революцию), свободно владел немецким языком.

Дымшиц – автор предисловия, открывающего сборник избранных статей Лежнева, совпадая с Исаем Григорьевичем в демагогической исключительности, в ней же и безупречен. Оба литературоведа, применяя к оппонентам «карательную стилистику», привыкнув «хозяйствовать на литературе», и в комплиментарной риторике держали «высокий стиль». Достаточно привести два фрагмента: отрывок статьи Лежнева «Традиция и новаторство в творчестве М.А. Шолохова» и фрагмент предисловия Дымшица «И.Г. Лежнев», чтобы оценить схожесть решаемых ими даже не идеологических, а утилитарно-дружественных задач.

---

³⁸ *Лежнев И.Г.* Путь Шолохова: Творческая биография. М.: Советский писатель, 1958. 428 с.

Фрагмент статьи Лежнева о Шолохове, заполняя пустоту, возникшую в первую очередь вокруг автора, ее написавшего, далек от какой-либо «новой жизни» литературы, о которой, выявляя причины творческого разложения писателей, Исай Григорьевич так пекся во второй половине 1930-х и в 1940-х гг.:

Отбор лучших элементов литературного наследия, критическая переработка их, ассимиляция и включение их в литературную ткань новых рассказов, повестей, романов, поэм, пьес и т. д. производились и производятся нашими писателями на идейном уровне современности, в соответствии с ее живыми потребностями³⁹.

Дымшиц, аккуратно заметивший в предисловии, что «некоторые положения, выдвинутые критиком, в наши дни устарели»⁴⁰, отмечает: все свои знания Лежнев «старался посвятить делу коммунизма, делу воспитания нового человека»⁴¹. Что еще мог написать о своем соратнике по литературной советской стройке Александр Львович Дымшиц?

«Избранные статьи» Лежнева выходят в 1960 г. в издательстве «Художественная литература» тиражом 13 тысяч экземпляров. Две статьи сборника посвящены М.А. Шолохову, одна – А.С. Макаренко («А.С. Макаренко как литературный критик»), еще одна – эстетике Чернышевского... Завершает сборник текст «Краткость – сестра таланта», посвященный повести А.П. Чехова «Степь». Работу над этой статьей, если верить дате, указанной в сборнике, Лежнев закончил в 1955 г. Текст о чеховской «Степи» свидетельствует: от блестящего публициста, от редактора «чистой крови и Божьей милостью», как его когда-то называл Михаил Булгаков, не осталось и следа. Чехов Исаю Григорьевичу, вооруженному лишь сомнительной ориентировкой на «общее счастье», был не по силам. Понимал ли это сам Лежнев? Скорее всего, нет.

Видимо, возможен и другой ответ: вдруг в свете трагического осознания собственной биографии бывший редактор «России» все же смог примерить к своей судьбе свои же мысли о неразвивающейся советской литературе – о том «узком круге», который «ее душил»⁴².

---

³⁹ *Лежнев И.Г.* Традиция и новаторство в творчестве М.А. Шолохова // Лежнев И.Г. Избранные статьи. М.: Худож. лит., 1960. С. 116.

⁴⁰ *Дымшиц А.Л.* И.Г. Лежнев // Лежнев И.Г. Избранные статьи. М.: Худож. лит., 1960. С. 6.

⁴¹ Там же.

⁴² Власть и художественная интеллигенция... С. 528.

Литература

- Добренко 2011 – *Добренко Е.А.* Русская литературная критика: история и мета-дискурс // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 5–36.
- Дружинин 2012 – *Дружинин П.А.* «Одна абсолютно обглоданная кость»: история защиты А.Л. Дымшицем докторской диссертации // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 124–147.

References

- Dobrenko, E.A. (2011), “Russian literary criticism. History and meta-discourse”, in *Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epohi* [History of Russian literary criticism. Soviet and post-Soviet eras], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 5–36.
- Druzhinin, P.A. (2012), “One absolutely gnawed bone”. The history of A.L. Dymshits's defense of the doctoral dissertation”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 115, no. 3, pp. 124–147.

Информация об авторе

Мария В. Мишуровская, Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 8/1, onb@liart.ru

Information about the author

Maria V. Mishurovskaya, Russian State Art Library, Moscow, Russia; bld. 8/1, Bolshaya Dmitrovka St., Moscow, Russia, 107031; onb@liart.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-82-99

Основные проблемы собирания документального наследия и создания ГАФ СССР в 1917–1930-е гг.

Нина И. Хими́на

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nin.khimina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены история собирания документального и культурного наследия с 1917 г. и участие архивов, музеев и библиотек в создании Архивного фонда страны. В 1920–1930-е гг. усилиями выдающихся представителей отечественной культуры создавались архивные учреждения, совершенствовались структура и направления деятельности музеев, созданных ранее в российском государстве в XVIII–XIX вв., а также открывались новые музеи в различных регионах России, в которые поступали спасенные архивные фонды, коллекции и отдельные документы. Показано, что в этот период шла дискуссия о разграничении понятий «архив», «библиотека», «музей». Раскрыты сложности во взаимоотношениях музеев, библиотек и архивов в процессе спасения культурного достояния государства и размещении архивных документов, проблемы и трудности создания ГАФ СССР. Разработка в этот период архивистами нормативно-методических документов, регулирующих основные направления работы по описанию и учету поступивших в государственные хранилища документов, способствовала более эффективному использованию и публикации документов, хранящихся в государственных архивах. Отмечается, что музеи и библиотеки испытывали проблемы в описании принятых на хранение архивных документов, их учете и создании справочно-поисковых средств к ним, а также возможностях эффективного использования документов. Документы рукописных отделов музеев и библиотек стали частью единого архивного наследия страны и вместе с государственными архивами обеспечивают информационными ресурсами проведение различного рода исторических исследований.

Ключевые слова: архивные документы, музеи, библиотеки, историко-документальное наследие, нормативно-методическое обеспечение деятельности архивных учреждений, описание документов, государственный учет документов, использование архивных документов, паспортизация, Архивный фонд Российской Федерации

Для цитирования: Хими́на Н.И. Основные проблемы собирания документального наследия и создания ГАФ СССР в 1917–1930-е гг. // История и архивы. 2021. № 4. С. 82–100. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-82-99

The main problems of collecting the documentary heritage and creating the State Archival Fund of the USSR in 1917–1930s

Nina I. Khimina

*Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russia, nin.khimina@mail.ru*

Abstract. The article examines the history of collecting documentary and cultural heritage since 1917 and the participation of archives, museums and libraries in the creation of the Archival Fund of the country. In the 1920s and 1930s, archival institutions were established through the efforts of outstanding representatives of Russian culture. At the same period, the structure and activities of the museums created earlier in the Russian state in the 18th – 19th centuries were improved. The new museums that had been opened in various regions of Russia received rescued archival funds, collections and occasional papers. It is shown that during this period there was a discussion about the differentiation of the concepts of an “archive”, “library” and a “museum”. The present work reveals the difficulties in the interaction between museums, libraries and archives in the process of saving the cultural heritage of the state and arranging archival documents; the article also discusses the problems and complications in the formation of the State Archival Fund of the USSR. During this period, the development of normative and methodological documents regulating the main areas of work on the description and registration of records received by state repositories contributed to a more efficient use and publication of the documents stored in the state archives. It is noted that museums and libraries had problems connected with the description of the archival documents accepted for storage, with record keeping and the creation of the finding aids for them, as well as with the possibilities of effective use of the papers. The documents of the manuscript departments of museums and libraries have become part of the unified archival heritage of Russia and, together with the state archives, they now provide information resources for conducting various kinds of historical research.

Keywords: archival documents, museums, libraries, historical and documentary heritage, normative and methodological support of the activities of archival institutions, description of documents, state registration of documents, use of archival documents, certification, Archival Fund of the Russian Federation

For citation: Khimina, N.I. (2021), "The main problems of collecting the documentary heritage and creating the State Archival Fund of the USSR in 1917–1930s", *History and Archives*, no. 4, pp. 82–99, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-82-99

Известно, что документы Архивного фонда Российской Федерации в законодательно определенном порядке хранятся постоянно в федеральных государственных архивах, государственных архивах субъектов Российской Федерации, муниципальных архивах, федеральных и других государственных и муниципальных библиотеках и музеях, а также в организациях Российской академии наук.

Глубокий анализ исторической преемственности в создании теоретических основ деятельности архивных учреждений и собирания ими документов ЕГАФ начиная с 1917 г., вклада конкретных историков, архивистов в реформирование архивного и музейного дела и в развитие архивоведческой мысли проведен в теоретических трудах В.Н. Автократова, А.Е. Елпатьевского, Т.И. Хорхординой [Автократов 1986; Елпатьевский 1997; Хорхордина 2003]. Вопросам централизации архивного дела в России посвящена отдельная интереснейшая работа В.Н. Автократова [Автократов 1993, с. 3–27]. Данные труды отличаются глубоким изучением и анализом нормативных актов, регулирующих работу архивных учреждений в первые годы советской власти, в том числе регламентирующих деятельность губернских, уездных, городских и волостных архивов по концентрации, учету, использованию архивных документов ЕГАФ.

История возникновения частных архивов и направления использования их документов, а также создание и пополнение рукописных отделов библиотек и музеев в России рассмотрены в обстоятельной работе В.Н. Самошенко [Самошенко 1989, с. 184–203].

Деятельность государственных органов по охране памятников истории и старины, история возникновения музеев и библиотечных собраний в России нашли освещение в трудах Ю.Н. Жукова, В.К. Гарданова, М.Б. Кейрим-Маркуса, А.Б. Закс¹ и др. исследова-

---

¹ *Гарданов В.К.* Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти: 1917–1920 гг. / История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 11–12; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное

телей. Большой вклад в изучение музейного дела внесли авторы «Очерков по истории музейного дела в России» под редакцией А.М. Разгона (М., 1957–1971). В монографии В.П. Грицкевича в систематизированном виде представлено поэтапное развитие музейного дела в различных регионах и странах мира [Грицкевич 2004, с. 214–220]. Однако собственно истории музейного дела России в книге уделено лишь незначительное внимание. История создания художественных коллекций в России, деятельность по собиранию художественных ценностей и документального наследия П.М. Третьякова, И.А. Морозова, С.И. Мамонтова, А.А. Бахрушина, братьев Рябушинских и других представителей купеческого сословия рассмотрена в интересных и содержательных работах А.Н. Боханова и Н.Г. Думовой и других исследователей [Боханов 1989; Думова 1992].

Отдельные труды исследователей посвящены изучению вклада видного государственного и общественного деятеля В.Д. Бонч-Бруевича в сохранение и собирание документального наследия и создание Литературного музея [Межова 1974; Шумихин 1988; Черных 1971].

Особый интерес представляют такие исторические источники, как переписка И.Э. Грабаря², выдающегося художника, искусствоведа и реставратора, члена попечительского совета Третьяковской галереи, а с 1918 по 1925 гг. ее директора, раскрывающие титаническую деятельность специалистов по выявлению, собиранию и пополнению музеев художественными и культурными ценностями.

Вместе с тем изучение музеев и библиотек как объектов хранения документов Архивного фонда РФ, их роль и значение в собирании документального наследия в научной литературе не предпринимается. В 1991 г. вышел в свет справочник «Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях, научно-отраслевых архивах», подготовленный специалистами ВНИИДАД, в котором собраны сведения о хранящихся в этих учреждениях документах Архивного фонда страны, отражающих историю нашего государства с древнейших времен до наших дней. При этом основную часть материалов музеев и библиотек составляют коллекции, фонды или отдельные документы личного происхождения государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, композиторов, художников.

руководство культурой: строительство Наркомпроса: ноябрь 1917 – середина 1918 г. М., 1980. С. 130; *Закс А.Б.* Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. 1962. № 5. С. 163–171; *Гарданов В.К., Кононов Ю.Ф.* Музейное строительство в РСФСР: 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 117–123.

² *Грабарь И.* Письма: 1917–1941. М.: Наука, 1977. 423 с.

В справочнике впервые была представлена информация о научных, литературных, художественных, музыкальных и других рукописях, дневниках, мемуарах, переписке, а также фильмах, фотографиях, звукозаписях, состав и содержание которых остается малоизвестным специалистам и исследователям. В 2003 г. ВНИИДАД выпустил очередной справочник «Архивные документы в библиотеках и музеях Российской Федерации», раскрывающий состав и содержание документального наследия, хранящегося в библиотеках и музеях расположенных в субъектах Российской Федерации.

В данной статье автор обращается к истории создания ЕГАФ страны, взаимоотношениям архивных учреждений с действующими и создаваемыми музеями и библиотеками в собирании и сохранении ими архивного наследия, начиная с первых послереволюционных лет и до 1941 г.

Хорошо известно, что коллекционирование к концу XIX в. в России имело давнюю традицию. Первоначально в городских дворцах и в загородных поместьях известнейших фамилий России на протяжении нескольких поколений собирались коллекции живописи и скульптуры, формировались обширные библиотечные собрания и частные архивы. Коллекции художественных ценностей, рукописных собраний Шереметевых, Бярятинских, Белосельских-Белозерских, Мещерских, Юсуповых, Тенишевых и других представителей известных дворянских родов занимают видное место в музеях и библиотеках современной России. Коллекции книг, рукописей и других материальных и художественных ценностей государственного деятеля, дипломата графа Н.П. Румянцева стали основой созданного в 1831 г. в Петербурге известного в России и мире Румянцевского музея. В Санкт-Петербурге в 1795 г. была основана Публичная библиотека (открыта в 1814 г.), в Москве – Публичная библиотека создана в 1862 г. В 1872 г. в Москве был открыт Музей имп. Александра II, затем Исторический, в котором в 1912 г. созданы отдел рукописей и старопечатных книг, а также отдел письменных источников³.

В XIX в. в России появляются яркие представители московского купечества, создавшие крупные торговые и промышленные фирмы – Третьяковы, Бахрушины, Мамонтовы, Морозовы, Рябушинские, Щукины и другие, которые собирали богатейшие художественные и документальные коллекции. Позднее на их основе будут созданы художественные галереи и специализированные музеи. В 1856 г. П.М. Третьяковым было создано частное собрание, а в 1892 г. вместе с коллекцией его брата С.М. Третьякова галерея

---

³ Документы ГАФ ССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах: Справочник / Главрхив. ВНИИДАД. М.: Мысль, 1991. С. 81–95.

была передана в дар Москве. До национализации в 1918 г. музей именовался Московской городской художественной галереей П.М. и С.М. Третьяковых. В 1922 г. в галерее создан отдел рукописей⁴.

В 1839 г. на личные средства вдовы генерала Н.А. Тучкова М.М. Тучковой (урожд. Нарышкиной) на Бородинском поле был основан Спасо-Бородинский женский монастырь и стали собираться документы для будущего Музея Отечественной войны 1812 г.⁵ В 1894 г. в Москве на основе коллекций представителей семьи Бахрушиных открыт Театральный музей, который с 1918 г. стал носить имя пожизненного директора музея А.А. Бахрушина⁶. В 1895 г. был учрежден «Русский Музей Императора Александра III». Внук А.Н. Радищева художник А.П. Боголюбов в 1885 г. открыл в Саратове музей А.Н. Радищева⁷.

С начала 1890-х гг. началась разработка проекта создания музея изящных искусств при Московском университете под руководством профессора И.В. Цветаева. В 1912 г. был торжественно открыт музей изящных искусств им. имп. Александра III, с 1917 г. – Музей изящных искусств при Московском университете, с 1937 г. – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в котором хранилась собранная коллекция документов⁸. Один из значительных военно-исторических и мемориальных музеев был посвящен памяти крупнейшего российского полководца, генералиссимуса А.В. Суворова и был открыт в Петербурге в 1904 г.⁹

Эпоха социальных потрясений в России весной и летом 1917 г. сопровождалась серьезными утратами культурного наследия. В марте 1917 г. при непосредственном участии М. Горького была организована Комиссия по делам искусств при исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁰. В истории России после Октябрьских событий 1917 г. наблюдалось стремление интеллигенции сберечь, сохранить культурные и художественные ценности. Активно работали художественно-исторические комиссии Петрограда и его пригородов. К этой работе подключился созданный в декабре 1917 г. Народный комиссариат имуществ республики. С января 1918 г. началась деятельность Комиссии по охране памятников искусства и старины Моссовета. Весной 1918 г. широко обсуждалась проблема реорганизации и взаимодействия

---

⁴ Там же. С. 41–42.

⁵ Там же. С. 107–109.

⁶ Там же. С. 133–138.

⁷ Там же. С. 124–126.

⁸ Там же. С. 50–55.

⁹ Там же. С. 106–107.

¹⁰ *Горький М.* Несвоевременные мысли. Пг., 1918. С. 14.

архивного, музейного и библиотечного дела. Как известно, в состав Центрального комитета по управлению архивами, созданного 2 апреля 1918 г., помимо представителей Союза российских деятелей и Наркомпроса, вошли сотрудники Российской академии наук, Петроградского университета, Всероссийской книжной палаты, Публичной библиотеки, Археографической комиссии¹¹.

В соответствии с декретом Совнаркома от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» функции Главного управления архивным делом были сосредоточены на руководстве Единым архивным фондом [Пшеничный 1987; Хорхордина 2003]. Вопросы музейного и библиотечного строительства в дальнейшем оформлялись самостоятельными нормативными актами: каждая из трех систем учреждений (архивы, музеи и библиотеки) имели специфические задачи и объективные особенности развития¹². Однако документы частных архивов, собрания, коллекции рукописных памятников поступали или передавались владельцами не только в ведение ГУАД, но и в музеи, библиотеки, другие научные учреждения. Это привело в дальнейшем к сложным межведомственным отношениям. В мае 1918 г. Д.Б. Рязанов выдвигал идею создания объединенного архивно-библиотечно-музейного центра [Пшеничный 1987, с. 19] с учетом зарубежного опыта культурного строительства. Таким образом, он стремился избежать в будущем вероятных осложнений, межведомственных конфликтов, споров о принадлежности отдельных собраний тому или иному учреждению. Однако такой объединенный центр вряд ли мог успешно действовать вследствие своей многофункциональности¹³.

По мере формирования сети архивных учреждений совершенствовалась их деятельность по выявлению и концентрации брошенных или оставленных документов в усадьбах, квартирах и др. Декрет 1 июня 1918 г. не содержал упоминания о частновладельческих архивах, коллекциях и собраниях, поэтому в сложных условиях 1918 года архивисты приняли решение о собирании документов всех видов и принадлежности собираемых документов вне зависимости от их происхождения. Однако сотрудники музеев и библио-

---

¹¹ Подробнее об этом см.: *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР: 1917–1945 гг. М., 1989. С. 48.

¹² *Гарданов В.К.* Указ. соч. С. 11–12; *Кейрим-Маркус М.Б.* Указ. соч. С. 130.

¹³ История архивного дела в СССР: Краткие очерки / Сост. В.Н. Автократов (науч. рук.), Д.А. Беляев, И.А. Курникова, А.Г. Сергеева, Н.И. Хими́на, А.П. Пшеничный. М., 1991 [Электронный ресурс]. Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 05.02.92. № 92-92. С. 62. URL: http://sif.vniidad.ru/docs/ДР_092-92.pdf

тек, имея многолетний опыт работы с коллекционерами, к этому времени уже располагали ценными архивными документами и продолжали в этот непростой период целенаправленное собирание частных архивов и коллекций, спасая культурное и документальное наследие страны.

Большая работа по охране культурно-исторических ценностей в 1918 г. была проделана сотрудниками петроградской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, Комиссией по охране искусства и старины Моссовета, Всероссийским отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (создан 28 мая 1918 г.) [Жуков 1978, с. 109]. Интенсивная работа отдела по делам музеев, охране памятников искусства и старины Наркомпроса, который возглавил И.Э. Грабарь, отражена в письмах, хранящихся в его личном фонде в Третьяковской галерее. 3 июня 1918 г. издан декрет Совнаркома о национализации Третьяковской галереи, а 17 июня 1918 г. А.В. Луначарский назначил директором галереи И.Э. Грабаря¹⁴.

В 1918–1919 гг. советское правительство приняло ряд мер по охране культурного наследия государства. Были приняты декреты: «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» от 17 июля 1918 г.; «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г.; «О регистрации, приеме на учет и охранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г.; «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений национальным достоянием» от 20 ноября 1918 г.; «Об охране научных ценностей» от 5 декабря 1918 г. и др. [Жуков 1978, с. 111–140]. Вместе с тем не всегда вопросы культурного строительства получали оптимально верное разрешение в издаваемых нормативных актах. Так, 29 июля 1919 г. СНК принял декрет «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях». Инициатором подготовки проекта декрет был заведующий библиотечным отделом Наркомпроса В.Я. Брюсов.

Ученая коллегия Румянцевского музея дала свою оценку вероятных последствий этого нормативного акта; «нарушение воли лиц, положивших документы или памятники культуры в музейные хранилища, а также уничтожение прав собственности на переписку и бумаги умерших писателей, ученых, художников и композиторов должно вызвать, с одной стороны, остановку в развитии некоторых отделов русских музеев, а с другой стороны, обогащение за счет

---

¹⁴ *Грабарь И.* Письма: 1917–1941. М.: Наука, 1977. С. 35.

российских музеев заграничных, ...владелец архива часто предпочтет его уничтожение преждевременному, по его убеждению, опубликованию»¹⁵. В связи с выходом данного декрета возникли сложности с рукописями Л.Н. Толстого, так как писатель завещал, что издание его произведений не может принадлежать ни частному лицу, ни государству¹⁶. Таким образом, передача права изданий рукописей Л.Н. Толстого государственному учреждению являлась нарушением воли писателя. Указанный декрет имел следствием рост настороженности владельцев частных архивов в отношении к государственным архивохранилищам.

На протяжении 1918 г. сотрудники ГУАД проводили огромную работу по осмотру, перевозке архивных документов из частных архивов и особенно ценных старинных библиотек, как находящихся в ведении учреждений, так и частных лиц¹⁷. Важное значение для собирания частных архивов имел декрет СНК от 31 марта 1919 г. «О губернских архивных фондах». Декрет предусматривал создание при заведующем губернским архивным фондом совета в составе представителей отделов исполкома, научных, педагогических обществ, библиотек, музеев»¹⁸. Таким образом, декрет еще раз подчеркнул значение совместной деятельности по выявлению и собиранию документального наследия. Коллегией Главархива 1 апреля 1919 г. была утверждена «Инструкция для осмотра усадебных архивов»¹⁹. При этом особенное внимание уделялось выявлению «бесхозных и частных архивов», а также «рукописных собраний». Работе сотрудников созданного хранилища частных архивов Главархива посвящены научные работы В.В. Максакова²⁰ и Т.И. Хорхординой [Хорхордина 2012, с. 292–293]. Вместе с тем документы из частных архивов благодаря параллельной работе по собиранию документов поступали на государственное хранение не только в секцию частных архивов, но и пополняли рукописные отделы музеев и библиотек.

---

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р.-5325. Оп. 9. Д. 37. Л. 6; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 65.

¹⁶ Карлова Т.С. Как создавалось первое полное (юбилейное) собрание сочинений Л.Н. Толстого // Исследования и материалы. Сб. 22. М., 1971. С. 148–169.

¹⁷ Сборник декретов, циркуляров и распоряжений по архивному делу. М., 1921. С. 46.

¹⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 14–15.

¹⁹ Сборник декретов, циркуляров и распоряжений по архивному делу. М., 1921. С. 88–90; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 71.

²⁰ Максаков В.В. Указ. соч. С. 60.

Начиная с 1918–1920 гг. в стране стали создаваться новые музеи, в которых уже хранились поступившие коллекции документов. После объявления дворцов и музеев национальной собственностью, возникновения Государственного музейного фонда, создания первого законодательства и государственной системы управления музейным делом на основе бывших дворцов в пригороде Петрограда, в Гатчине, Павловске, Петродворце, Пушкине в 1918 г. открыты музей-заповедники, в пригороде Москвы в бывших дворцах Шереметевых были открыты музеи в Кусково и Останкино. На протяжении 1918 г. в национализированных имениях и усадьбах, связанных с жизнью и деятельностью великих русских писателей, художников, общественных и других деятелей и для сохранения культурного и документального наследия в них стали открываться музеи. Так, в имении семьи Аксаковых, а затем С.И. Мамонтова были открыты музей «Абрамцево», в усадьбе Л.Н. Толстого – музей «Ясная Поляна»²¹. В целях сохранения историко-документального наследия был создан ряд мемориальных музеев – в усадьбе Н.Г. Чернышевского в Саратове в 1920 г., в 1922 г. – квартира А.Н. Скрябина и Биологический музей им. К.А. Тимирязева в Москве, музей-заповедник А.С. Пушкина в с. Михайловское (Пушкинские горы), в 1925 г. – музей А.С. Пушкина на наб. р. Мойки в Ленинграде²² и др.

В 1920-е гг. разное ведомственное подчинение архивов, музеев и библиотек, активное собирание ими материалов и пополнение рукописных отделов этих учреждений, обострило взаимоотношения между ними. Велись споры о ведомственной принадлежности материалов, принятых ранее в рукописные отделы. Нельзя еще раз не сказать о значении 1-й конференции архивных деятелей РСФСР (29 сентября – 3 октября 1921 г.) и докладе И.Л. Маяковского «Архив, библиотека и музей»²³. Проблема разграничения понятий «архив», «библиотека», «музей» глубоко рассмотрена в работах В.Н. Автократова [Автократов 1990, с. 64–65] и Т.И. Хорхординой [Хорхордина, 2012, с. 412–413]. Автора доклада неоднократно упрекали в попытке раздробить единый архивный фонд, однако он четко изложил свою позицию: «Сложившиеся при библиотеках рукописные отделения должны и впредь оставаться при библиотеках, но составлять с Единым государственным архивным фондом единое архивное целое. Первым шагом в достижении этого должно быть сконцентрирование в Центрархиве сведений о рукописных материалах всех научных книгохранилищ... Дальнейшая же concentra-

²¹ Документы ГАФ ССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах... С. 120–123, 128–129, 151–152.

²² Там же. С. 144–145, 159–160 и др.

²³ Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 129.

ция вновь отыскиваемого или кем-нибудь предлагаемого материала должна быть решительно сосредоточена в Центрахиве»²⁴.

Как известно, в 1922 г. государственные архивы были переданы из системы Наркомпроса в ведение высшего органа государственной власти – ВЦИК. Укрепился статус архивных органов. Принятое 30 января 1922 г. «Положение о Центральном архиве РСФСР» внесло определенность в вопрос о месте и условиях хранения различных видов документов: «Все архивные материалы как находящиеся в актохранилищах Центрархива, так и не находящиеся в таковых, но состоящие на учете Центрархива, образуют Единый государственный архивный фонд»²⁵. Сотрудники Центрархива вели активную работу по выявлению, учету и концентрации архивных фондов, в том числе сосредоточенных в музеях. 31 марта 1925 г. коллегия Центрархива приняла постановление «О выработке конкретных мероприятий по ликвидации архивохранилищ при музеях, библиотеках и других научных учреждениях», а уже 5 мая 1925 г. Коллегия утвердила предложенный В.В. Адоратским данный проект соглашения с Главнаукой Наркомпроса²⁶. Опубликование проекта документа одностороннего, а не совместного свидетельствовало о весьма напряженной ситуации между учреждениями²⁷.

Однако позиция Главнауки не претерпела изменений и после выхода декрета СНК РСФСР от 13 марта 1926 г. о сдаче Центральному архиву РСФСР архивных материалов²⁸. Главнаука, в ведении которой находились музеи и другие исследовательские организации, указывала на невозможность проведения научной работы в случае передачи архивных документов из музеев-усадеб и других организаций в хранилища Центрархива²⁹. 5 октября 1927 г. вышел циркуляр Наркомпроса «Всем научным и музейным учреждениям» с приложением «Инструкции учреждениям Главнауки Наркомпроса о сдаче архивных материалов Центрархиву РСФСР»³⁰.

Учреждениям Главнауки предлагалось приступить к передаче архивных материалов Центрархиву в двухмесячный срок – для Москвы и Ленинграда, в трехмесячный срок для остальной территории РСФСР. В ведении научно-исследовательских учреждений

---

²⁴ Там же. С. 116–117; 1926. Вып. 7. С. 26–28.

²⁵ Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961. С. 19.

²⁶ Там же. С. 114–115.

²⁷ Бюллетень Центрархива РСФСР. 1925. № 16. С. 1.

²⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу. С. 31.

²⁹ *Максаков В.В.* Указ. соч. С. 142.

³⁰ Бюллетень Центрархива РСФСР. 1927. № 13/68. С. 1–4; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 175.

могли быть оставлены материалы, необходимые для экспозиции, для проведения текущих работ, а также «связанные с вещественными коллекциями и памятниками». Также не подлежали передачи архивные собрания, образованные до 1 июня 1918 г., «которые действительно представляли собой к этому времени каталогизированные (описанные), научно-обслуживаемые и вошедшие в научный оборот по месту своего хранения». Предусматривалось, что в ведении Главнауки и ее учреждений и на учете Центрархива состоят «архивные материалы, связанные с жизнью выдающихся ученых, писателей, художников и музыкантов, находящиеся в организованных специальных мемориальных музеях, институтах и других научных учреждениях»³¹. И тем не менее, несмотря на ряд принятых решений, основной проблемой оставалась распыленность архивных материалов по различным хранилищам «особенно относящихся к жизни и творчеству писателей, ученых, композиторов...»³². При этом подчеркивалось, что деятельность рукописных отделов музеев и библиотек не обеспечена нормативными документами, слабее, по сравнению с государственными архивами, велась разработка методических вопросов хранения, описания, использования архивных документов, находящихся на хранение в музеях и библиотеках.

Однако музеи, имея сложившиеся добрые отношения с владельцами частных архивных коллекций и отдельных документов и право приобретения документов, продолжали пополнение коллекций. Положение об архивном управлении РСФСР, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 28 января 1929 г., предоставило органам архивного управления «право принимать на хранение в подведомственных им архивохранилищам частные архивные коллекции и отдельные документы, за которыми ими будет признано историческое значение»³³. Однако право архивных органов на приобретение документов в Положении не было зафиксировано. Музеи, в свою очередь, сравнительно широко практиковали этот способ пополнения коллекций, а архивы оказались неконкурентоспособными³⁴. Однако, проводя кропотливую работу по упорядочению принятых в архивохранилища документов дореволюционного периода, в 1929 г. коллегия Центрархива утвердила Правила приема на хранение архивных материалов от частных лиц³⁵.

³¹ Бюллетень Центрархива РСФСР. 1927. № 13/68. С. 24; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 176.

³² *Максаков В.В.* Указ. соч. С. 146.

³³ Сборник руководящих материалов по архивному делу. С. 43.

³⁴ История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 177.

³⁵ Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1929. № 12 (99). С. 3–4.

В целях выявления документов, относящихся к ГАФ страны, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 12 января 1930 г., ЦАУ РСФСР было придана функция контроля над архивами и рукописными отделами государственных и общественных организаций, музеев и библиотек³⁶.

История комплектования музеев документами личного происхождения тесно связана с именем В.Д. Бонч-Бруевича, его деятельностью как организатора и директора Литературного музея. Исследователи [Межова 1974; Шумихин 1988] отмечают его исключительные заслуги в собирании документов по истории культуры России, увлеченность в поиске и научного изучения документов. Государственный литературный музей, созданный в 1934 г., имел в этот период широкие возможности для приобретения документов, как в стране, так и за рубежом. В.Д. Бонч-Бруевич не только выяснял местонахождение интересующих музей документов, частных коллекций, но и прилагал немалые усилия для их приобретения.

Как отмечается в архивоведческой литературе, в середине 1930-х гг. появляются первые признаки эрозии концепции ЕГАФ: ведомства начинают осознавать научную и практическую ценность архивных материалов и стремятся самостоятельно хранить и использовать документы. При этом результативность притязаний того или иного ведомства на архивы зависела от места этого ведомства в административной иерархии. Один из ранних примеров этой тенденции – постановление СНК СССР от 27 марта 1937 г. о Всесоюзном геологическом фонде³⁷. Таким образом, в 1930-е гг. продолжалось рассредоточение документов ГАФ СССР между хранилищами разных ведомств. В этот же период шел процесс концентрации документов и формирования именных архивных собраний. 3 октября 1938 г. СНК СССР принял постановление об архиве В.В. Маяковского, в соответствии с которым хранение и разработка литературного наследия поэта были сосредоточены в Государственном музее В.В. Маяковского³⁸. В 1936 г. после смерти выдающегося ученого К.Э. Циолковского в Калуге был создан музей его имени³⁹, где стали храниться документы, связанные с его жизнью и деятельностью.

---

³⁶ Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1930. № 3 (102). С. 1–2.

³⁷ Сборник руководящих материалов по архивному делу. С. 88–89; История архивного дела в СССР: Краткие очерки. С. 179.

³⁸ Сборник руководящих материалов по архивному делу. С. 90.

³⁹ Документы ГАФ ССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах: Справочник / Главрхив. ВНИИДАД. М.: Мысль, 1991. С. 161–162.

Проводимые сотрудниками Центрархива обследования состояния и хранения архивных документов в крупнейших московских музеях (ГИМ, Литературном, Третьяковской галерее и др. музеях) выявили многие не решенные проблемы: документы не были разделены на фонды, документы учитывались по инвентарным книгам поступлений и не были сформированы в единицы хранения. При этом необходимость контроля и руководства со стороны Центрархива признавали и сотрудники музейных учреждений⁴⁰. В 1930-е гг. после организации тематических собраний в новых музеях и создания прецедента в вопросе о месте государственного хранения документов личного происхождения В.Д. Бонч-Бруевич выступил с предложением создать централизованное архивохранилище личных и прежде всего творческих документов на базе Гослитмузея, который обладал, по его мнению, всеми необходимыми условиями для постоянного хранения этих документов. Он апеллировал к факту эрозии концепции ЕГАФ: «Опыт таких же музеев в других отраслях науки дал прекрасные результаты. Достаточно вспомнить о музее Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ), чтобы ясно представить все те прекрасные результаты, которое дает такое единоцентрие»⁴¹. Авторитет В.Д. Бонч-Бруевича в этот период как уважаемого государственного деятеля и старого члена коммунистической партии придавал дополнительную весомость к аргументам, излагаемым им в данной статье, в пользу создания нового центра хранения документов личного происхождения. При этом надо подчеркнуть, идея В.Д. Бонч-Бруевича перекликалась с решением 2-го съезда архивных работников РСФСР, проходившего 25 мая – 1 июня 1929 г., о создании Центрального архива истории литературы и печати⁴². Однако в конце 1930-х гг. происходило болезненное изменение подведомственности ЦАУ – ГАУ СССР и смена его руководителя, а также изменения в положении В.Д. Бонч-Бруевича и передача им дел в связи с его увольнением с должности директора Литературного музея, позволили Главархиву усилить свои позиции. В проекте Положения о ГАФ СССР, подготовленном в апреле – мае 1940 г., появился текст «Организовать Центральный государственный литературный архив на базе Литературных фондов государственных архивов и архивных материалов Литературного музея Наркомпроса РСФСР»⁴³. Положение о ГАФ СССР № 723, утвержденное Постановлением СНК

⁴⁰ Бобрин Д. Опыт работы письменных источников Государственного исторического музея // Архивное дело. 1940. № 2 (54). С. 41.

⁴¹ Бонч-Бруевич В.Д. Об архивных фондах литературных деятелей // Архивное дело. 1939. № 2 (50). С. 24.

⁴² Максаков В.В. Указ. соч. С. 226.

⁴³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 822. Л. 10.

СССР от 29 марта 1941 г., включало однозначную формулировку вопроса о хранении архивных документов, в том числе и личного происхождения. Было определено, что в состав ГАФ СССР входят документы государственных и общественных деятелей СССР, деятелей науки, техники, литературы и искусства, выдающихся представителей социалистического труда, членов бывшей царской фамилии, политических и общественных деятелей, представителей науки, техники, литературы, искусства дореволюционного периода; назывались основные виды документов личных фондов. Был образован Центральный государственный литературный архив, его основой стали материалы Государственного литературного музея⁴⁴. Таким образом, Положение о ГАФ СССР подвело черту в полемике Главархива с другими ведомствами, хранившими архивные документы, и определило место хранения документов личного происхождения. Однако события Великой Отечественной войны не способствовали концентрации рукописных собраний музеев и библиотек в государственных архивах. В основном только архивные документы фондов Государственного литературного музея были сосредоточены в ЦГЛА. В послевоенный период Главархив был вынужден отойти от выполнения пунктов Положения 1941 г. в отношении рукописных отделов музеев и библиотек, а внимание архивистов было сосредоточено на проблемах обеспечения сохранности документов государственных архивов и ликвидации последствий войны. Тем не менее музеи продолжали работу по собиранию документального наследия. В исследуемый период качественно изменилось нормативно-методическое обеспечение деятельности архивных учреждений по описанию, учету документов ГАФ СССР. В библиотеках и музеях, хранящих документы Архивного фонда, требовалось повышение внимания к уровню описания документов и возможности использования архивных документов. До сегодняшнего дня эти проблемы сохраняют свою актуальность и их надо решать с позиций современных реалий.

По итогам паспортизации⁴⁵, проведенной в соответствии с Регламентом государственного учета документов Архивного фонда

---

⁴⁴ См.: *Хими́на Н.И.* Создание нормативно-методической базы основных направлений деятельности архивных учреждений в 1930–1940-е гг. // *История и архивы.* 2020. № 3. С. 106.

⁴⁵ Информационно-методическое письмо «Об итогах паспортизации государственных и муниципальных архивов, государственных музеев и библиотек, организаций РАН по состоянию на 01.01.2013 и качестве составления паспортов» [Электронный ресурс]. Архивы России / Федеральное архивное агентство. М.: Федеральное архивное агентство, 2001 URL: <http://archives.ru/> (дата обращения 18.01.2021).

Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2016 г. объем Архивного фонда Российской Федерации составляет более 500 млн единиц хранения на различных носителях, или более 8,5 тыс. км архивных полок. По неполным данным в хранилищах государственных музеев и библиотек сосредоточено свыше 15,6 млн. ед. хр. (не представлены паспорта государственных музеев и библиотек некоторых субъектов РФ).

По данным сводного паспорта, по состоянию на 1 января 2013 г. 5,9 млн ед. хр. хранятся в учреждениях культуры федерального уровня и 9,8 млн ед. хр. – в учреждениях субъектов Российской Федерации. В структуре этой части Архивного фонда Российской Федерации основной объем составляют документы личного происхождения (36%) и фотодокументы (33%). При этом в государственных музеях и библиотеках хранится более 5,1 млн ед. хр. неописанных документов. Уровень описания документации в этих учреждениях составляет 67%, что существенно ниже показателя по архивам. В государственных музеях и библиотеках 45% описей составлены в нормативном количестве экземпляров. Систему научно-справочного аппарата к архивным документам, хранящимся в государственных музеях и библиотеках, составляют 565 справочников различных типов, более 22 тыс. описей, каталоги объемом 3,6 млн карточек и 121 база данных.

Информационные ресурсы, хранящиеся в музеях и библиотеках страны, являются частью единого архивного наследия Архивного фонда РФ и вместе с государственными архивами должны обеспечивать ретроспективной информацией проведение различного рода исторических исследований.

Литература

- Автократов 1993 – *Автократов В.Н.* Из истории централизации. Архивного дела в России: 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 9–35; № 4. С. 3–27.
- Автократов 1986 – *Автократов В.Н.* Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 42–61.
- Автократов 1990 – *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева // Советские архивы. 1990. № 2. С. 61–78.
- Боханов 1989 – *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 187 с.
- Грицкевич 1992 – *Грицкевич В.П.* История музейного дела до конца XVIII века. СПб., 2004. 387 с.
- Думова 1992 – *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М., 1992. 334 с.

- Жуков 1978 – Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920. М., 1978. 301 с.
- Елпатьевский 1997 – Елпатьевский А.В. Заимствование или взаимовлияние? Российское и западноевропейское архивоведение в 1920–1930 гг. // Вестник архивиста. 1997. № 5 (41). С. 34–40.
- Межова 1974 – Межова К.Г. Источники по архивно-собирательской деятельности В.Д. Бонч-Бруевича: 1931–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 208 с.
- Пшеничный 1987 – Пшеничный А.П. О подготовке декрета «Об организации и централизации архивного дела в РСФСР» // Советские архивы. 1987. № 6. С. 16–23.
- Самошенко 1989 – Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. 215 с.
- Хорхордина 2012 – Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли: Учебник. М., 2012. 448 с.
- Хорхордина 2003 – Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003. 525 с.
- Черных 1971 – Черных В.А. В.Д. Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры // Археографический ежегодник – 1970. М., 1971. С. 28–42.
- Шумихин 1988 – Шумихин С.В. Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного литературного музея в 1931–1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 29 с.

References

- Autocratov, V.N. (1993), “From the history of the centralization of archives administration in Russia (1917–1919)”, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 3, pp. 9–35; no. 4, pp. 3–27.
- Autocratov, V.N. (1986), “The concept of ‘archival fund’ in the Soviet archival science of the 1920s”, in *Arkheograficheskii ezhegodnik, 1984* [Archeographic Yearbook, 1984], Moscow, Russia, pp. 42–61.
- Autocratov, V.N. (1990), “The life and work of the military historian and archivist G.S. Gabaev”, *Sovetskie arkhivy*, no. 2, pp. 61–78.
- Bokhanov, A.N. (1989), *Kollektsionery i metsenaty v Rossii* [Collectors and patrons in Russia], Moscow, Russia.
- Gritskovich, V.P. (2004), *Istoriya muzeinogo dela do kontsa XVIII veka* [The history of museum business until the end of the 18th century], Saint Petersburg, Russia.
- Dumova, N.G. (1992), *Moskovskie metsenaty* [Moscow patrons], Moscow, Russia.
- Zhukov, Yu.N. (1978), *Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskikh organov okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury, 1917–1920* [Formation and activity of the Soviet institutions for the protection of historical and cultural monuments, 1917–1920], Moscow, Russia.

- Elpatyevsky, A.V. (1997), "Borrowing or mutual influence? Russian and West European archival studies in 1920-1930", *Vestnik arhivista/Herald of an Archivist*, vol. 41, no. 5, pp. 34–40.
- Mezhova, K.G. (1974), "*Sources on the archival and collecting activities of V.D. Bonch-Bruevich (1931–1941)*", Ph.D. Thesis (History) Moscow, Russia.
- Pshenichnyi, A.P. (1987), "On the preparation of the decree 'On the organization and centralization of archives administration in the RSFSR' ", *Sovetskie arhivy*, no. 6, pp. 16–23
- Samoshenko, V.N. (1989), *Istoriya arkhivnogo dela v dorevolyutsionnoi Rossii* [History of archives administration in pre-revolutionary Russia], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2012), *Istoriya arkhivovedcheskoi mysli: Uchebnik* [History of archival thought. Textbook], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh. Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian science about archives. History. Theory. People], Moscow, Russia.
- Chernikh, V.A. (1971), "Bonch-Bruevich and the acquisition of the handwritten materials on the history of Russian culture from abroad", in *Arheographicheskiy ezhegodnik – 1970* [Arheographic yearbook – 1970], Moscow, Russia, pp. 28–42.
- Shumikhin, S.V. (1988), "Education, acquisition and use of the archival collection of the State Literature Museum in 1931–1941", Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.

Информация об авторе

Нина И. Хими́на, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; nin.khimina@mail.ru

Information about the author

Nina I. Khimina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nin.khimina@mail.ru

Создание и организация работы партийного архива обкома КПСС Калмыцкой АССР: 1920–1991

Лариса Б. Манджикова

*Калмыцкий научный центр РАН, Элиста,
Россия, 0862larisa@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется история создания партархива обкома КПСС Калмыцкой АССР и его деятельность с декабря 1920 г., даты создания Калмыцкого уездного комитета РКП(б), до ликвидации партархива рескома КАССР, связанной с принятием Указа Президента России от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР», объявившего о прекращении деятельности коммунистической партии на территории страны. Деятельность партархива с декабря 1943 г., трагической даты в судьбе калмыцкого народа – ликвидации Калмыцкой АССР и депортации калмыцкого народа в восточные районы страны до 1957 г., знаменательного события – восстановления автономии калмыцкого народа, не рассматривается, так как на территории ликвидированной республики обкомы КПСС и ВЛКСМ и ряд райкомов прекратили свое существование.

На основе научных трудов, опубликованных и неопубликованных архивных документов, автор рассматривает влияние изменений в социально-политическом, национально-государственном устройстве страны, принятие в разные годы законодательных, нормативных правовых документов о деятельности партархива в Калмыкии. Изучив состав и содержание архивных материалов, проведя анализ работы партархива по формированию, обеспечению сохранности Архивного фонда партии Калмыкии, автор приходит к выводу, что по источникам можно проследить изменения в развитии партархива, которые во многом зависели от истории развития не только партийной организации, но и самой Калмыкии. В результате деятельности работников партархива в разные годы собран уникальный фонд по истории Калмыкии, документы которого содержат информацию о вкладе партийных организаций в политическую, народно-хозяйственную, культурную жизнь республики и роли партии в идеологическом и патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: партархив, обком КПСС, архивные документы, партийные и комсомольские органы, рассекречивание, Калмыкия

Для цитирования: Манджикова Л.Б. Создание и организация работы партийного архива обкома КПСС Калмыцкой АССР: 1920–1991 // История и архивы. 2021. № 4. С. 100–114. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-100-114

Creation and operation
of the Party Archives of the CPSU
regional committee of the Kalmyk ASSR.
1920–1991

Larisa B. Mandzhikova

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russia, 0862larisa@gmail.com*

Abstract. In the article, the author examines the history of the creation of the Party Archives and its activities, carries out research on the impact of the changes in the socio-political, national and state structures of the country on the development of the Party Archives. The chronological framework covers the period from December 12, 1920, the date of the joint meeting of the Communists of the Kalmyk region, which elected the district committee of the RCP (b), up to the liquidation of the Party Archives of the reskom of the KASSR, associated with the adoption of Presidential Decree no. 169 of November 6, 1991 “On the activities of the CPSU and the CP of the RSFSR”, which announced the termination of the activities of the CPSU and the CP of the RSFSR on the territory of the country. The activities of the Party Archives since December 1943, a tragic date in the fate of the Kalmyk people – the liquidation of the Kalmyk ASSR and the deportation of the Kalmyk people to the eastern regions of the country until 1957, a significant date – the restoration of the autonomy of the Kalmyk people, have not been touched upon because on the territory of the liquidated republic, the regional committees of the CPSU and the Komsomol and a number of district committees have ceased to exist.

Keywords: Party Archives, Regional Committee of the CPSU, archival documents, Party and Komsomol bodies, declassification, Kalmykia

For citation: Mandzhikova, L.B. (2021), “Creation and operation of the Party Archives of the CPSU regional committee of the Kalmyk ASSR. 1920–1991”, *History and Archives*, 2021, no. 4, pp. 100–114, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-100-114

Введение

История создания Партийного архива Калмыцкой АССР – недостаточно изученная тема в калмыцкой историографии, что было связано с закрытостью партийных архивов. В начале 1990 х гг. произошли существенные изменения в работе госархивов: были сняты ограничения доступа ко многим архивным документам, что способствовало притоку исследователей в архивы и изучению материалов по истории самих партийных архивов и документов, хранящихся в них. В настоящее время многие архивные документы по истории Калмыкии, о деятельности партийных и комсомольских организаций введены в научный оборот.

Деятельность партархива (ныне – Отдела документации новейшей истории Национального архива Республики Калмыкия) рассматривается в книге, посвященной 85-летию архивной службы РК¹, и в справочном издании о фондах Национального архива Республики Калмыкия² описаны состав и содержание архивных документов по истории парторганизаций Калмыкии за период с 1920 по 1993 г.

Целью статьи являлось выявление и изучение архивных документов Национального архива Республики Калмыкия (НА РК) по истории становления и развития калмыцкого партийного архива с момента создания и до его ликвидации.

В статье использованы архивные документы фонда «Комитета по делам архивов Республики Калмыкия» (Ф. Р–71) и фондов партийных органов и первичных организаций (П–1) Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Автор также обращается к опубликованным материалам: нормативным правовым актам, принятым руководящими органами СССР, РСФСР и Калмыцкой АССР.

Создание партийного архива в Калмыкии

Создание партийных архивов связано с историей образования и деятельностью советских партийных органов и учреждений.

Формирование партийной организации в Калмыкии началось с декабря 1920 г., когда состоялось заседание членов РКП(б) Калмыцкой области. Представители партийных ячеек ЦИКа и воен-

¹ Архивная летопись: К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: Джангар, 2006. С. 146–153.

² Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / Сост. В.З. Атуева [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.

комата избрали уездный комитет. Деятельность уездкома проводилась крайне медленно, что объяснялось отсутствием кадров, помещения и финансового обеспечения. Кроме того, в состав комиссии не вошли руководящие работники Калмыцкого ЦИКа. Решить эту проблему пытались руководители республики А.Ч. Чапчаев и А.М. Амур-Санан. Несмотря на их обращение в ЦК РКП(б) с просьбой утвердить Калмыцкий областной комитет партии, ЦК РКП(б) дал ответ, согласно которому вопрос создания Калмыцкой областной комитет партии находится в компетенции учредительной областной партийной конференции. Калмыцкий уездный комитет приступил к подготовке и проведению учредительной областной партийной конференции³ [Сартикова 2017, с. 52–64].

В феврале 1921 г. на заседании I Областной учредительной партийной конференции был избран Областной комитет РКП(б). В его структуру входили Президиум и Секретариат⁴. Вопросами организации работы с документами и ведением административных дел занимался Общий отдел, который состоял из канцелярии и финансовой части. В канцелярии велась регистрация документов, формировались дела, которые в конце года передавались в архив организации.

Перед архивной службой Калмыкии ставились задачи по организации работы с документами, созданными в процессе деятельности партийных и комсомольских организаций. Практически документы партийных органов и организаций не сдавались в госархив, а «хранились в архивах текущего делопроизводства организаций» [Митрофанова 2013, с. 2].

ЦК РКП(б) еще в марте 1919 г. ставил вопрос о создании единого партийного архива. В своем обращении к партийным организациям ЦК РКП(б) призывал собирать, хранить и передавать документы в архивохранилища на общих началах [Савинова 2014, с. 14].

Решения об образовании единого партийного архива не последовало, поэтому для организации работы с партийными документами в системе Наркомата просвещения РСФСР был создан Истпарт, в задачи которого входили собирание и изучение материалов по истории Октябрьской революции и истории партии. С 1921 по 1928 гг. Истпарт действовал на правах отдела ЦК ВКП(б)⁵. Только в апреле 1924 г. архив Истпарта обрел самостоятельность.

---

³ Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 48.

⁴ НА РК. Ф. П–1. Оп.1. Д. 8. Л. 48–52.

⁵ История архива: Российский государственный архив социально-политической истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgaspi.su/about/history/> (дата обращения 11.04.2021).

Система партийных архивов окончательно оформилась к 1929 г. и представляла собой самостоятельную многоступенчатую структуру: Центральный партийный архив и укрупненные архивы при Истпарте на местах.

Таким образом, с 1924 г. партийные архивы, как архивы ОГПУ и ряд новых ведомственных архивов, были автономны [Хорхордина 1994, с. 164–165].

В этом же году Центрархив направил губернским архивным бюро и другим архивным учреждениям предложение о проведении работ по проверке архивных фондов и выявлении в них архивных документов, содержащих сведения, которые можно было по его содержанию отнести к политической секции. Предписывалось также решить вопрос об обособленном хранении этих документов⁶.

Руководствуясь данным циркуляром, Президиум ЦИК Калмыцкой автономной области 27 июня 1924 г. принял решение об организации при областном Архивном бюро Политсекции⁷. Это структурное подразделение не имело особого штата сотрудников и обслуживалось наличным персоналом Архивного бюро. Свою работу Политсекция должна была согласовывать с местным отделом Истпарта, но этого не произошло, так как Истпарта при Калмыцком обкоме РКП(б) вообще не существовало за отсутствием средств⁸. В декабре 1925 г. Калмыцкий областной комитет РКП(б) был переименован в Калмыцкий областной комитет ВКП(б).

В период с 1924 по 1938 гг. сотрудники Архивного бюро продолжали выявлять в архивных фондах документы, содержащие сведения о политической жизни Калмыкии. Они и составили основу будущего партийного архива.

До 1939 г. в Калмыкии существовали архивы действующих учреждений – обкома и улускомов (райкомов) партии. Это были структуры, не обеспеченные отдельными штатами сотрудников. Соответственно, сохранность документов в этих архивах была невысока [Агуева 2006, с. 146].

В 1938 г. управление архивами и государственные архивы страны были переданы в ведение НКВД СССР. Реорганизация не коснулась партийных архивов. Существенные изменения в системе управления партархивами произошли в 1939 г., когда на I Всесоюзном совещании заведующих партийными архивами было принято решение о передаче партархивов в ведение партийных органов. В том же году ЦК ВКП(б) принял постановление «О местных партархивах и Институтах Истпарта», согласно которому Истпарты

⁶ НАРК. Ф. Р–71. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 23–24.

были ликвидированы, и их функции передавались партархивам [Купча 1988, с. 33].

Перед местными партийными архивами встали новые задачи. Наряду с комплексом выполняемых работ они должны были организовать деятельность по использованию документов, в том числе исполнению запросов [Максаков 1969, с. 381]. Решению поставленных задач способствовали подготовленные и утвержденные нормативные требования по организации работы с партийными архивными документами.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. на заседании Бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) от 29 декабря 1939 г. был рассмотрен вопрос «Об организации местного партархива». В протоколе № 138 §3-с под грифом «сов. секретно» было зафиксировано решение об образовании при Калмыцком Обкоме ВКП(б) партийного архива Калмыцкой парторганизации. Были даны поручения по организации партархива:

- 1) установить срок организации архива – 1 февраля 1940 г.;
- 2) поручить Совнаркому КалмАССР передать под партархив вновь отстраиваемое помещение в Доме правительства, закончив оборудование и приспособление его не позднее 5 января 1940 г.;
- 3) обязать Совнарком и Наркомат финансов КалмАССР предусмотреть финансирование партархива на 1940 г. за счет республиканского бюджета;
- 4) поручить отделу кадров до 1 января 1940 г. подобрать и представить на утверждение Бюро обкома ВКП(б) кандидатуру заведующего партархивом;
- 5) поручить Особому сектору Обкома ВКП(б) и секретарям улускомов и горкома ВКП(б) до 20 января 1940 г. подготовить для сдачи в партархив архивные дела Обкома и улускомов ВКП(б). Дела, передаваемые в архив, должны быть разобраны и иметь описи [Атуева 2006, 147].

Персонал Партархива состоял из двух штатных единиц: заведующего и архивариуса. Первым заведующим партархивом был назначен Д.Г. Чавычалов. Под его руководством в период с 1940–1941 гг. сотрудники партархива вели поиск партийных и комсомольских документов, проводили архивную обработку и организовывали их сдачу на госхранение. Концентрация материалов партии и комсомола в архиве обеспечила сохранность их в годы Великой Отечественной войны. С приближением фронта в ноябре 1942 г. документы партархива были эвакуированы в г. Уральск Казахской АССР⁹. После реэвакуации и в связи с ликвидацией автономии калмыцкого

⁹ Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993. С. 172.

народа в 1943 г. документы партархива Калмыцкой парторганизации были переданы в партийный архив Астраханского обкома партии¹⁰ [Атуева 2006, с. 147].

Восстановление деятельности партархива

С восстановлением Калмыцкой автономной области в декабре 1957 г. был создан Калмыцкий областной комитет КПСС. В апреле 1958 г. при Калмыцком обкоме партии организован партийный архив со штатом: заведующий и архивариус. Заведующим партархивом была назначена М.О. Шеринова¹¹.

М.О. Шеринова возглавила партийный архив в сложные годы его существования. Под ее руководством архивисты приступили к сбору и восстановлению документов по истории партийных и комсомольских органов и организаций республики и розыску их в других архивах страны. В результате огромных усилий, путем переговоров, многочисленных командировок в соседние регионы, из Астраханского, Волгоградского, Ростовского областных и Ставропольского краевого архивов было принято более 40 тыс. ед. хранения. Эта работа была завершена в 1959 г. [Атуева 2006, с. 147]. В настоящее время в Нацархиве РК документы за период с 1944 по

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Шеринова Мария Овшиновна родилась в 1911 г. в Западном районе (в одном из поселений Бюдермис-Кебютювского сельского совета) Калмыцкой автономной области. С 1935 г. по 1943 г. М.О. Шеринова работает в комсомольских и партийных организациях на различных должностях: председателем комиссии по приему и исключению из комсомола, председателем республиканского комитета профсоюза учителей начальных и средних школ, инструктором оргинструкторского отдела аппарата обкома КПСС. В 1942 г. в связи с оккупацией Калмыкии немецко-фашистскими захватчиками она эвакуируется вглубь страны и работает председателем Обкома работников торговли Актюбинской области. После освобождения Калмыкии возвращается, но в декабре 1943 г., как весь калмыцкий народ, она подверглась депортации в Сибирь. С 1943 по 1948 гг. работала в Омской области, с 1949 по 1957 гг. в Казахской ССР. В 1957 г. после возвращения в Калмыкию окончила шестимесячные курсы при ВПШ ЦК КПСС, работала инструктором отдела партийных органов Калмыцкого обкома КПСС. В 1958 г. назначена заведующей партийным архивом Калмыцкого обкома КПСС и проработала в данной должности до 10 апреля 1970 г. М.О. Шеринова награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», награждалась почетными грамотами и ценными подарками (см.: Архивная летопись... С. 154–155).

1955 г. в фонде П-1 «Калмыцкий обком КПСС» и в ряде фондов райкомов КПСС отсутствуют. Это объясняется тем, что в связи с ликвидацией республики в 1943 г. обкомы КПСС и ВЛКСМ, несколько райкомов прекратили свое существование [Атуева 2006, с. 149]. Архивные документы за указанный период сохранились по Западному, Каспийскому, Малодербетовскому, Сарпинскому, Черноземельскому и Яшалтинскому райкомам, по Элистинскому горкому КПСС, так как они продолжали свою деятельность в составе партийных организаций Ставропольского края и Астраханской, Ростовской, Сталинградской областей.

Историческим событием в судьбе калмыцкого народа стало преобразование в июле 1958 г. Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР. Партийный архив Калмыцкого обкома КПСС начал работу по подготовке документов партийных и комсомольских органов и организаций для передачи их на госхранение. Только с 1960 г. партархив стал регулярно комплектоваться документами, созданными в процессе их деятельности. Также на хранение стали поступать воспоминания ветеранов войны и труда. Создавался фотофонд архива.

ЦК КПСС контролировал и координировал работу партийных архивов, принимал нормативные документы, которые способствовали дальнейшему развитию партийного архивного дела в стране. В целях создания полноценного архивного фонда и проведения качественного отбора архивных документов на госхранение партархив руководствовался «Перечнем документальных материалов партийных органов и первичных организаций, подлежащих хранению в партийных архивах» (1965 г.). Перечень являлся руководящим документом при проведении экспертизы ценности документов, что способствовало организации приема на госхранение документов, имеющих историческую и практическую ценность.

В 1966 г. впервые в «Положении об Архивном фонде КПСС»¹² было дано понятие «Архивного фонда партии», определены задачи и функции партархивов как научно-исследовательских учреждений. В Положении подчеркивалось, что собственником партийных документов является коммунистическая партия. Организационная структура, задачи и требования, предъявляемые к партийным архивам, установлены постановлением ЦК КПСС «О задачах, структуре и штатах институтов истории партии и партийных архивов» (1969 г.). Впервые в истории партийного архивного строительства партархивы получили новые правовые акты, которые оказали благотворное влияние на активизацию деятельности партийного архи-

---

¹² Основные правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии и филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. М.: [б. и.], 1970. С. 22.

ва, поставили его деятельность на новый качественный уровень [Купча 1988, с. 33; Лыксокова 1999, с. 168].

Выполнению поставленных задач способствовало назначение в апреле 1970 г. на должность заведующего партархивом З.Б. Очировой¹³. Под руководством З.Б. Очировой партархивом проводилась плановая работа с партийными, комсомольскими органами и организациями по вопросам сохранности документов, подготовке их к передаче на государственное хранение. В эти годы партийным архивом была проведена большая работа по организации государственного учета архивных документов: заведены книги фондов, поступления и выбытия документов и дел, карточки фондов, дела фондов, описи и реестр описей. Активно пополнялся научно-справочный аппарат к документам архива.

Политические изменения, произошедшие после августа 1991 г., и распад СССР оказали влияние на архивное строительство страны. Были приняты два указа Президента РФ, которые внесли кардинальные изменения в архивное дело. Так, указом Президента РФ «О партийных архивах» (1991 г.) партийные архивы передавались в ведение архивных органов страны и, соответственно, Архивный фонд партии вошел в состав Архивного фонда РФ. В соответствии с указом Президента РФ «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР»¹⁴ архивы КГБ должны были передаваться в ведение архивной службы РФ. В Калмыкии этот документ фактически остался на бумаге.

Изменения произошли и в структуре государственных архивов страны. Согласно постановлению «О Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории и Центре хранения современной документации» (1991 г.) в состав РЦХИДНИ вошел Центральный партархив Института теории и истории социализма ЦК

---

¹³ Очирова Зоя Батнасуновна родилась 23 декабря 1937 г. в пос. Кануково Приволжского района Астраханской области. В 1957 г. окончила Алма-Атинский техникум советской торговли и по 1960 г. работала в сфере торговли Казахской ССР. Переехав в Калмыкию, с 1961 по 1968 гг. работала в ЦГА КАССР научным сотрудником. В 1969 г. окончила Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ). В январе 1968 г. ее утвердили инструктором партийного архива Калмыцкого обкома КПСС. В апреле 1970 г. назначена заведующей партийным архивом. Под ее руководством в партархиве проделана значительная работа по созданию необходимого режима хранения документов, пополнению фондов архива, совершенствованию научно-справочного аппарата, улучшению научно-методической деятельности архива, введению в научный оборот материалов местных архивов.

¹⁴ ГААОСО. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.

КПСС, а ЦХСД был создан на базе архивов бывшего аппарата ЦК КПСС. В регионах партийные архивы преобразовывались в центры хранения или архивохранилища при обл(край)госархивах, за исключением тех случаев, когда объем партийных документов был сравнительно небольшой. В этом случае их объединяли с государственными архивами.

В Калмыкии в связи с небольшим объемом фондов партийных документов пошли по пути объединения партийного архива с ЦГА КАССР. В сентябре 1991 г. СМ Калмыцкой АССР принял решение о ликвидации партийного архива и включение его в состав ЦГА КАССР на правах архивохранилища документации общественных организаций и движений. Позже архивохранилище было преобразовано в отдел документации новейшей истории Национального архива Республики Калмыкия [Атуева 2006, с. 146, 153].

Здания, принадлежащие КПСС, были опечатаны, имущество конфисковано, все документы передана в ЦГА КАССР в необработанном виде¹⁵.

В первую очередь был произведен прием документов текущих архивов рескома, Элистинского горкома, райкомов КПСС. В период с 1991 по 1992 г. принято на госхранение и проведена научно-техническая обработка документов 128 ликвидированных фондообразователей – из них 15 партийных органов, 102 первичные партийные организации, 11 комитетов комсомола. Из 5590 необработанных дел описаны и сданы в хранилище 4530 ед. хр. На 1066 дел, не имеющих научной и практической ценности, составлены акты о выделении к уничтожению [Атуева 2006, с. 151]. В последующие годы проводилось интегрирование бывшего партийного архива в систему государственных архивов.

В архивохранилище отдела общественных организаций и движений находятся на хранении документы, созданные в результате деятельности органов и организаций КПСС и ВЛКСМ. В последующие годы отдел пополнился документами современных политических партий и движений, а также личными архивами общественно-политических деятелей. В отделе хранятся 107 299 ед. хр. на бумажной основе, 540 ед. хр. фотодокументов, подшивки газеты «Комсомолец Калмыкии» в количестве 19 экземпляров, книг и брошюр по краеведению в количестве 319 экземпляров [Атуева 2006, с. 148].

Партийные документы, долгие годы необоснованно засекреченные, предоставлялись исследователям с большими ограничениями. С 1991 г. после смены политического курса в стране и с принятием

---

¹⁵ Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993. С. 12.

ряда федеральных законов, которые урегулировали вопросы доступа пользователей к архивным информационным данным, созданы условия для проведения рассекречивания архивных документов. По всей стране создавались комиссии по рассекречиванию документов, созданных КПСС.

В Калмыкии для обеспечения доступа пользователей к ранее засекреченным архивным документам партии при Комитете по делам архивов Республики Калмыкия была создана Рабочая группа по рассекречиванию документов КПСС. Архивисты крайне осторожно проводили эту работу, сверялись с перечнем документов, рассекреченных на федеральном уровне.

В целях координации деятельности по рассекречиванию документов КПСС и организаций, ведущих работу с документами, содержащими сведения ограниченного доступа, распоряжением Президента РК от 08.04.1998 г. № 67 была создана Региональная межведомственная экспертная комиссия при Президенте Республике Калмыкия. В ее состав вошли представители Управления ФСБ России по РК, Информцентра МВД РК, второго отдела Аппарата Правительства РК, Комитета по делам архивов РК и Национального архива РК. В период с 1998 по 2005 гг. было рассекречено 11168 ед. хр. по 37 фондам 1918–1991 гг., созданным партийными органами и организациями. Одновременно проводилось рассекречивание документов органов власти и управления, находящихся на хранении в Национальном архиве РК. Было рассекречено 2391 ед. хр. по 48 фондам. К 1 марта 2006 г. деятельность по рассекречиванию документов была завершена. Глава Республики Калмыкия подписал распоряжение о прекращении деятельности комиссии [Шалданова 2006, с. 25–26]. Рассекреченные документы партийных, комсомольских органов и организаций республики пополнили Архивный фонд РФ.

Архивные документы партийных и комсомольских организаций являются составной частью документального наследия республики и имеют историческую, научно-практическую ценность. На основе партийных архивных документов были изданы документальный сборник по истории Калмыцкой организации КПСС и ВЛКСМ, сборник воспоминаний «Басан Городовиков»¹⁶.

Архивные документы использованы при составлении сборников документов «Восстановление автономии и реабилитации калмыц-

---

¹⁶ Басан Городовиков: Воспоминания, исследования, документы / [Сост. К.П. Катушов, З.Б. Очирова]; Ком. по делам архивов Респ. Калмыкия. Калмыц. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., Калмыц. ин-т гуманитар. исслед. [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. 318 с.

кого народа»¹⁷, «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁸, «Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.»¹⁹, «Письма с фронта»²⁰, «Общественно-политические и государственные деятели Калмыкии XX века»²¹.

Заключение

История образования и деятельности партийного архива Калмыцкого Обкома КПСС неразрывно связана с историей Республики Калмыкия и деятельностью КПСС.

Исторически сложилось так, что партийные архивы страны были закрытыми учреждениями, и доступ исследователей к архивным документам был ограничен. Политические изменения, последовавшие после августа 1991 г., повлияли на развитие архивного дела страны. Важнейшей задачей архивов стало предоставление гражданам и обществу интересующих их сведений, обеспечение им широкого доступа к архивным информационным ресурсам. Проведение комплекса архивных работ по интеграции партийных архивов в состав Архивного фонда РФ, рассекречивание документов и другие принятые меры открыли доступ к историческим источникам и способствовали независимому изучению истории страны, а также введению в научный оборот ранее засекреченных архивных документов.

Партийный архив обкома КПСС, ныне отдел документации новейшей истории Национального архива РК, несмотря на малочисленный состав штатных работников выполнили поставленные

---

¹⁷ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. Т. 1. Кн. 3: Восстановление автономии и реабилитации калмыцкого народа; кн. 3, ч. 2: Реабилитация калмыцкого народа (1964–2003 гг.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 683 с.

¹⁸ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / [сост.: М.Л. Кичиков и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2005. 780 с.

¹⁹ Калмыкия в партизанском движении: 1941–1945 гг.: документы и материалы: [сборник] / Сост. В.З. Атуева. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2006. 431 с.

²⁰ Письма с фронта: сборник / [Сост.: В.З. Атуева, С.Н. Каруева]. Элиста: Герел, 2010. 270 с.

²¹ Общественно-политические политические и государственные деятели Калмыкии XX века / Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова; Национальный архив Республики Калмыкия [и др.]; [Сост. К.Н. Максимов и др.]. Псков: Псковское возрождение, 2018. 247 с.

перед ним задачи по сохранению документальных источников по истории Калмыкии, в том числе о деятельности партийных и комсомольских организаций и обеспечили его всестороннее использование.

Значительный вклад в становление и развитие партийного архива Калмыкии внесли заведующие, руководившие в разные годы, Д.Г. Чавычалов, М.О. Шеринова, З.Б. Очирова и В.З. Атуева (начальник отдела).

Исследование создания и развития партийных архивов Калмыкии открывает перспективы для дальнейшего, более глубокого осмысления и изучения проблемы.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of a grant in the form of a grant from the federal budget allocated for state support of scientific research conducted under the leadership of a leading scientist (project No. 075-15-2019-1879 “From paleogenetics to cultural anthropology: a comprehensive interdisciplinary study of the traditions of the peoples of cross-border regions: migration, intercultural interaction and the world picture”).

Литература

- Атуева 2006 – *Атуева В.З.* Отдел документации общественных организаций и движений государственного учреждения «Национальный архив Республики Калмыкия» // Архивная летопись: К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 146–153.
- Купча 1988 – *Купча Э.А.* Документы КПСС о партийных архивах по материалам Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС // Советские архивы. 1988. № 3. С. 27–35.
- Лыскокова 1999 – *Лыскокова В.Ц.* История организации архивного дела в Республике Бурятия: 60-е годы XIX в. – 1991 г.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1999. 248 с.
- Максаков 1969 – *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР: 1917–1945 гг. М.: Наука, 1969. 430 с.

- Митрофанова 2013 – *Митрофанова И.В.* О создании Единого партийного архива: по материалам РГАСПИ [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=8548> (дата обращения 06.05.2021).
- Савинова 2014 – *Савинова Н.В.* Из «партийного прошлого» в новую эпоху: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга: 85 лет. СПб.: Лики России, 2014. 247 с.
- Сартикова 2017 – *Сартикова Е.В.* Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации: 1920–1921 [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 52–64. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23437 (дата обращения 06.05.2021).
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: РГГУ, 1994. 360 с.
- Шалданова 2006 – *Шалданова [Манджикова] Л.Б.* Архивное строительство в Калмыкии: 1918–2005 гг. // Архивная летопись: К 85-летию архивной службы Республики Калмыкия. Элиста, 2006. С. 11–12.

References

- Atueva, V.Z. (2006), “Department of documentation of public organizations and movements of the State Institution the ‘National Archives of the Republic of Kalmykia’”, in *Arkhivnaya letopis'. K 85-letiyu arkhivnoi sluzhby Respubliki Kalmykiya* [Archival chronicle. Devoted to the 85th anniversary of the Archival Service of the Republic of Kalmykia], Elista, Russia, pp. 146–153.
- Kupcha. E.A. (1988), “Documents of the CPSU on Party archives based on the materials of the Central Party Archives of the IML under the Central Committee of the CPSU”, *Sovetskie arkhivy*, no. 3, pp. 27–35.
- Lyksokova, V.Ts. “History of the organization of archives administration in the Republic of Buryatia (the 60s of the 19th century – 1991)”, Ph.D. Thesis (History), Ulan-Ude, Russia.
- Maksakov, V.V. (1969), *Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR: 1917–1945* [History and Organization of Archiving in the USSR: 1917–1945], Nauka, Moscow, Russia..
- Mitrofanova, I.V. (2013), “On the creation of the Unified Party Archive. Based on the Materials of the Russian State Archive of Socio-Political History” [Online], *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 1, available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=8548> (Accessed 6 May 2021).
- Savinova, N.V. (2014), *Iz «partiinogo proshlogo» v novuyu epokhu. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga. 85 let* [From the “Party Past” to the new era. The central state historical and political documents archives of St. Petersburg. 85 years of age], Liki Rossii, Saint Petersburg, Russia.
- Sartikova, E.V. (2017), “Organizational design of the Kalmyk regional party organization (1920–1921)” [Online], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*,

no. 8. pp. 52–64. available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23437 (Accessed 6 May 2021).

Khorkhordina, T.I. (1994), *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980 gg.* [History of the Fatherland and archives, 1917–1980], RGGU, Moscow, Russia.

Shaldanova [Mandzhikova], L.B. (2006), “Archival construction in Kalmykia. 1918–2005”, *Arkhivnaya letopis'. K 85-letiyu arkhivnoi sluzhby Respubliki Kalmykiya* [Archival chronicle. Devoted to the 85th anniversary of the Archival Service of the Republic of Kalmykia], Elista, Russia, pp. 11–12.

Информация об авторе

Лариса Б. Манджикова, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия; Россия, 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; 0862larisa@gmail.com

Information about the author

Larisa B. Mandzhikova, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia; bld. 8, I.K. Ilishkin St., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; 0862larisa@gmail.com

УДК 930.25+738

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-115-133

Гжельская керамическая школа в 1918–1925 гг. в архивных документах РГАЛИ и ЦГАМО

Вадим В. Никонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены документы, связанные с работой Гжельской керамической школы в первой половине 1920-х гг. Этот период стал одним из определяющих этапов развития художественно-промышленного образования на территории распространения старейшего в Московской губернии народного художественного промысла. Гжельская керамическая школа ИЗО Наркомпроса, начавшая свою деятельность осенью 1918 г., являлась преемницей рисовальных классов, открытых здесь в 1899 г. Императорским Строгановским центральным художественно-промышленным училищем. Анализ работы школы позволяет сделать вывод о ведущей роли государства в деле становления художественно-промышленного образования, характерной чертой развития которого в те годы стал поиск оптимальных организационных форм обучения, направленных на массовую подготовку мастеров-керамистов в сочетании с получением ими общего среднего образования. В первые послереволюционные годы развитие кустарного производства в местах традиционного бытования народных художественных промыслов представляло для советской республики важную область деятельности. В 1920-х гг. продукция народных промыслов была одним из немногих товаров, производившихся в РСФСР, которые пользовались спросом за рубежом, что позволяло рассматривать ее как средство получения валюты. Кроме того, развитие промыслов, на которых в дореволюционной России было занято значительное число работников, представлялось одним из способов нивелирования социальной напряженности, связанной с безработицей в регионах, прежде отличавшихся относительной зажиточностью населения. В статье отмечается роль руководства и преподавательского состава Школы в ее образовательной, экономической и просветительской деятельности.

© Никонов В.В., 2021

Ключевые слова: история образования, художественно-промышленное образование, Гжельский народный промысел, Гжельская керамическая школа, Императорское Строгановское училище, кустарная промышленность

Для цитирования: Никонов В.В. Гжельская керамическая школа в 1918–1925 гг. в архивных документах РГАЛИ и ЦГАМО // История и архивы. 2021. № 4. С. 115–133. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-115-133

Gzhel ceramic school in 1918–1925
in the archival documents
of the Russian State Archive of Literature
and Arts and Central State Archive
of the Moscow Region

Vadim V. Nikonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Abstract. The article considers the documents related to the work of the Gzhel Ceramic School in the first half of the 1920s. This period became one of the defining stages of the development of art and industrial education on the territory of the distribution of the oldest folk art craft in the Moscow province. The Gzhel Ceramic School of the People's Commissariat of Education, which began its activity in the autumn of 1918, was the successor of the drawing classes opened here in 1899 by the Imperial Stroganov Central Art and Industrial School. The analysis of the School's work allows us to ascertain the leading role of the state in the formation of art and industrial education, a characteristic feature of the development of which in those years was the search for optimal organizational forms of training, aimed at mass training of master ceramists in combination with their general secondary education. In the first post-revolutionary years, the development of handicraft production in the places of the traditional existence of folk arts and crafts was an important area of activity for the Soviet republic. In the 1920s the products of folk crafts were one of the few goods produced in the RSFSR that were in demand abroad, which made it possible to consider it as a means of obtaining foreign currency. In addition, the development of crafts, which employed a significant number of workers in imperial Russia, seemed to be one of the ways to level the social tension associated with unemployment in the regions that had previously been distinguished by the relative prosperity of the residents. The article notes the role of the School's management and the teaching staff in its educational, economic and awareness-raising activities.

Keywords: history of education, art and industrial education, Gzhel folk craft, Gzhel ceramic school, Imperial Stroganov School, handicraft industry

For citation: Nikonov, V.V., (2021), “Gzhel ceramic school in 1918–1925 in the archival documents of the Russian State Archive of Literature and Arts and Central State Archive of the Moscow Region”, *History and Archives*, no. 4, pp. 115–133, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-115-133

Зарождение регулярного художественно-промышленного образования (далее – ХПО) в России принято связывать с открытием в 1825 г. графом С.Г. Строгановым знаменитой «Школы рисования в отношении к искусству и ремеслам»¹. Пройдя за несколько десятилетий путь от частной школы до главного профильного учебного заведения Российской империи, Строгановка на рубеже XIX–XX вв. начинает открывать ряд своих филиалов в местах бытования народных промыслов, преследуя единственную цель – сохранение народной традиции. Об этом прямо говорилось в отчете Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища за 1916 г.: «Во всех этих отделениях (филиальных) учащиеся получают теоретическое художественное и практическое образование с узкоспециальными целями, преследуемыми местными кустарными производствами. Обучение в них бесплатно. Руководителями филиальных отделений состоят преподаватели Строгановского училища, специально откомандированные для занятий в них»². Первым филиальным отделением стали Речицкие рисовальные классы, названные так по селу Речицы, расположенному в самом центре Гжельского народного художественного промысла. Классы просуществовали до середины 1916 г., когда последний руководитель Гжельского филиала П.Г. Смирнов³ прекратил преподавательскую деятельность и был призван в действующую армию⁴. Но уже в 1918 г., т. е. менее чем через год после победы большевистской революции, здесь открывается новое художественно-промышленное учебное заведение – Гжельская керамическая школа, ставшая, несмотря на подчеркнутое отрицание новой

---

¹ Подробнее см.: *Гартвиг А.* Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 году графом С.Г. Строгановым: Ея возникновение и развитие до 1860 года. М., 1901. 500 с.

² РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 228-а. Л. 33 об.: Отчеты Строгановского Императорского училища технического рисования: 1916 г.

³ *Исаев П.Н.* Керамисты Строгановской школы: Биографический словарь. М.: МГХПУ им. Строганова, 2009. С. 93.

⁴ РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 8192. Л. 5: Личное дело Смирнова Павла Григорьевича.

властью какой-либо ее связи со Строгановским училищем, преемницей дореволюционных рисовальных классов.

После Февральской революции Строгановское училище прекратило свою деятельность не сразу. Попытки продолжить работу в новых условиях выразительно отражает переписка руководства Строгановки с Временным правительством⁵. Этот документ определил развитие художественно-промышленного образования на период оставшихся месяцев 1917 г. и начала 1918 г. И хотя Речицкий филиал Строгановского училища был закрыт еще в 1916 г., дальнейшее развитие ХПО в Гжели, как и в иных местах бытования народных художественных промыслов, где до революции училищем были организованы филиальные отделения, напрямую связывалось с положением Строгановки (или ее преемника) в новых условиях.

Гжельская керамическая школа официально просуществовала с октября 1918 г. [Илькевич 2013, с. 11] до 31 декабря 1924 г., а с 1 января 1925 г. была преобразована в Гжельскую керамическую учебную мастерскую. Будучи полной преемницей школы, мастерская имела несколько иную структуру и, главное, новую, прогрессивную форму производственной деятельности, сочетавшую учебную работу в мастерских и производительный оплачиваемый труд на организованном руководством школы производстве, где учащиеся, работая рука об руку с наемными профессиональными рабочими, оттачивали свое мастерство и приобретали практический опыт.

Документы о работе Гжельской школы в первые годы советской власти сохранились в значительном объеме и отложились в ряде федеральных и муниципальных архивов: ГА РФ, РГАЛИ, ЦГА г. Москвы, ЦГАМО. Кроме того, некоторые материалы хранятся в Бронницком городском архиве (БГА), Раменском архивном управлении (РАУ), а также в архиве Гжельского государственного университета (ГГУ).

Становление советского ХПО в Гжели

После Октябрьской революции развитие кустарного производства в местах традиционного бытования народных художественных промыслов представляло для государства важную область деятельности. Актуальность задачи развития кустарной, ремесленной промышленности в условиях разрухи определялась рядом причин, среди которых следует выделить две главные. Во-первых, изделия

---

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 239. Л. 47, 47 об.: Протокол заседания Совета Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища. 18 марта 1917 г.

народных промыслов пользовались спросом за рубежом, и во-вторых, в кустарной промышленности была занята значительная часть трудоспособного населения, которое требовалось обеспечить работой.

Одновременно с развитием кустарного производства руководство страны, общественные организации стали уделять большое внимание художественно-промышленному образованию. Уже в 1918 г. были предприняты первые попытки организации учебных заведений этого профиля, а в 1920 г. начали работать Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) [Никонов 2011].

Помимо подготовки художников высшей квалификации, необходимо было готовить кадры для предприятий народных промыслов. Эту задачу должны были решить профшколы, которые одновременно обучали профессии и давали общее образование. Для организации в Гжели такого учебного заведения имелись все основания. О том, что до революции в Гжели работал филиал Строгановского училища, в Наркомпросе, разумеется, знали. Было известно также, что, несмотря на все революционные потрясения, многие люди, так или иначе имевшие отношение к этому филиалу, здравствуют и сохранили свои умения и опыт [Никонов 2015]. Да и здание, в котором располагались классы филиала, стояло на месте. Возродить художественную школу, разумеется, с новой идеологией и задачами, было делом в высшей степени целесообразным. И уже осенью 1918 г., менее чем через год после Октябрьской революции, в Гжели открылась керамическая профшкола ИЗО Наркомпроса, ставшая преемницей рисовальных классов – филиала Строгановского училища.

Первые годы работы школы

Документом, который дает основание утверждать, что керамическая школа была открыта именно осенью 1918 г., является «Личная штатная ведомость» Гжельской керамической школы. Два слова о том, что представлял собой этот документ. Начиная с 1923 г. в Московской губернии (а затем и по всей стране) начали создаваться так называемые страховые кассы, которые организовывались по территориальному принципу. Гжельская школа относилась к Страховой кассе № 29 Бронницкого уезда. Все учреждения уезда с определенной периодичностью обязаны были делать в кассу отчисления и заполнять специальные бланки, которые назывались личными штатными ведомостями. «Личная штатная ведомость № 154 Гжельских учебных мастерских», заполненная в 1923 г. и исправленная

в 1925 г., сохранилась⁶. Анализ ее текста позволяет установить следующее:

1. В 1901 г. в Речицах были организованы Речицкие мастерские, которые являлись филиалом Строгановского училища.

2. В 1918 г. Речицкие мастерские были преобразованы в профшколу ИЗО Наркомпроса.

3. В 1923 г. профшкола ИЗО Наркомпроса была переименована в Гжельскую керамическую школу (профшколу).

4. Гжельская керамическая школа (профшкола) с 1 января 1925 г. стала называться Гжельскими учебными мастерскими.

Возрождение художественно-промышленной школы в Гжели стало заметным событием в округе. Дело было даже не только в том, что новая власть с самого начала продемонстрировала свою заинтересованность в местной продукции. Гораздо более важным фактом для населения являлось то, что в условиях чудовищной разрухи и безработицы появилось учреждение, которое было готово не просто обучать местную молодежь бесплатно, но еще и ставить на довольствие. Это для большинства гжельцев имело безусловный практический смысл: по сравнению с тяжелым 1918 годом, когда школа начала свою работу, 1920 и 1921 гг. в Московской губернии стали еще и голодными. А между тем до 1921 г. (по другим сведениям – до 1922 г.) все ученики школы получали продовольственный паек и во всяком случае не находились на иждивении у родителей. Кроме того, при школе существовал интернат, в котором в разное время проживало до 50 человек.

В 1921 г. с окончанием периода «военного коммунизма» сразу же изменились экономические отношения государства и Гжельской профшколы. Это выразилось главным образом в отмене натурального продовольственного пайка и частичной замене его денежной стипендией, что было совершенно естественно, если учесть, что товарно-денежные отношения вновь были узаконены. Очевидные послабления, тем не менее, оказались восприняты населением как очередная попытка усложнить и без того непростую жизнь. Выяснилось, что на стипендию невозможно купить продукты даже в объеме небольшого пайка. Некоторые ученики вынуждены были оставлять школу, чтобы помогать родителям выживать. Тем более что нэп открывала некоторую свободу в производстве и частной торговле, и для многих гжельцев вновь появилась возможность самостоятельно изготавливать и сбывать свою продукцию. В результате в профшколе остались лишь самые стойкие и те, чье материальное положение позволяло хоть как-то сводить концы с концами.

---

⁶ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 7. Д. 82. Л. 43–46: Личная штатная ведомость Гжельской керамической школы. 1923–1925 гг.

Отношение гжельцев к школе было в то время неоднозначным. Раздавались голоса, и их было немало, что обучение в ней ничего полезного не дает, что промысел, существующий столетия, прекрасно обошелся бы и без школы, которая задумана вовсе не для того, чтобы делать посуду и готовить мастеров, а для того, чтобы отвлечь народ от церкви и «завербовать молодежь в большевики». Для Гжельской округи, в которой на сравнительно небольшой территории действовало пять храмов, и для промысла, значительная доля продукции которого до революции была связана с религиозной тематикой [Никонов 2020], эта позиция была объяснимой. Такое отношение населения к школе выразительно характеризует в своем письме в Москпрофобр М.В. Егоров, профессор ВХУТЕМАСа, один из ведущих преподавателей Гжельской школы и заведующий ее учебной частью: «Благодаря местным бытовым условиям население считает образование вообще, а профтехническое в частности – “баловством”. В частности и нашу школу, где по его словам разводят “нехристей” и “коммунистов”»⁷.

Уставшие от постоянного безденежья люди не верили в пользу от обучения в керамической школе. Выгода же от поездок в Москву с глиняной посудой и сельхозпродукцией (молоком, творогом, яйцами) была очевидной, так как давала возможность хоть как-то существовать. И в этом смысле гжельцев трудно упрекнуть в недалновидности. Однако, несмотря на все трудности, профшкола не пустовала. Крошечная стипендия учеников и нищенская зарплата преподавателей не могли повлиять на активно идущий образовательный процесс, благодаря которому грамотных и культурных людей становилось все больше.

Состояние и проблемы профшколы не могли не волновать преподавателей, которые также пытались изменить положение, обращаясь в различные инстанции. Профессор М.В. Егоров, настаивая на незамедлительном возобновлении финансирования Школы, мотивировал свои требования следующими соображениями:

«1. Гжель – это поставщик живой силы на все заводы РСФСР квалифицированных керамистов.

Местное население искони занимается поголовно керамической профессией.

Местные крестьяне деклассированы, благодаря местным условиям на $\frac{3}{4}$.

Необычайная одаренность гжельцев, выдвинувших целый ряд имен изобретателей, организаторов, людей инициативы в керамической промышленности.

---

⁷ Там же. Ф. 965. Оп. 1. Д. 311. Л. 2–2 об.: Письмо М.В. Егорова в Москпрофобр. 1923 г.

Керамика – искусство: форма и цвет, а также выбраковка изделия неизбежны для производства. Воспитание работников необходимо»⁸.

Это письмо представляется весьма показательным, так как отражает позицию одного из ведущих художников-керамистов страны по отношению к Гжельскому ХПО. Прежде всего обращает на себя внимание, что уже в 1921 г. (в дальнейшем эта мысль будет высказываться разными специалистами в течение ближайших десятилетий) М.В. Егоров определил роль гжельского промысла как поставщика мастеров для керамической промышленности в государственном масштабе. Кроме того, в документе утверждается одаренность местных кустарей, причем не только как непосредственных производителей кармических изделий, но и как технологов и предпринимателей, что свидетельствует о глубоком знакомстве М.В. Егорова с историей промысла не только в художественно-этнографическом аспекте, но и в смысле практическом, деловом.

Ситуация в стране продолжала изменяться, и в 1923 г. школу ожидало очередное испытание. Государство снова сочло возможным сократить финансирование по линии Наркомпроса, разрешив, правда, профшколам вести коммерческую деятельность. Полученные средства рекомендовалось тратить на зарплату преподавателей и стипендию учащихся. Это поставило Гжельскую профшколу, полностью зависимую от бюджетных средств, на грань выживания. Вероятность того, что все учащиеся прекратят обучение, была велика как никогда. В бытовом отношении положение также было крайне тяжелым.

Наиболее ярко создавшуюся ситуацию иллюстрируют сухие строчки протоколов заседаний учебного комитета и общих собраний педагогов и учащихся. Вот протокол заседания учкома от 3 апреля 1924 г., на котором обсуждался вопрос о выдаче учащимся обуви: «В виду того, что ботинок у бельевой комиссии не имеется, поэтому учком выдать их не может и средств для починки также. Учком ГКШ ввиду катастрофического положения с обувью будет просить зав. школой в экстренном порядке возбудить ходатайство перед МОНО⁹ о скорейшей выдаче нам обуви»¹⁰. Даже в таком про-

---

⁸ ГА РФ. Ф. 1565. Оп. 9. Д. 528. Л. 1: Докладная записка художника-керамиста, заведующего государственными учебными мастерскими с. Речицы Бронницкого уезда Московской губернии станции Гжель Московско-Казанской железной дороги о состоянии мастерских (из россыпи). 9 ноября 1921 г.

⁹ Московский отдел народного образования.

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 311. Л. 4–5: Протокол заседания учкома Гжельской керамической профшколы. 03.04.1924 г.

стом вопросе школа не могла разобраться сама и вынуждена была просить МОНО выдать обувь. Это заседание проходило 3 апреля 1924 г., а 12 апреля, на следующем заседании, первым пунктом повестки дня значилось: «О сдаче зимнего обмундирования». «Все ученики, – говорилось в документе, – имеющие на руках зимнее обмундирование как-то: бурки, фуражки и валенки <обязаны их>¹¹ сдать не позднее 26 мая. В противном случае не сдавшие вещи товарищи будут рассматриваться как желающие присвоить их к себе (так в тексте. – В. Н.). Всем девочкам вменить в обязанность не позднее 26 мая сдать подкладку от пальто»¹².

Несмотря на тяжелое материальное положение, главным оставался вопрос о качестве образования. Обсуждалась, в частности, необходимость проведения экскурсий: «Просить завшколой или его заместителя привести в исполнение одно из постановлений школьного совета об экскурсиях, а также усилить экскурсии ввиду их важного значения и практической и общеобразовательной стороны. Учком крайне желательными считает экскурсии на фабрики и мастерские, более или менее близкие к нашей специальности, а также общеобразовательные экскурсии как в Москву (так) и (в) другие места»¹³.

Работа сотрудников Гжельской керамической школы не ограничивалась исключительно педагогической и воспитательной деятельностью. К ней прибавлялись также необходимые организационные и производственные функции.

Кадровый состав школы

Самый полный и самый ранний список всех сотрудников Гжельской школы имеется в уже упоминавшейся «Личной штатной ведомости Гжельской керамической школы 1923–1925 гг.»¹⁴. Анализ документа позволяет сделать вывод о том, что уровень профессиональной подготовки преподавательского состава Гжельской керамической школы был весьма высоким. Из тринадцати преподавателей, работавших здесь в 1923 г., только трое не имели высшего образования. Четверо из десяти преподавателей были

---

¹¹ В угловых скобках автором вставлены либо пропущенные слова, либо необходимые по смыслу.

¹² ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 311. Л. 6–7: Протокол заседания учкома Гжельской керамической профшколы. 12(?)05.1924 г.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 7. Д. 82. Л. 43–46: Личная штатная ведомость Гжельской керамической школы. 1923–1925 гг.

выпускниками Строгановского училища, директор П.Г. Алешина являлась студенткой ВХУТЕМАСа, а М.В. Егоров – профессором ВХУТЕМАСа. Трое преподавателей имели дипломы университетов – Московского, Харьковского и Цюрихского.

Многие работники Гжельской керамической школы совмещали две должности. При этом каждая из занимаемых должностей оплачивалась по своему разряду. В частности, Николай Александрович Барбашин был заведующим интернатом и преподавателем, Ольга Павловна Деулина – преподавателем и библиотекарем, Яков Петрович Голубев – руководителем практических работ и заведующим мастерскими, Прасковья Васильевна Монахова – швеей и кастеляншей и т. д.

В число совместителей входила и заведующая школой Прасковья Григорьевна Алешина, совмещавшая должность политрука с основной должностью заведующей мастерской. Молодая, целеустремленная студентка ВХУТЕМАСа, командированная в Гжель, в 1924 г. назначается заведующей учебным заведением, в котором весь педагогический коллектив старше ее и, главное, в отличие от нее, в абсолютном большинстве имеет законченное высшее образование.

Приступив к работе в Гжели, Прасковья Григорьевна все свои силы и время отдает организации работы школы. Она разрывается между Москвой, где продолжает учиться, и Гжелью, где приходится заниматься административными и хозяйственными вопросами¹⁵. На учебу, судя по всему, времени остается мало. Хотя во всех письмах, где Алешина касается своей деятельности, учеба во ВХУТЕМАСе отмечается непременно. Можно высказать предположение, что Прасковья Григорьевна по своей натуре была скорее организатором, нежели специалистом в какой-либо конкретной области. Однако именно ее организаторские способности позволили Гжельской керамической школе не просто выжить в тяжелых послереволюционных условиях, но и добиться устойчивого экономического положения. К концу 1924 г. в школе был налажен учебный процесс, учащиеся обеспечивались питанием и даже имели небольшой приработок, что, несомненно, явилось результатом работы этой талантливой и очень молодой заведующей. Отметим, что П.Г. Алешина родилась в 1900 г.¹⁶, таким образом, свои выдающиеся организаторские дарования она проявила в возрасте 24 лет.

---

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 883. Л. 73, 73 об.: Докладная заведующей Гжельской керамической школой П.Г. Алешинной в Москпрофобр о возможности ее присутствия в школе два раза в неделю от 14.11.1924 г.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 6: Выписка из метрической книги Георгиевской села Мехового Козельского уезда Калужской губернии церкви за 1900 г.

Организация учебного процесса

В первые годы Советской власти, как это всегда бывает после масштабных политических потрясений, жизнь менялась очень быстро. Смена экономических моделей, приоритетов в направлении развития страны отражалась и на общественной, и на хозяйственной сторонах деятельности. Конечно, такая область, как образование, и тем более образование профессиональное, не могла оставаться в стороне. В Гжельской профшколе часто изменялись учебные планы и программы, каждый раз отражая новые веяния в политическом и экономическом курсе страны.

Администрации школы приходилось постоянно быть готовой к тому, что содержание образования может быть перекроено, и хорошо, если директивы придут в летний период, когда есть время для подготовки соответствующих изменений и перераспределения учебных часов между преподавателями. Но часто бывало, что требования вышестоящего органа – для Гжельской школы им был МОНО – доводились до сведения школы в середине учебного года, и это не могло считаться оправданием для неисполнения или даже задержки исполнения указаний.

Учебный план Гжельской школы 1918–1922 гг., первоначально представлявший собой своеобразный синтез учебного плана земской школы с планом рисовальных классов, постоянно менялся. Более или менее законченный вид учебный план приобрел лишь к 1923/24 уч. г., но и тогда он подвергался неоднократной корректировке¹⁷.

Летом 1924 г. вырабатывается и утверждается учебный план, который фактически явился первой относительно устойчивой моделью, на базе которой строились все учебные программы, по крайней мере, в течение семи последующих лет. Следует отметить, что до осени 1924 г. обучение в Гжельской профшколе была четырехлетним. Переход на трехлетнее обучение произошел в ноябре 1924 г. и повлек за собой значительные изменения в учебном плане. В архиве сохранился и сам план, и некоторые его варианты, благодаря чему есть возможность проследить его «в развитии», а также увидеть, какие перестановки в учебных часах и дисциплинах приходилось производить администрации¹⁸.

В ноябре 1924 г. утверждается новый учебный план, согласно которому от всех профшкол требовалось перераспределить часы

---

¹⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883. Л. 71: Учебный план Гжельской керамической мастерской. Сентябрь–октябрь 1924 г.

¹⁸ Там же. Л. 72. Учебный план Гжельской керамической мастерской. Ноябрь 1924 г.

между теоретической и практической частью плана в пользу практической. Об этом директор П.Г. Алешина сообщила школьному Совету на его заседании 30 ноября 1924 г.¹⁹ План 1924 г. вошел в серьезные противоречия с прежней организацией учебного процесса, которую пришлось срочно менять.

Но необходимость перестроить учебный план в соответствии с указаниями МОНО была лишь одной частью поставленной задачи. Требовалось также обеспечить его выполнение, а для этого были необходимы специалисты. Преподавателей-предметников не хватало, и администрации Гжельской школы приходилось, что называется, изыскивать «внутренние резервы», благо уровень преподавательского состава школы был весьма высок. Сказанное хорошо иллюстрирует протокол собрания школьного Совета, прошедшего 27 октября 1924 г.²⁰, на котором были приняты решения о перераспределении учебных и производственных часов таким образом, что почти каждому педагогу пришлось совмещать преподавание по «смежным специальностям» без дополнительной оплаты существенно возросшей нагрузки.

Уровень подготовки выпускников Гжельской керамической школы

Труд педагогов и администрации Гжельской керамической школы давал свои плоды. Выразительной иллюстрацией качества гжельского образования является работа выпускников школы по заказу ВХУТЕМАСа, который в 1920-х гг. был ведущим высшим художественно-промышленным учебным заведением в СССР. Среди преподавателей Гжельской керамической школы также были люди, напрямую связанные с ВХУТЕМАСом. Это уже упоминавшийся профессор керамики М.В. Егоров, а также студентка 3-го курса ВХУТЕМАСа П.Г. Алешина, занявшая осенью 1924 г. должность директора Гжельской керамической школы.

Учитывая положение и уровень квалификации преподавателей и студентов ВХУТЕМАСа, важные государственные учреждения и высокие инстанции часто доверяли этому вузу выполнение самых ответственных заказов. Одно из таких заданий было получено весной 1924 г. Это был заказ на ремонт и художественное оформление 2-го дома ЦИК СССР. В числе прочих работ предполагались

---

¹⁹ Там же. Л. 27–31: Протокол заседания школьного Совета Гжельской керамической школы. 30.11.1924 г.

²⁰ Там же. Л. 75–78 об.: Протокол заседания школьного Совета Гжельской керамической школы. 27.10.1924 г.

и керамические. Эти работы и было решено перепоручить выпускникам Гжельской школы. ВХУТЕМАС высоко оценил работу Гжельских мастеров: «При выполнении производственной работы ВХУТЕМАС /ремонт 2 д. ЦИК СССР/ были привлечены в качестве исполнителей керамических работ... окончившие в текущем году Гжельскую Керамическую Школу. <...> Вся техническая работа, в течении 3-х месяцев с начала и до конца как-то: ручная и машинная заготовка плит, кафелей и облицовочного кирпича, прирезка, утильный обжиг, отделка, поливка, глазурный обжиг, разборки и установка на стены, выполнена ими в некоторых случаях вполне самостоятельно и они по заключению профессуры Керфака вполне заслуживают квалификацию как технически грамотные рабочие-керамисты, достаточно четко разбирающиеся в процессах производства и при этом обладающие всеми необходимыми навыками»²¹.

Таким образом, выпускники подмосковной Гжели выполнили ответственный государственный заказ на уровне главного профильного вуза страны. Приведенные факты наглядно демонстрируют, насколько качественным было образование в Гжельской керамической школе.

Производственная деятельность

Каково было состояние учебно-материальной базы, финансово-экономическое положение профшколы осенью 1924 г., П.Г. Алешина отметила в одном из своих писем несколько лет спустя: «Мной была принята школа в сентябре 1924 г. Вид и состояние школы в то время было таково: голые стены здания, требовавшего капитальный ремонт, отсутствие какой-бы то ни было мебели, учебных пособий, программ, и в довершении всего – голые, чесотошные ребята». Напомним, что в таком положении школа находилась как раз в тот период, когда семеро ее выпускников отличились при выполнении заказа ВХУТЕМАСа. Таким образом, несмотря на тяжелые условия, школа продолжала работать. Общую картину хорошо иллюстрируют выдержки из протоколов заседаний учкома и общих собраний учащихся, прошедших осенью 1924 г.²²

---

²¹ Там же. Л. 14. Письмо в Москпрофобр от проректора ВХУТЕМАСа. 1924 г.

²² Там же. Л. 13, 13 об.: Протокол заседания учкома Гжельской керамической школы. 03.11.1924 г.; Л. 12, 12 об.: Протокол № 5 общего собрания учащихся Гжельской керамической школы. 04.11.1924 г.

В начале 1920-х гг. средств у школы практически не было. П.Г. Алешина писала о создавшейся ситуации в различные инстанции, но надеяться было решительно не на кого, и делу могла помочь только собственная производственная и коммерческая деятельность. Именно здесь в полной мере проявились организаторские способности Алешининой. Начиная с 1923–1924 гг. предпринимаются попытки выполнения редких коммерческих заказов для получения пусть незначительных, но так необходимых средств к существованию. Одним из заказчиков стал ВХУТЕМАС, затем летом или в самом начале осени 1924 г. сформировался еще один заказ – на этот раз от МОНО.

К концу октября 1924 г. Гжельская керамическая школа уже имела небольшую прибыль, которая была распределена на различные нужды и прежде всего – на развитие производства. В своем докладе на заседании школьного Совета 27 октября 1924 г. П.Г. Алешина озвучила результаты производственной деятельности и высказала свои соображения по поводу ее дальнейшего развития: «Школа решила брать заказы. Так мы получили заказ от МОНО... от ВХУТЕМАСа. <...> Итого получено... около 1000 руб. Из них израсходовано на ремонт мастерских 800 с лишним руб., часть пошла на покупку материалов, небольшая часть пошла на школу и учащихся – около 100 руб. Мы должны смотреть, что через мастерские и главным образом через мастерские и производственную работу, можно наладить школу. Нужды учеников пока будем удовлетворять по столько, по сколько возможно. Теперь нам предлагают производить ролики. Я считаю нужным заключить договор с ЭТЦР на 6 мес., доставляя этому тресту до 40000 роликов ежемесячно. На учебной стороне это сильно не отразится, а школа получит до 7000 руб. к концу учебного года»²³.

События, происходившие в Гжели осенью 1924 г., имели определяющее значение для развития школы, и приведенный фрагмент выступления Алешининой на заседании Совета является тому прекрасной иллюстрацией. Важно, что первую весомую прибыль, в 1000 руб., почти целиком потратили на ремонт мастерских. Мера, очевидно, непопулярная. Казалось бы, для повышения энтузиазма деньги следовало распределить среди учащихся, но П.Г. Алешина твердо заявляет: «Нужды учеников пока будем удовлетворять по столько, по сколько возможно». И очень скоро время покажет, что она была права. В дальнейшем даже наиболее скептически относившиеся к нововведениям поняли экономическую обоснованность курса, проводимого молодой заведующей.

---

²³ Там же. Л. 75–78 об.: Протокол заседания школьного Совета Гжельской керамической школы. 27.10.1924 г.

Также очень перспективным направлением деятельности школы было предполагаемое сотрудничество с Электрическим трестом центрального района (ЭТЦР). ЭТЦР представлял собой головную организацию, распределявшую электроэнергию по всей Московской губернии и сопредельным территориям. Электрическая промышленность, реализующая ленинский план ГОЭЛРО, была в то время одной из самых динамично развивающихся отраслей народного хозяйства. Для нужд ЭТЦР постоянно требовались керамические изделия. Напомним, что тогда, да и вплоть до конца XX в. производились они из электротехнического фарфора. Все последующие годы, как бы ни менялись названия керамической школы, при любой администрации, при всех направлениях и специализациях учебного процесса, мастерские профшколы бесперебойно изготавливали изоляторы, ролики, розетки, втулки и прочую продукцию для ЭТЦР. Считали их не «в штуках», а либо по весу, либо «в горнах», что означало число изделий, помещавшихся в один горн. Никакая другая продукция, производившаяся в Гжели, не могла сравниться по объему с продукцией, производившейся для ЭТЦР. Даже такая статья дохода, как изготовление химической посуды, довольно существенная в скором будущем, не могла соперничать с изготовлением бесконечных роликов и втулок. Поэтому когда в 1924 г. П.Г. Алешина предложила сотрудничать с Электротрестом в качестве подрядчика, она фактически открыла источник постоянного дохода для Гжельской школы.

Производственная деятельность Гжельской керамической школы не могла быть следствием частной инициативы заведующей. Этот процесс был результатом внутривластного курса на предоставление государственным организациям некоторой свободы в решении своих экономических проблем. Все действия, предпринимавшиеся руководителями организаций в данном направлении, регламентировались и контролировались вышестоящими органами. Для упорядочения производственно-коммерческой деятельности профшколам рекомендовалось создавать так называемые производственные бюро с типовым уставом, типовыми правами и обязанностями членов бюро. Руководителями бюро (это прописывалось в уставе) назначались исключительно заведующие школами.

На заседании школьного совета 30 ноября 1924 г.²⁴ П.Г. Алешина ознакомила собравшихся с инструкцией МОНО, где был подробно изложен порядок организации Производственного бюро. Далее Алешина зачитала устав создаваемого бюро, который, по ее словам,

---

²⁴ Там же. Л. 27–31: Протокол заседания школьного Совета Гжельской керамической школы. 30.11.1924 г.

она же сама и написала. Школьный совет постановил откликнуться на предложение МОНО и организовать Бюро с только что зачитанным уставом²⁵.

Это был своего рода прорыв в экономической деятельности школы, которая благодаря умелому руководству становилась экономически устойчивым учебным и производственным учреждением, где учащиеся, помимо получения необходимых знаний и умений, имели возможность небольшого, но постоянного заработка.

Общественная деятельность

Помимо педагогической и хозяйственной деятельности, сотрудники школы были обязаны вести также и политико-просветительскую работу. Следует отметить, что отношение гжельцев, как, впрочем, и многих других жителей РСФСР, к утверждавшейся власти было неоднозначным. В условиях дефицита грамотных «проводников идей социализма» большевики решили сделать ставку на сельских учителей. По их мнению, именно интеллигентные учителя могли показать все преимущества новой жизни и ускорить неизбежный разрыв с пережитками прошлого. Даже в Московской губернии значительная доля крестьянского населения была неграмотной и малограмотной [Никонов 2021], что уж говорить про более отдаленные области. Однако к 1924 г. возникла необходимость не просто в грамотных, а в политически грамотных гражданах. Эту задачу и было решено возложить на педагогов.

После опубликования решений XIII съезда РКП(б), на котором рассматривался вопрос о сельском учительстве²⁶, Наркомпрос разослал по вверенным ему учебным заведениям директиву, согласно которой всем преподавателям следовало усилить общественную работу, а в конце года отчитаться о ее проведении.

Педагогический состав Гжельской керамической школы развернул широкую просветительскую деятельность, простиравшуюся далеко за рамки решения идеологических задач. В конце 1924 г., согласно директиве, директор П.Г. Алешина отчиталась о проделанной работе: «Дабы подойти к практическому осуществлению решений XIII съезда Р.К.П. о вовлечении учительства в культурное строительство нашей республики и его смычке с рабоче-крестьянской массой – педагогическое совещание нашей школы, а также учкома

²⁵ Там же. Л. 35–36 об.: Устав Производственного Бюро Гжельской керамической учебной мастерской.

²⁶ XIII съезд РКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/51893> (дата обращения 13.07.2021).

и ячейки Р.Л.К.С.М.²⁷, вынесли пожелание перенести клубную работу школы в соседнюю (Турьгинскую) избу-читальню. <...> Членами и посетителями кружков являются не только учащиеся школы, но и рабочая и крестьянская молодежь окружающих деревень.

Как продуктивные, могу отметить кружок научный, где разбираются вопросы по астрономии, физической географии и электричеству – руководитель кружка Барбашин. Драм. кружок ведет т. Деулина. В этом кружке принимает участие и крестьянская молодежь, и педагоги школы. Литературный кружок ведет также Деулина. На котором ставятся вопросы как о творчестве современных пролетарских писателей, так и вообще по истории литературы. Политический кружок веду я (Алешина). Деятельность моя в этом кружке за неимением времени ограничивается тем, что перед общим собранием крестьян, перед спектаклями, делаю политдоклады на темы международного положения и проч. и кроме того под моим руководством некоторые комсомольцы школы ведут кружок при избе-читальне юношеского движения. По санитарии и гигиене ведет Беседы т. Бромберг (врач). Бесед было всего 3, так как назначена в школу недавно. В дальнейшем работа т. Бромберг будет вынесена главным образом на собрание женотдела. Остальные педагоги – т.т. Монахов и Голубев принимают участие в драматическом кружке, в совете избы-читальни и проч. <...> Такова работа педагогов нашей школы, работа за которую со стороны местного крестьянства – школа слышит одобрения»²⁸.

Приведенный документ характеризует важную социальную роль, которую сыграла на Гжельской земле керамическая школа. Школа была единственным на всю округу просветительским центром, где работали различные кружки, давались ранее совершенно недоступные для сельской местности знания по целому ряду естественных и гуманитарных наук, читались лекции по гигиене и санитарии, которые в условиях 1920 г. можно считать жизненно необходимыми в буквальном смысле этого слова.

Заключение

Рассмотренные документы позволяют сделать вывод, что развитие художественно-промышленного образования в Гжели в первые годы советской власти полностью соотносится с историей развития страны, трудностями периода «военного коммунизма», особен-

²⁷ Российский ленинский коммунистический союз молодежи.

²⁸ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883. Л. 87–88: Доклад об общественной работе педагогов Гжельской керамической школы. 1924 г.

ностями новой экономической политики. Советское государство, создавшее профшколу, регулировало ее деятельность в соответствии с задачами строительства социализма, и, как показал анализ работы школы, весьма успешно. Государству требовались технически грамотные специалисты, обладающие глубокими знаниями. На образовательные учреждения возлагалась также задача коммунистического воспитания подрастающего поколения, в том числе воспитания сирот и беспризорников. Кроме того, в кустарной промышленности была занята значительная часть работоспособного населения, и внимание к образованию в местах развития народных промыслов было продиктовано еще и попытками снизить уровень социальной напряженности, обусловленной послереволюционной разрухой и безработицей. Школа давала образование детям местных крестьян, а также большому числу детдомовцев, обеспечивала им достойную жизнь в будущем и не позволяла голодать уже в начале 1920-х гг. (напомним, что все ученики были на полном довольствии, а с 1923 г. даже получали небольшие стипендии).

В период 1923–1924 гг. школа начала развивать свое производство, что позволило улучшить ее материальное положение. Чутко реагируя на меняющийся экономический курс страны, школа превращается в прибыльное предприятие, на котором, помимо учеников, работает до 50 человек наемных рабочих, что положительно сказывается на отношении к школе среди местного населения. К этому времени относится начало сотрудничества школы с Электрическим трестом Центрального района, для которого школа налаживает выпуск электротехнической продукции, на несколько лет обеспечивший ей экономическую устойчивость. Таким образом, к середине 1920-х гг. Гжельская керамическая школа приобрела экономическую самостоятельность, а учащиеся – уникальный опыт практической деятельности, позволивший им выпускаться опытными мастерами, имеющими за плечами реальный производственный стаж.

Литература

- Илькевич 2013 – *Илькевич Б.В., Никонов В.В.* Художественно-промышленное образование в Гжели в первые годы советской власти. Гжель: ГТХПИ, 2013. 202 с.
- Никонов 2011 – *Никонов В.В., Илькевич Б.В.* Становление художественно-промышленного образования в гжельском регионе в первые годы Советской власти // Российский научный журнал. 2011. № 5 (24). С. 104–109.
- Никонов 2015 – *Никонов В.В.* Генезис художественно-промышленного образования в регионах бытования народных промыслов: Гжельский народный

художественный промысел в первой трети XX в.: дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 236 с.

Никонов 2020 – *Никонов В.В., Сидоров И.В.* Преподавание Закона Божия в земских начальных училищах на Гжельском народном промысле в 1880-х гг. // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 118–126.

Никонов 2021 – *Никонов В.В.* Ликвидация безграмотности на Гжельском народном художественном промысле // Наука и школа. 2021. № 2. С. 123–135.

References

Il'kevich, B.V. and Nikonov, V.V. (2013), *Khudozhestvenno-promyshlennoe obrazovanie v Gzheli v pervye gody sovetskoj vlasti* [Art and industrial education in Gzhel in the first years of the Soviet power], GGHPI, Gzhel, Russia.

Nikonov, V.V. and Il'kevich, B.V. (2011), “The formation of art and industrial education in the Gzhel region in the first years of the Soviet power”, *Rossijskii nauchnyi zhurnal*, vol. 24, no. 5, pp. 104–109.

Nikonov, V.V. (2015), “The genesis of industrial arts education in the regions of the existence of folk art (Gzhel folk art in the first third of the twentieth century)”, Ph.D. Thesis (Pedagogy), Moscow, Russia.

Nikonov, V.V. and Sidorov, I.V. (2020), “Teaching the Law of God in the Zemstvo primary schools of the Gzhel folk craft region in the 1880s”, *Problemy sovremennoogo obrazovaniya*, no. 2, pp. 118–126.

Nikonov, V.V. (2021), “The elimination of illiteracy in the Gzhel folk art craft region”, *Nauka i shkola*, no. 2, pp. 123–135.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; nikonova-box2009@yandex.ru

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nikonova-box2009@yandex.ru

К проблеме частных собраний документов по истории Отечественной войны 1941–1945 гг.: архив И.С. Стрельбицкого

Сергей В. Чирков

Аннотация. Автор настоящей статьи историк-архивист, архивовед, археограф Сергей Васильевич Чирков (1947–2020) ушел из жизни незадолго до научной конференции «Архивы и война; память о прошлом и историко-документальное наследие», проводившейся кафедрой истории и организации архивного дела РГГУ, и на которой он многие годы работал доцентом. Сергей Васильевич собирался участвовать в работе Конференции, для которой подготовил доклад, посвященный коллекциям и фондам личного происхождения Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), содержащим материалы о Великой Отечественной войне. Доклад С.В. Чиркова был переработан его вдовой, Еленой Алексеевной Чирковой, в научную статью, которая представляется вниманию читателей в настоящем номере журнала. Статья посвящена анализу документов личного фонда генерал-лейтенанта артиллерии Ивана Семеновича Стрельбицкого. В фонде хранятся уникальные исторические источники, переданные в 1982–1983 гг. вдовой генерала М.М. Стрельбицкой в Центральный государственный архив Московской области: биографические материалы, наградные документы к орденам и удостоверения к медалям, полученным за годы войны, воспоминания, эпистолярное наследие. В фонде отложилось и немалое количество фотографий: главным образом групповые фотографии бойцов и командиров частей и подразделений, с которыми свой боевой путь прошел генерал Стрельбицкий.

Ключевые слова: генерал М.М. Стрельбицкий, ЦГАМО, личный фонд, Великая Отечественная война, воспоминания, письма

Для цитирования: Чирков С.В. К проблеме частных собраний документов по истории Отечественной войны 1941–1945 гг.: архив И.С. Стрельбицкого // История и архивы. 2021. № 4. С. 134–140. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-134-140

The issue of private collections of the documents
on the history of the Great Patriotic War 1941–1945.
The archive of I.S. Strelbitsky

Sergey V. Chirkov

Abstract. The author of this article, historian-archivist, archival scientist and archaeographer Sergey Vasilievich Chirkov (1947–2020) passed away shortly before the scientific conference “Archives and War; Memory of the Past, and Historical and Documentary Heritage”. It was organized by the Department of History and Organization of Archives Administration of the Russian State University for the Humanities where he worked as an assistant professor for many years. Sergey Vasilievich was planning to participate in the conference with his report about the Great Patriotic War materials based on the private collections and funds of the Central State Archives of the Moscow region (CSAMR). Elena Alekseevna Chirkova, his widow, reworked his paper into a scientific article, which is presented in this journal. The article is devoted to the analysis of the documents from the personal fund of Lieutenant-General of Artillery Ivan Semenovich Strelbitsky. The fund contains unique historical sources which were presented to the Central State Archives of the Moscow region by M.M. Strelbitskaya, the widow of the General. The unique resources incorporate biographical materials, award documents for orders and certificates for medals received during the war, memoirs, epistolary heritage. There is also a great number of photographs in the fund: mainly group photographs of soldiers and commanders of the units and subunits that General Strelbitsky served with.

Keywords: General M.M. Strelbitsky, CSAMR, private fund, Great Patriotic War, memories, letters

For citation: Chirkov, S.V. (2021), “The issue of private collections of the documents on the history of the Great Patriotic War 1941–1945. The archive of I.S. Strelbitsky”, *History and Archives*, no. 4, pp. 134–140, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-134-140

Изучение истории Великой Отечественной войны на современном этапе невозможно без опоры на архивные материалы как официального характера, сохраняющиеся в Архиве Министерства обороны, так и неофициальные – многочисленные воспоминания участников военных событий, тех людей, чьими усилиями и кровью была обеспечена Великая Победа. Такие воспоминания еще можно услышать из уст наших уважаемых ветеранов, которых становится, к сожалению, все меньше. Однако большая их часть сохранилась в виде записей. Часть их опубликована, но значительное количество находится в рукописном виде. Эти рукописи

сохраняются и в специальных коллекциях, и в архивах ветеранов войны.

Центральный государственный архив Московской области располагает несколькими фондами, содержащими материалы о войне. Из них одним из крупнейших является личный фонд генерал-лейтенанта артиллерии Ивана Семеновича Стрельбицкого.

Яркая биография этого замечательного военачальника и незаурядного человека заслуживает краткого изложения.

И.С. Стрельбицкий происходил из рода реестровых запорожских казаков. Его предки еще в XVII столетии защищали южные рубежи Российского государства. Отец будущего генерала Семен Дементьевич Стрельбицкий (1875–1937) выучился на школьного учителя, потом служил на шахтах Горловки. В 1917 г. он возглавил сельский совет в с. Майоровка Екатеринославской губернии, затем Совет горных рабочих в Харькове. В 1918 г. вступил в большевистскую партию, арестовывался тогдашними украинскими властями. После Гражданской войны работал в Наркомате труда и в сфере народного образования. Был ректором Харьковского университета.

В августе 1937 г., занимая должность директора Центральной научно-педагогической библиотеки в Харькове, он был арестован и обвинен в руководстве украинской националистической террористической организацией. Осенью того же года С.Д. Стрельбицкий был расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1957 г.

Иван, младший сын в семье Стрельбицких, родился в 1900 г. в городе Горловка Екатеринославской губернии. В 1918 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии, учился на Киевских командных артиллерийских курсах. Вместе с другими курсантами участвовал в боях против армии Деникина, банд Махно и Зеленого.

Сражался в составе Отдельной интернациональной кавалерийской бригады (состоявшей в основном из венгров) на Южном фронте.

В 1920 г. окончил 1-е Московские артиллерийские командные курсы. Вскоре был назначен командовать конно-артиллерийским дивизионом, участвовал в боях против Врангеля, в штурме Чонгарского перешейка. Стрельбицкий организовывал артиллерийскую подготовку красной кавалерии, применив ряд новых, изобретенных им приемов, артиллерийской стрельбы.

После Гражданской войны Иван Семенович служил в ряде дивизионов 45-го, 51-го полков и в 95-м артиллерийском полку. Приобретая большой практический опыт, он выступил с рядом новаторских идей, в частности, по борьбе с танками и стал первым в РККА автором, подготовившим пособия для обучения стрельбе по танкам.

В 1938 г. полковник И.С. Стрельбицкий был арестован (в годы повальных репрессий едва ли могло быть иное с сыном «врага народа»). В 1939 г. вместе с некоторыми членами так называемой

«польской группы», в которую входил и К.К. Рокоссовский, был выпущен из тюрьмы.

После освобождения Стрельбицкий преподавал на Артиллерийских Краснознаменных курсах усовершенствования командного состава РККА, но уже в 1940 г. добился перевода в строй.

В первые дни Великой Отечественной войны 8-я артиллерийская бригада противотанковой обороны, которой командовал полковник И.С. Стрельбицкий, севернее г. Лиды остановила танки 3-й танковой группы Гота. В ходе напряженных боев бригада уничтожила около 60 немецких танков, четыре танка были подбиты лично комбригом. За умелое руководство боем он был награжден орденом Красного Знамени.

В ходе напряженных боев бригада попала в окружение. Полковник Стрельбицкий собрал вокруг подчиненных частей группу численностью более 1000 человек из пехотинцев, летчиков, танкистов и других окруженцев. Опасаясь провокаций, он принимал только тех, кто имел документы. Выходя из окружения, группа на лесной дороге остановила легковую машину, в которой находился заместитель командующего Западным фронтом генерал И.В. Болдин, знакомый со Стрельбицким по прежней службе. Старые товарищи обнялись. Болдин сказал: «Ты, Иван Семенович, спас меня, а я спасу тебя», имея в виду «арестантское прошлое» Стрельбицкого и предстоящие в связи с этим трудности при «проверке».

Вышедшие из окружения советские воины получили название «группы генерала Болдина». Оба, Болдин и Стрельбицкий, были награждены орденами.

5 сентября 1941 г. Иван Семенович был назначен начальником артиллерийского училища. В октябре, в первые дни Московской битвы курсанты училища удерживали врага на Варшавском шоссе, дав возможность организовать оборону столицы.

Зимой 1941 г. И.С. Стрельбицкий в звании генерал-майора – заместитель командующего 60-й армией, в 1942–1943 гг. – начальник артиллерии 3-й ударной армии на Калининском фронте. В 1943–1944 гг. он командует артиллерией 2-й гвардейской армии, участвует в прорыве Миусского укрепленного рубежа немцев, затем – в штурме Перекопа и Севастополя. Заканчивал войну генерал-лейтенант Стрельбицкий в Прибалтике, освобождая Литву и штурмуя Кенигсберг.

21 апреля 1944 г. командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров представил И.С. Стрельбицкого к званию Героя Советского Союза. Однако заслуженную награду Стрельбицкий не получил. По его воспоминаниям, вмешался член Военного совета фронта генерал-лейтенант Субботин: «Стрельбицкий – сын врага народа, сам сидел».

По заключению Военного совета 4-го Украинского фронта, подписанному 13 мая 1944 г. генералом армии Ф.И. Толбухиным, Иван Семенович был награжден орденом Суворова I степени.

После окончания войны Стрельбицкий продолжал служить в Вооруженных Силах СССР, занимая самые разные должности: был заместителем артиллерии Харьковского военного округа; помощником командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии; в качестве старшего военного советника принимал участие в военном конфликте КНР и КНДР, с одной стороны, и США – с другой. В последние годы службы занимал должность начальника радиотехнических войск ПВО страны.

С 1961 г. генерал-лейтенант И.С. Стрельбицкий в отставке, но сразу включается в очень активную и разнообразную общественную деятельность. Он пишет и публикует мемуары и документальные повести, участвует в работе Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами, в 1975 г. становится заместителем председателя Центрального правления Общества советско-венгерской дружбы, работает в обществе «Знание», в ветеранских организациях, входит в литературное объединение при ЦДСА.

Умер Иван Семенович 25 ноября 1980 г. Похоронен на Кунцевском кладбище. В его честь названа улица в г. Подольске.

В 1982–1983 гг. вдова генерала М.М. Стрельбицкая передала его бумаги в Центральный государственный архив Московской области.

Комплекс материалов оказался очень обширным. Теперь это фонд № 953 общим объемом 659 единиц хранения.

Вновь образованный фонд по составу личных, служебных и других материалов чрезвычайно разнообразен и интересен, насколько разнообразной и интересной была жизнь генерала Стрельбицкого. Практически все события, происходившие на долгом жизненном пути Ивана Семеновича, нашли отражение в тех или иных документах.

В связи с 75-летним юбилеем победы в Великой Отечественной войне основной интерес представляют документы этого периода. К сожалению, из-за условий военного времени не все материалы сохранились, а некоторые из них отложились в виде копий, так как оригиналы были переданы Стрельбицким в различные музеи.

Тем не менее документов довольно много: о службе в Подольском артиллерийском училище (исторические справки о пехотном и артиллерийском училищах в Подольске, боевые донесения о действиях курсантов при начале битвы за Москву, фрагменты их рукописного журнала, посвященного этим событиям, другой их же рукописный журнал, посвященный боевому пути училища в 1941–1946 гг.; схема выхода из окружения 6-й батареи; списки курсантов,

принимавших участие в обороне столицы (1941, 1946 гг.); об участии в боях в составе 60-й армии, в 3-й ударной армии Клинского фронта (1941, 1942 гг.), во 2-й гвардейской армии (карты боевого пути армии от Волги до Днепра, прорыва Миусского укрепленного плацдарма противника, штурма Севастополя и Перекопа и листовки для командиров по организации боевых порядков армии во время этого штурма и др. (1943–1944 гг.).

Среди личных бумаг надо упомянуть наградные документы к орденам и удостоверения к медалям, полученным за годы войны. В фонде отложилось и немалое количество фотографий. Это главным образом групповые фотографии бойцов и командиров частей и подразделений, с которыми свой боевой путь прошел генерал Стрельбицкий.

Однако основную массу документов составляют материалы, относящиеся к творческой деятельности Ивана Семеновича. Прежде всего это, конечно, его мемуары. Он сравнительно рано обратился к записи своих воспоминаний. В фонде есть рукопись «Перекоп. Апрель – май 44-го года», датированную 1949 г., всего через пять лет после событий. Очевидно, что Стрельбицкий осознавал историческую важность пережитого им и сознательно стремился запечатлеть свидетельства о событиях Великой Отечественной войны.

Естественно, основная масса воспоминаний написана после выхода генерала в отставку. Особенно интенсивно он работал над ними с середины 1960-х гг. Были созданы очерки о боях в районах городов Лиды и Минска в первые дни Великой Отечественной войны, о подвиге подольских курсантов, о применении «катюш» в битве под Москвой, роли артиллерии в Великолукской операции конца 1942 г., о Миусской наступательной операции летом 1943 г., освобождении Крыма, боях в Белоруссии и Литве осени 1944 г.

При описании событий И.С. Стрельбицкий основывался не только на собственных воспоминаниях и впечатлениях, но и стремился привлечь подлинные документы, воспоминания других ветеранов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде выписки из архивных источников и литературы, публикации документов (в том числе, немецких), книги с воспоминаниями о военных событиях, участниками которых были их авторы, с дарственными надписями И.С. Стрельбицкому, материалы по историографии, источниковедению, библиографии.

Особенностью Стрельбицкого-мемуариста было то, что он собирал и бережно хранил письма и другие материалы своих боевых товарищей, участников событий. Эти материалы Стрельбицкий использовал при написании мемуарных очерков и при подготовке на их основе своих художественно-документальных произведений:

документальной повести «На Варшавском шоссе» (М., 1978), военных мемуаров о боях за освобождение Донбасса и Крыма «Штурм» и «На Кинбурнской косе» (М., 1965), сборника рассказов «Беглым, огонь» (М., 1969) и др.

Стрельбицкий хорошо понимал значение публикации мемуаров о войне и писал об этом (рукопись сохранилась в фонде). Он считал ее важным средством для увековечения подвига народа в войне, неоценимым кладом патриотического воспитания новых поколений. Его выступления в печати имели и более близкие последствия. Так, после публикации в журнале «Юность» в 1966 г. повести «12 дней одного года» к Стрельбицкому пошел буквально поток писем от бывших подольских курсантов, которые до того и не знали о масштабах совершенного ими в октябре 41-го года.

Сейчас подвиг подольских курсантов изучается. Ему посвящены исследования, книги и интернет-проекты, в которых участвуют школьники. Героям-курсантам воздвигнуты памятники, создан мемориал. Все это стало возможным в результате того, что начальник Подольского артиллерийского училища осознал историческое значение события, в котором принимал участие, и смог воплотить это осознание в своем творчестве.

Материалы архивного фонда И.С. Стрельбицкого являются ценнейшими источниками для изучения военной истории, в особенности, первого этапа Московской битвы. Они позволяют составить представление о выдающемся отечественном военачальнике, разносторонне одаренном человеке, всю жизнь отдавшем борьбе за независимость и процветание Родины. Несомненно, личность генерал-лейтенанта артиллерии Ивана Семеновича Стрельбицкого, отразившаяся в материалах его архивного фонда, заслуживает дальнейшего изучения.

У книжной полки

УДК 94(470)«1941/45»

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-141-149

«Работа в госпитале быстро сделала нас взрослыми...» Рецензия на кн.: Астрахань прифронтовая: Госпитали. Астрахань, 2021

Сергей Ю. Кондратенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Konrad_85@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу «Астрахань прифронтовая. Госпитали» (Астрахань, 2021). Автором статьи были проанализированы как положительные, так и отрицательные стороны работы. Стоит подчеркнуть, что книга посвящена одному из перспективных направлений исследования истории Великой Отечественной войны – прифронтовой и тыловой повседневности.

Издание представляет собой комплексное исследование о деятельности госпиталей, размещавшихся в годы войны в Астрахани и Астраханской области. Авторы-составители знакомят читателя с основными аспектами повседневной жизни медицинского персонала госпиталей и раненых бойцов и командиров Красной Армии. Рецензируемая работа содержит многочисленные воспоминания как медицинских работников, так и жителей Астрахани, которые позволяют читателю погрузиться в тяжелые и героические будни работы госпиталей.

Еще одним важным аспектом, рассматриваемым в издании, является шефская помощь, оказывавшаяся госпиталям предприятиями и простыми гражданами. В нее были вовлечены миллионы людей, особенно дети и подростки. Шефская помощь сыграла важную роль в психологической реабилитации раненых красноармейцев.

Также необходимо отметить иллюстративный материал рецензируемой работы, который фактически представляет собой дополнительные источники для изучения прифронтовой и тыловой повседневности.

Данная работа будет интересна всем увлекающимся историей Великой Отечественной войны.

© Кондратенко С.Ю., 2021

Ключевые слова: Великая Отечественная война, прифронтовая повседневность, тыловая повседневность, госпиталь, шефская помощь, медицинский персонал

Для цитирования: Кондратенко С.Ю. «Работа в госпитале быстро сделала нас взрослыми...» [Рец.]: Астрахань прифронтовая: Госпитали. Астрахань, 2021 // История и архивы. 2021. № 4. С. 141–149. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-141-149

“Working in the hospital has quickly made us adults...”
Book Review: Front-line Astrakhan. Hospitals.
Astrakhan, 2021

Sergey Yu. Kondratenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Konrad_85@mail.ru*

Abstract. The article provides a review of the book “Front-line Astrakhan. Hospitals. Astrakhan, 2021”. The author of the article analyzes both the positive and the negative aspects of the work. It is worth emphasizing that the book is devoted to one of the promising subfields of research in the history of the Great Patriotic War – the everyday life of the front-line and of the military rear.

The publication is a comprehensive research of the activities of the hospitals located in Astrakhan and the Astrakhan region during the war. Compilers acquaint the reader with the main aspects of the daily occurrence of the medical personnel of the hospitals and the wounded soldiers and commanders of the Red Army. The reviewed work contains numerous memoirs of both the medical workers and residents of Astrakhan, and it allows the reader to plunge into the hard and heroic days of the hospitals.

Another important aspect, considered in the publication, is the patronage assistance provided to the hospitals by enterprises and ordinary citizens. It involved millions of people, especially children and adolescents. Corporate assistance played an important part in the psychological rehabilitation of the wounded Red Army soldiers. It is also necessary to note the illustrative material, the peer-reviewed works, which in fact represent additional sources for the research of the front-line and the military rear routine.

This research will be interesting to everyone who is keen on the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, front-line everyday life, military rear everyday life, hospital, corporate assistance, medical personnel

For citation: Kondratenko, S.Yu. (2021), “Working in the hospital has quickly made us adults...” [Book Review]: Front-line Astrakhan. Hospitals. Astrakhan, 2021”, *History and archives*, no. 4, pp. 141–149, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-141-149

Великая Отечественная война в памяти современного поколения устойчиво ассоциируется с подвигами бойцов и командиров на полях сражений, партизанскими рейдами, трагедией оккупации и плена, и лишь иногда в этом перечне упоминается роль тыла в войне. К сожалению, в сознании миллионов людей грандиозные сражения отодвинули на второй план героический труд советских мужчин, женщин и подростков в тылу. При этом большая часть Советского Союза не была охвачена войной – на этой территории не велись боевые действия, и она не познала горечи оккупации. Также забывается, что не одним лишь трудом исчерпывается вклад тыла в Победу. Тыловые республики и области дали Красной Армии миллионы бойцов и командиров, госпитали, расположенные в тылу, вернули в действующую армию значительное количество раненых военнослужащих, а города и села принимали беженцев из оккупированных районов, позволяя им начать новую жизнь. Из всего вышеперечисленного складывалась уникальная повседневная жизнь советского тыла в период Великой Отечественной войны, которая в последние годы стала объектом пристального изучения историков.

Год 75-летия Победы позволил подвести некоторые итоги работы историков в области изучения прифронтовой и тыловой повседневности. Одной из таких работ является исследование, которому посвящена данная рецензия – «Астрахань прифронтовая. Госпитали»¹.

Во введении авторы-составители справедливо отметили особую значимость подобных книг: «...история прифронтовой повседневности, ежедневного подвига тружеников тыла остается неизвестной страницей в истории нашей страны и нашего региона»². Сама работа представляет собой комплексное исследование о деятельности госпиталей в Астраханском округе и Астраханской области³. Тем самым она охватывает один из слабоизученных аспектов прифронтовой и тыловой повседневности – работу госпиталей, жизнь их персонала и раненых бойцов и командиров Красной Армии.

¹ Астрахань прифронтовая: Госпитали. Астрахань, 2021.

² Там же. С. 9.

³ Самостоятельная Астраханская область была образована из астраханского округа Сталинградской области в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР № 803/1 от 27 декабря 1943 г.

Источниковой базой исследования послужили региональные архивы, архивы учебных заведений, учреждений культуры и частные коллекции: Государственный архив Астраханской области, Астраханский городской архив, архив Астраханского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, архив Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, архив Картинной галереи им. П.М. Догадина, архив Астраханского государственного медицинского университета и др.

Книга состоит из введения и 8 глав. Прежде чем мы перейдем к их анализу, необходимо отметить интересную особенность структуры глав. Каждая глава состоит из статей, раскрывающих разные аспекты прифронтовой повседневной жизни, а также раздела с воспоминаниями и раздела, который называется «История вещей». В последнем авторы-составители публикуют значительное количество уникальных фотографий, газетных статей, почтовых карточек, документов, которые не только иллюстрируют статьи и воспоминания, опубликованные в главе, но и дают в руки историков уникальные источники для изучения прифронтовой повседневности.

В главе I «Астрахань прифронтовая. Гражданский подвиг астраханцев» опубликованы статьи, рассказывающие о жизни Астрахани в годы войны. Здесь можно прочесть и о формировании в городе народного ополчения, и о сверхсекретном проекте железной дороги Астрахань – Кизляр, которая имела важное стратегическое и народнохозяйственное значение, и о работе астраханских предприятий во время войны, и о повседневной жизни горожан. Отдельные статьи посвящены подготовке города к обороне на случай прорыва к нему вражеских войск и формированию 28-й армии, которая вела боевые действия на подступах к городу. Стоит отметить, что строительство укреплений на подступах к Астрахани было начато в ноябре 1941 г., зимой 1942 г. оно было приостановлено и возобновлено летом, когда немцы рвались к Волге и на Кавказ. Планировалось возвести внешний и внутренний оборонительные обводы, город был разбит на три сектора обороны. Защищать город на этих оборонительных рубежах должны были соединения 28-й армии, о формировании и боевых действиях которой повествует отдельная статья. На наш взгляд, в данной статье стоило бы подробнее рассмотреть боевые действия армии, которая осенью 1942 г. остановила немецкие и румынские войска на подступах к Астрахани. Также стоило бы раскрыть роль города в Сталинградской битве и Битве за Кавказ. Астрахань являлась крупным речным и морским портом, через который шел колоссальный поток грузов и войск. О том, в каких условиях осуществлялась навигация по Волге в дни Сталинградской битвы, можно узнать из воспоминаний И.М. Литвинова, опубликованных в книге: «Буквально кипела и сама великая русская река. Днем

баржи с бойцами и горючим одна за другой шли в сторону Сталинграда, ночью они маскировались под крутыми волжскими берегами. Диверсанты не раз пускали осветительные ракеты, и немецкие самолеты бомбили спрятавшиеся баржи с людьми и горючим. Они часто летали так низко, что почти касались земли, демонстрируя свою уверенность, давили на психику»⁴.

В то время как советские войска сдерживали рвущегося к Волге врага, в Астрахани ни на минуту не прекращалась работа многочисленных госпиталей, в которых лечились и восстанавливались тысячи бойцов и командиров Красной Армии. Напомним, что именно деятельность астраханских госпиталей является основным предметом исследования рассматриваемого издания.

В главе II «Миссия спасения. Госпитали» на основе обширного архивного материала освещается деятельность астраханских госпиталей в годы Великой Отечественной войны.

Решение о начале работ по развертыванию в Астрахани госпиталей было принято на четвертый день войны – 25 июня 1941 г., всего в годы войны в городе было развернуто 55 госпиталей, а в области еще 30⁵.

В статье И.Х. Кадыровой, Н.А. Пугачевой, Е.П. Шалацкой «Эвакогоспитали в г. Астрахани, Астраханском округе, Астраханской области в 1941–1945 годах» подробно рассматривается работа по развертыванию эвакогоспиталей, подготовка помещений под них, подбор персонала, снабжение топливом, продовольствием, медикаментами. Материалы статьи хорошо иллюстрируют, что даже в тяжелых условиях прифронтового города, при постоянной нехватке продовольствия, медикаментов, протезов и многого другого, советским медикам удалось вернуть здоровье тысячам красноармейцев.

Одной из проблем при развертывании госпиталей стала нехватка медицинского персонала, в связи с чем было принято решение о досрочном выпуске из медицинских учебных заведений средних медицинских работников. Н.П. Гусарова вспоминала о первых днях работы в госпитале следующее: «Поначалу трудно привыкала к новой обстановке. Все, казалось, куда-то спешили, суетились, бросая на ходу короткие и резкие фразы распоряжений: «В перевязочную! В эвакуационную! В госпитальную! В операционную! В изолятор! Легкораненых в санитарную палату!»

Помню, как в приемную зашел врач, который сказал: «Работать надо спокойно, как можно спокойнее. Наш долг с вами, это «ремонтировать» раненых. Обратите внимание на все возможности, чтобы

⁴ Астрахань прифронтовая: Госпитали. С. 33.

⁵ Там же. С. 71.

всячески облегчить страдания раненых. Они вам верят, так не давайте же повода изменить эту веру в вас»⁶.

Неоценимую помощь медицинскому персоналу в деле ухода за ранеными и их психологической реабилитации оказывали шефские организации. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «Об образовании Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии» от 3 октября 1941 г. были образованы областные, краевые и республиканские комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии, на которые, в том числе, были возложены обязанности по организации шефства предприятий и учреждений над госпиталями и помощь в проведении культурно-политической работы среди раненых. Астраханские предприятия самым активным образом включились в шефскую работу и среди прочего они должны были «...осуществить проведение политических бесед, чток, докладов и лекций особенно среди лежачих; помочь отремонтировать и привести в порядок культурный инвентарь в госпиталях: музыкальные инструменты, настольные игры и др. и оказывать помощь в их пополнении; принять меры к тому, чтобы радиофицировать все подшефные палаты и в первую очередь палаты лежачих раненых; силами клубной художественной самодеятельности шефствующих организаций не реже одного раза в месяц проводить концерты, спектакли, вечера самодеятельности, др.»⁷.

В шефскую работу были вовлечены миллионы советских граждан, особенно детей и подростков, которые своей заботой способствовали выздоровлению и психологической реабилитации миллионов раненых красноармейцев. О том, насколько эта работа была тяжела и значима, красноречиво свидетельствуют материалы рецензируемой книги.

В.А. Чиликова и А.И. Гремина в своих воспоминаниях рассказывают о том, как они организовывали концерты самодеятельности в госпитале и брали личное шефство над ранеными бойцами: «Помогали раненым в госпитале, который располагался в здании нынешнего колледжа, приходили к ним с концертами. Работа в госпитале быстро сделала нас взрослыми.

Мы, школьники-артисты, выступали с концертами во многих госпиталях города. Один из них размещался в здании по улице Тургенева, дом 4, где раненых размещали в актовом зале. Койки были устроены в 2 яруса. Мы приходили сюда часто. У нас были костюмы, как у настоящих артистов. Раненые, которые могли пере-

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 87.

щаться, подходили к сцене и после каждого номера нам аплодировали. После концерта нас благодарили, кормили солдатским обедом, а на прощание давали из своего скромного пайка сладости, сахар, печенье. Мы, гордые и довольные, возвращались домой с чувством исполненного долга.

Были и другие обязанности. За каждым из нас были закреплены раненые. Я ухаживала за слепым бойцом, который узнавал меня даже по приближающимся шагам и шептал: «Идет, идет, моя сестричка». Нам приходилось стирать бинты, писать письма, кормить»⁸.

З.Н. Сусина вспоминала, что она не только оказывала моральную поддержку раненым бойцам, но и помогала медицинскому персоналу: «Мы, дети, приходили в госпиталь, помогали медперсоналу. Помню, что меня никто не посылал, я сама стремилась помочь тем, кто пережил ужас обстрелов и бомбежек, защищая Родину. Раненые меня встречали всегда с улыбкой. Я была маленькая, худенькая. Солдаты, перебинтованные, многие без ног, подзывали меня поближе, гладили по голове и говорили: «Дома у меня осталась такая же дочка...»

Я не боялась ни ран, ни крови. Перевязывала, собирала бинты, несла их домой, чтобы постирать. Мыло было роскошью. И мама кипятила золу в воде, получался щелок, в нем мы и стирали бинты.

Зная много стихов, веселых, грустных и патриотических, читала их раненым, подстраиваясь под их настроение. А еще – писала письма на родину под диктовку, устраивала с другими девочками концерты»⁹.

Повседневная жизнь раненых и медицинского персонала в госпиталях и шефская работа по уходу за ранеными стали неотъемлемой частью прифронтовой и тыловой повседневности и являются одной из слабо изученных страниц Великой Отечественной войны. Материалы, опубликованные в рецензируемой работе, предоставляют в руки исследователей и всех интересующихся историей войны, уникальный материал, раскрывающий все стороны повседневной жизни госпиталей в то тяжелое и героическое время.

Также в главе приводятся краткие исторические справки по всем госпиталям, которые размещались в Астрахани и в Астраханской области во время войны. В них можно найти не только историю госпиталя и информацию по его работе, но и познакомиться с биографиями медицинского персонала и их воспоминаниями о войне, которые содержат уникальные сведения о героическом труде врачей и медсестер, который сопровождался ежедневными подвигами. Одним из таких малоизвестных подвигов является описанная

⁸ Там же. С. 100–101.

⁹ Там же. С. 141.

в книге история донора А.Я. Журавлевой, которая спасла не одну жизнь: «Присылает военврач 2-го ранга Малянова Надежда Александровна санитарочку в наш вагон, просит передать: Анастасия Яковлевна, бомбежка закончилась, мы ушли далеко, фашистских самолетов не видно, а крови в лаборатории больше нет. Военврач просит вас прийти в операционную, там истекает кровью боец. Группа крови неизвестна, только вы можете спасти.

Действительно, у нее была универсальная кровь I группы, ее можно было влить любому человеку, и он не погибнет. Донор Журавлева отвечает:

– А как же? Я же неделю назад уже сдавала, еле ноги ношу, что, никого больше не нашли?

– Нет никого больше, погибли. Ему бы хоть немного крови, совсем молоденький, маму в бреду зовет, его уже дошивают, а потеря крови большая, не выживет.

– Иду, – говорит Анастасия Яковлевна, со стоном поднимаясь с полки, – только воды попью.

Поезд мчится, в операционной кипит работа, спасают жизнь человеку. Пришел донор, ложится на приготовленную лавку у операционного стола, руку освобождает в районе локтя. Быстро вставляют иглу с трубкой для крови донору для прямого переливания, другой конец трубки с иглой, солдату, в вену...»¹⁰

Нельзя не упомянуть и биографические очерки, посвященные начальникам астраханских госпиталей и других медицинских учреждений города: Н.П. Колесову – начальнику госпиталя № 2114, А.К. Беляевой – начальнику госпиталя № 1589, Е.В. Кряжимскому – заведующему Астраханской станцией переливания крови и др.

Как мы видим, приведенные в книге материалы не только сообщают уникальные подробности повседневной жизни госпиталей, но и знакомят читателя с биографиями героев «медицинского фронта». Потомки не должны забывать, что Великая Отечественная война была выиграна не только на полях сражения и в цехах заводов, но и за операционным столом. Героями – медиками стоит гордиться не меньше, чем великими полководцами. В качестве доброго пожелания порекомендуем авторам – составителям издания дополнить биографический материал историями раненых, проходивших лечение в астраханских госпиталях.

В главах III – «Дома, которые помнят...», IV – «Астраханские госпитали. Портретная галерея», V – «Госпитали. Сколько их было. Где располагались...», приводится информация краеведческого характера. В частности, глава III позволяет читателю совершить виртуальную экскурсию по улицам Астрахани и посмотреть на

¹⁰ Там же. С. 118–119.

исторические здания, в которых располагались госпитали во время войны. В главе IV мы можем увидеть лица врачей и медицинского персонала астраханских госпиталей в представленной портретной галерее. В главе V читатель может ознакомиться с уникальной картой Астрахани, на которой указано местоположение всех госпиталей, размещавшихся в городе. Карта составлена на основе архивных документов и является частью большого интернет-проекта, в рамках которого астраханские архивисты собирают информацию обо всех госпиталях и размещают ее в сети «Интернет», делая доступной широкому кругу исследователей.

Подводя общий итог, отметим, что издание «Астрахань прифронтовая. Госпитали. Астрахань, 2021» представляет собой уникальный проект, который приоткрывает завесу над героической, но еще слабо изученной страницей истории войны – повседневной жизнью госпиталей. Хочется пожелать авторам-составителям не останавливаться на достигнутом и продолжать трудную, но благородную работу.

Информация об авторе

Сергей Ю. Кондратенко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, 125047; Konrad_85@mail.ru

Information about the author

Sergey Yu. Kondratenko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Konrad_85@mail.ru

О морально-этических проблемах некоторых
современных авторов:

Об учебных пособиях С.И. Цеменковой
«История архивов России с древнейших времен
до начала XX века»

(Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015);

«История архивов России: XX – начало XXI в.»

(Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019);

«Архивоведение: История архивов России с древнейших
времен до начала XX в.» (М.: Юрайт, 2021)

Тамара С. Волкова

Независимый исследователь, Москва, Россия, viktorgol@mail.ru

Александр В. Крушельницкий

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alkru13@hotmail.com*

Аннотация. Письмо-рецензия на учебные пособия доцента Уральского государственного университета С.И. Цеменковой посвящено морально-этическим проблемам: анализируются текстуальные совпадения в ее учебных пособиях с трудами предшественников: ученых Московского государственного историко-архивного института – Историко-архивного института РГГУ (МГИАИ – ИАИ РГГУ), приводятся доказательства плагиата Цеменковой и задается риторический вопрос: сможет ли такой преподаватель быть требовательным к студентам, если сам является плагиатором?

Отмечается, что вызывает удивление позиция кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета, которая не провела научную экспертизу учебных трудов С.И. Цеменковой, рекомендовав их к изданию. В частности, учебное пособие «История архивов России: XX – начало XXI в.», вышедшее в свет в Екатеринбурге, в издательстве Уральского университета в 2019 г., не только полностью базируется на монографии Т.И. Хорхординой «История Отечества и архивы» (М.: РГГУ, 1994), но и целые страницы дословно переписаны из ее монографии.

Ключевые слова: С.И. Цеменкова, плагиат, учебные пособия, Уральский государственный университет, история архивов

Для цитирования: Волкова Т.С., Крушельницкий А.В. О морально-этических проблемах некоторых современных авторов: Об учебных пособиях С.И. Цеменковой «История архивов России с древнейших времен до начала XX века» (Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015); «История архивов России: XX – начало XXI в.» (Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019); «Архивоведение: История архивов России с древнейших времен до начала XX в.» (М.: Юрайт, 2021) // История и архивы. 2021. № 4. С. 150–158. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-150-158

Concerning the moral and ethical problems
of some contemporary authors.
About the textbooks of S.I. Tsemenkova
“History of Russian archives from ancient times
to the beginning of the 20th century”
(Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2015);
“History of Russian archives: the 20th –
the beginning of the 21st centuries”
(Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2019);
“Archival science. History of Russian archives
from ancient times to the beginning of the 20th century”
(Moscow: Yurait, 2021)

Tamara S. Volkova

Independent researcher, Moscow, Russia, viktorvol@mail.ru

Alexandr V. Krushelnitskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, alkru13@hotmail.com*

Abstract. The review on the textbooks of the associate professor of the Ural State University S.I. Tsemenkova is devoted to moral and ethical problems: the textual coincidences in her textbooks with the works of her predecessors – scholars of the Moscow State Institute for History and Archives – Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities (MGIAI – IAI RSUH). The proofs of Tsemenkova’s plagiarism are presented. There is a rhetorical question arising: can such a teacher be demanding with students if she herself is a plagiarist?

It is noted that the behavior of the members of the Department of Records Management, Archival Science and the History of Public Administration

of the Ural State University is surprising in this situation. They have not carried out a scientific examination of S.I. Tsemenkova's textbooks and recommended them for publication. In particular, the textbook "History of Russian Archives: the 20th – the beginning of the 21st centuries", published in Yekaterinburg, at the Publishing House of the Ural University in 2019, is not only based on the monograph "History of the Fatherland and Archives" (M.: RSUH, 1994) by T.I. Khorkhordina, but entire pages were copied verbatim from her monograph.

Keywords: S.I. Tsemenkova, plagiarism, textbooks, Ural State University, history of archives

For citation: Volkova, T.S., Krushelnitskii, A.V. (2021), "Concerning the moral and ethical problems of some contemporary authors. About the textbooks of S.I. Tsemenkova 'History of Russian archives from ancient times to the beginning of the 20th century' (Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2015); 'History of Russian archives: the 20th – the beginning of the 21st centuries' (Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2019); 'Archival science. History of Russian archives from ancient times to the beginning of the 20th century' (Moscow: Yurait, 2021)", *History and Archives*, no. 4, pp. 150–158, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-150-158

Нам бы хотелось затронуть вопрос о научной этике и морально-этических проблемах некоторых современных авторов. Просматривая и читая литературу и учебники по истории архивов и архивного дела, мы с изумлением обнаружили полный плагиат в учебниках С.И. Цеменковой, вышедших в Екатеринбурге в издательстве Уральского университета.

Так, в 2015 г. вышло в свет учебное пособие С.И. Цеменковой «История архивов России с древнейших времен до начала XX века», где целые разделы просто переписаны дословно из учебников В.Н. Самошенко «История архивного дела в дореволюционной России» (М., 1989)¹, «Исторические архивы Москвы и Петербурга XVIII – начала XX в.» (М., 1990)²; а также из учебника Т.И. Хорхординой и Т.С. Волковой «Российские архивы: История и современность» (М.: РГГУ, 2012)³. Чтобы не быть голословными, приведем для наглядности *только один пример* плагиата С.И. Цеменковой – текст Т.И. Хорхординой и Т.С. Волковой о Поместно-Вотчинном архиве:

¹ См. с. 24, 25, 26, 31, 34, 35, 36, 41, 42, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 118, 156, 157, 158, 159, 160, 170, 171.

² См. с. 19, 20 и др.

³ Полностью заимствованы, скопированы, с. 34–35, 41–43, 44–46, 46–48, 48–50, 50–52 и др.

«После упразднения в 1721 г. Поместного приказа для хранения дел образованной на его основе Вотчинной коллегии был создан Поместно-Вотчинный архив.

В первой половине XVIII в. Архив Поместного приказа много раз перевозился из одного помещения в другое, в том числе в 1717 г. из Москвы в Петербург, в сырые казематы Петропавловской крепости. В 1728 г. все документы были упакованы в рогожные кули, погружены на телеги и доставлены обратно в Москву.

Бедственное положение важных документальных источников о помещичьем землевладении явилось основной причиной создания Поместно-Вотчинного архива. Поместно-Вотчинный архив создан в январе 1786 г. по именному указу «Об упразднении Вотчинной коллегии и наименовании архива ея Государственным». Основу Архива составили документы центральных поместно-вотчинных учреждений XVI–XVIII вв.

Для исполнения справок о земельных владениях, поступавших в этот Архив от помещиков, в течение XVIII века проводилось его описание, которое так и не было окончательно завершено. В 1797 г., например, было издано предписание «способствовать дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства», в результате чего Поместно-Вотчинный архив выполнял ежегодно по полторы тысячи подобных справок.

Большой ущерб Поместно-Вотчинному архиву был нанесен во время Отечественной войны 1812 г. К этому времени Архив был переведен в здание Сената, расположенное в Кремле. Из-за нераспорядительности сенатского начальства и «присутствий» (органов коллегиального управления самих архивов), документы не успели эвакуировать. Правда, для охраны Архива был оставлен член присутствия А.Д. Бестужев-Рюмин, который дважды лично докладывал о бедственном положении архивов Наполеону, жившему в Кремлевском дворце. Император, заметив, что «этот чиновник уже надоел мне со своими архивами», все-таки распорядился принять некоторые меры для их охраны. Тем не менее, во время Московского пожара 1812 г. из 25 тыс. столбцов Архива уцелело всего 16 тыс., а из почти 4 тыс. связок дел – 2,5 тыс. До настоящего времени в РГАДА хранятся несколько столбцов, обгоревших в 1812 г. до такой степени, что их восстановление в первоначальном виде невозможно.

В 1835 г. по указанию министра юстиции Д.В. Дашкова (в прошлом «архивного юноши»), был создан специальный Комитет по сборке и описанию пострадавших сенатских архивов. Вначале работу Комитета возглавил член Вотчинного департамента П.И. Иванов, будущий первый директор Московского архива Министерства юстиции. Работа продвигалась очень медленно и растянулась на долгие годы.

В 1852 г. Поместно-Вотчинный Архив вошел составной частью в Московский архив Министерства юстиции и в настоящее время составляет часть фондов РГАДА»⁴.

Сравним текст учебного пособия Цеменковой: она полностью скопировала этот оригинальный авторский текст, даже не потрудившись хоть немного изменить его. Правда, она добавила в «свой» текст один абзац со страницы 28 того уже учебника.

Еще один пример полного текстуального совпадения: в книгу 2015 г. вставлен без единого изменения и ссылок на источник заимствования следующий фрагмент об «архивных юношах» из работы Т.И. Хорхординой и Т.С. Волковой 2012 г.:

«Особую главу в истории МГАМИД составляет зачисление в его штат “архивных юношей”, которых обессмертил А.С. Пушкин в “Евгении Онегине”. Кстати, он сам был исследователем документов этого архива.

Собирательное название “архивные юноши” в истории отечественного архивного дела обычно употребляется по отношению к служащим, причисленным к Коллегии иностранных дел и подведомственному ей московскому архиву (МАКИД) после вступления на престол в 1796 г. императора Павла I. Наплыв “золотой молодежи” – представителей родовитых семей и старинных дворянских родов в архивы – был вызван Указом Павла I от 5 октября 1799 г., согласно которому всем дворянам предписывалось начинать государственную службу только “в военном звании”, причем исключение делалось лишь для служащих по “иностранной части”. Пренебрегавшие ранее канцелярскими и другими приказными обязанностями дворяне, стремясь избежать обязательной при Павле I армейской муштры, устремились в архив Коллегии иностранных дел, занимая зачастую без жалованья должности переводчиков, переписчиков бумаг, составителей описей и различных “выписей” из официальных бумаг (в Коллегии иностранных дел эти должности соответствовали младшей должности “юнкеров”, отсюда – “юноши”, “архивские юноши”).

В результате в МАКИД к 1802 г. числилось свыше ста сотрудников, среди которых в штат были записаны 11 с пометкой “малолетка”. Среди них – юнкера граф А.А. Мусин-Пушкин “от роду 13 лет”, князь А.Я. Лобанов-Ростовский (9 лет), князь Михайло Голицын “от роду 6 лет”. Выражение “архивны юноши” стало широко известно после выхода в свет поэмы А.С. Пушкина “Евгений Онегин”, где в VII главе есть строки: “Архивны юноши толпою / На Таню чопорно глядят...”. По признанию самого поэта, “неправильное (шуточное) выражение –

---

⁴ Хорхордина Т.И., Волкова Т.С. Указ. соч. С. 31–32.

архивны юноши – принадлежит не мне, а приятелю моему Соболевскому”. Правда, сам Сергей Александрович Соболевский (1803–1870) принадлежал к числу тех “архивных юношей”, которые службой в архиве пренебрегали, например, как он – “рапортуясь больным, хотя и бывал на всех гуляньях”. Из числа “архивных юношей” вышли многие будущие известные литераторы, музыканты, государственные деятели: братья Тургеневы – Андрей Иванович (1781–1803), видный участник движения декабристов Николай Иванович (1789–1871) и Александр Иванович (1784–1845), а также племянник поэта Г.Р. Державина и двоюродный брат драматурга В.А. Озерова Д.Н. Блудов (1785–1864), М.М. Сонцов (1779–1847), братья Булгаковы – Александр Яковлевич (1781–1863) и Константин Яковлевич (1782–1835), поэт-романтик Д.В. Веневитинов (1805–1827), братья Киреевские – Иван Васильевич (1806–1856) и Петр Васильевич (1808–1856), композитор Д.Ю. Струйский (1806–1856), автор знаменитых мемуаров, в том числе о МАКИД и о своих сверстниках, Ф.Ф. Вигель (1786–1856) и др.

Здесь работали также ученые-историки разных поколений В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, члены “Румянцевского кружка”, И.И. Голиков, Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов и другие.

В настоящее время материалы МГАМИД хранятся в РГАДА»⁵.

Если Хорхордина и Волкова могли бы ответить, поймав автора на плагиате, но из благородства до сего времени не делали этого, то Вадим Николаевич Самошенко не может ответить, так как он уже ушел из жизни.

Тогда мы подумали: а что, так можно было? Оказывается, можно просто скопировать и «смастерить» учебное пособие, переписав труды предшественников – ученых Историко-архивного института – дословно, не потрудившись изложить заимствованный текст своими словами.

Светлана Ивановна увидела, что это сошло ей с рук, а безнаказанность, как известно, рождает вседозволенность. «Вишенкой на торте» стало второе учебное пособие С.И. Цеменковой: Светлане Ивановне настолько понравилось заниматься, будем называть вещи своими именами, воровством трудов преподавателей Историко-архивного института, что в 2019 г. появляется ее очередной «опус»: «История архивов России: XX – начало XXI в.», не только написанный на основе трудов Т.И. Хорхординой (что, справедливости ради, она и сама признает во введении, и даже во многих местах делает ссылки), но целиком и полностью многие разделы, целыми страницами списывает из монографии Хорхординой «История Отечества и архивы» (М.: РГГУ, 1994 (!); другое

⁵ Там же. С. 45–46.

издание и название: «История и архивы» (М., 1994), «забыв» при этом поставить кавычки.

Как известно, Хорхордина является первооткрывателем многих ранее закрытых или малоисследованных тем в истории отечественного архивного дела XX века. В свое время монография Хорхординой произвела, можно сказать, переворот в историографии отечественного архивного дела: студенты зачитывались ею, так увлекательно была представлена история, казалось им ранее, скучной дисциплины. И вот в очередном труде Цеменкова заимствовала целые разделы из монографии Хорхординой, выдав за свое творение. Читатель сам может в этом убедиться, сравнив текст Хорхординой и текст Цеменковой: если до с. 35 своего учебного пособия она еще «передельвала» текст Хорхординой, пытаясь писать «своими» словами, то уже со страницы 35 она перестала этого стесняться, переписывая текст Хорхординой целыми страницами. Читатель сможет сам в этом убедиться, увидев полные текстуальные совпадения⁶. Опять же, чтобы не быть голословными, приведем *только одно полное текстуальное совпадение*. Как известно, стиль Хорхординой узнаваем. Так, Хорхордина пишет:

«На посту начальника ГАУ при Совете министров СССР его сменил кандидат философских наук, специалист по вопросам научного атеизма и бывший директор Музея Ленина Ф.И. Долгих. Итак, этот период полон противоречивых тенденций: с одной стороны – бурное и достаточно успешное развитие документоведения, пользующегося покровительством Совета министров СССР, с другой – практически полный застой в разработке научных фундаментальных проблем архивоведения. Только личными стараниями выдающихся ученых – энтузиастов архивного дела, прежде всего В.Н. Автократова, подлинное значение наследия которого начинает постигаться только сегодня, а также Б.С. Илизарова и немногих других ученых, архивоведение как научная дисциплина все-таки продолжало развиваться. Однако работы этих авторов, как правило, издавались малыми тиражами и ценились разве что в близком окружении коллег из ВНИИДАД и МГИАИ»⁷.

Приведем еще один пример плагиата Цеменковой:

---

⁶ См. страницы книги Хорхординой, которые списаны полностью: 75, 76, 77, 81, 84, 85, 92, 94, 96, 97, 143, 147, 148, 156, 161, 164–168, 170, 171, 174–184, 201, 203, 204, 206, 245, 247–249, 251, 252, 254, 259, 260–262, 270, 273, 278, 279, 287, 293, 294, 299, 300–303, 306, 313, 317–319, 322, 323, 327–329, 333, 335, 337, 338, 340, 343–347.

⁷ Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. С. 335.

«В период с 1949 по 1953 г. ГАУ проводило сотни совещаний и заседаний по вопросам улучшения научно-методической работы архивных органов и государственных архивов СССР. Итогом этих совещаний, как правило, являлись создаваемые комиссии и специализированные советы, которые занимались утверждением бесчисленных проектов приказов, инструкций, образцов учетной и отчетной документации... Однако все свежие мысли, идеи, которые высказывались на закрытых совещаниях, в жестких рамках структуры органов МВД неизбежно теряли свой творческий характер, в лучшем случае превращаясь в секретные приказы, а в худшем – выбрасывались в корзину... Болезненный разрыв между не понимающим специфики архивного дела номенклатурным начальством и поставленными в безвыходное положение «низами» исполнителей к середине 1950-х гг. достиг огромных размеров. Все более очевидными становились признаки надвигающегося кризиса в архивном деле»⁸.

Открываем учебное пособие Цеменковой, и что же мы видим: полное текстуальное совпадение на протяжении не только этой, но и последующих четырех страниц.

Цель преподавания, как известно, заключается не только в обучении, но и в воспитании студентов, в воспитании у них гражданской позиции, честности, порядочности. Что же может воспитать преподаватель, если он занимается воровством чужих идей, чужих трудов?

В связи с этими вопиющими фактами хотелось бы обратить внимание и на позицию кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета, на которой работает С.И. Цеменкова. Преподаватели кафедры, читая студентам дисциплины, связанные с архивоведением, просто не могут не знать литературу и учебники по истории архивов и архивного дела, и в силу этого, должны видеть и понимать, что учебные пособия С.И. Цеменковой являются плагиатом, и указать ей на недопустимость воровства чужих трудов. Однако кафедра, вместо того чтобы провести экспертизу трудов, подготовленных преподавателем кафедры, закрыла глаза на откровенный плагиат Цеменковой.

Вызывает удивление и позиция издательства Уральского университета (г. Екатеринбург). Издательство, принимая к публикации очередную книгу, наверняка должно проверять на плагиат, чего оно, к сожалению, не сделало.

В заключение приведем еще одну цитату из введения учебного пособия Цеменковой, где она эвфемистически-стыдливо отмечает:

---

⁸ Там же. С. 299.

«Основное содержание данного учебника базируется на сведениях, почерпнутых из статей и трудов ряда авторов, ставших уже классиками истории архивного дела...», и перечисляет имена ученых Историко-архивного института. Однако это отнюдь не означает, что можно переписывать их произведения целыми разделами, не потрудившись хотя бы переработать текст... Между тем плагиатом считается присвоение авторства элементов чужого научного произведения в собственном произведении, а также заимствование элементов чужого научного произведения с использованием правил научного цитирования (указанием автора, названия и источника произведения), доля которого по объему, например, превышает 50% от общего объема собственного произведения. В учебном пособии Цеменковой «История архивов России: XX – начало XXI в.» эта доля составляет 90 % от общего объема ее произведения.

Возникает риторический вопрос: сможет ли такой преподаватель требовать самостоятельности студентов при написании ими дипломных и магистерских работ, если сам является плагиатором?

Информация об авторах

Тамара С. Волкова, кандидат исторических наук, Москва, Россия; viktorvol@mail.ru

Александр В. Крушельницкий, кандидат исторических наук, доцент; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; alkru13@hotmail.com

Information about the author

Tamara S. Volkova, Cand. of Sci (History), Moscow, Russia; viktorvol@mail.ru

Alexandr V. Krushelnitskii, Cand. of Sci (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; alkru13@hotmail.com

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 14.12.2021.
Формат 60×90¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1338

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06